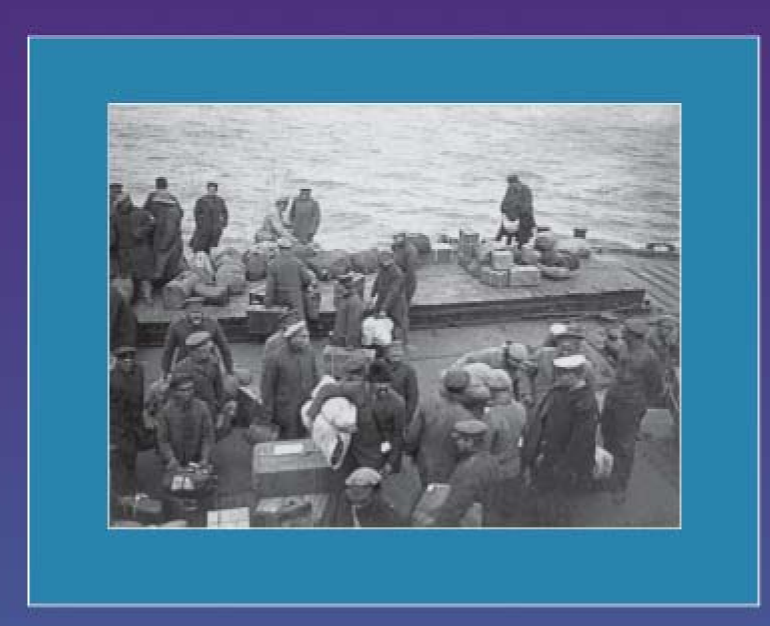
В поисках лучшей доли

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.

В поисках лучшей доли

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.

Москва «ИНДРИК» 2009

ББК 63.3(0)5-6
В 11

Работа опубликована при поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.). — М.: Индрик, 2009. — 248 с.

ISBN 978-5-91674-040-0

Совместная работа специалистов по истории различных государств Восточной Европы позволила выявить особенности процессов адаптации и сохранения национальной идентичности эмигрантов из России в отдельных странах региона в период глубоких социальных и политических трансформаций. Авторы попытались создать обширную картину их жизни и деятельности (быт, культура, церковь, занятость, образование, взаимоотношения с властью, коренным населением, вклад в культуру стран пребывания).

На солидной документальной базе рассмотрены сложнейшие проблемы рассеяния русских эмигрантов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, освещены и проанализированы далеко не однозначные вопросы восприятия эмигрантов коренным населением, особенности складывания национальных диаспор и причины отъезда эмигрантов в другие страны.

ISBN 978-5-91674-040-0

Содержание

Предисловие 7

СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Югославия

В.И. Косик
Русская эмиграция в Югославии 10

Русская Православная Церковь (РПЦЗ) в Югославии и ее ключевая роль в сохранении русской идентичности — Русское просвещение и печать — Русский военный в Белграде и в провинции

Болгария

Е. Анастасова
Русские в Болгарии 51

Белогвардейцы — Путь в Болгарию — «Второй дом» и память родины» — Наследие белогвардейской эмиграции в Болгарии — Советская волна эмиграции в НРБ — Ситуация сегодня

В.И. Косик
Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920–1950- х гг. 76

Румыния и Бессарабия

В.Я. Гросул
Российская политическая эмиграция в Румынии во второй половине XIX в. 95

В.Н. Виноградов
Российские народники в Румынии во второй половине XIX в. Перипетии адаптации 108

А.Ю. Скворцова
Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период 119

К. Иордан
Румыния и армия барона Врангеля 138

Т.А. Покивайлова
Проблемы адаптации русской белой эмиграции в Румынии. Виктор Богомолец — агент румынских секретных служб............ 146

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Венгрия

Аттила Колонтари
К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период 157
Ф.Е. Лукьянов
Венгерские дни генерала Деникина. «Очерки русской смуты» писались на берегах Балатона 182
«Нравится мне Венгрия…» — Генерал-отшельник — «Помещик» Деникин

Чехословакия

Е.П. Серапионова
Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг. (Проблема сохранения национальной идентичности) 188
Образование — Культурно-просветительные учреждения, общественная жизнь, профессиональные объединения — Русская Православная Церковь

Польша

Т.М. Симонова
Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. XX в. Некоторые аспекты проблемы сохранения национальной идентичности 207

Предисловие

Наш дом на чужбине случайно,
Где мирен изгнанника сон,
Как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен

В. Набоков

Во второй половине XIX — первой половине XX в. в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы открылась новая страница, связанная с присутствием в них русских эмигрантов. Если во второй половине XIX в. русская эмиграция не имела массового характера и носила политический характер, то в начале XX в. начавшаяся мировая война и последовавшие за ней революции, прежде всего в Российской империи, и гражданская война привели к исходу в государства Центральной и Юго-Восточной Европы больших групп населения, одетого как в военную шинель, так и в гражданское платье.

Исследуемая тема раскрывается на широком временном поле и на объемном разноконфессиональном пространстве — от православной Болгарии до католической Польши. Выявляются особенности положения эмиграции в странах с различным государственным устройством — от монархической Югославии до республиканской Чехословакии, на фоне далеко не благожелательного отношения властей к русской эмиграции в ряде стран, прежде всего в Румынии и Польше.

До настоящего времени отдельные ее сюжеты не раз становились предметом исследования в работах российских и зарубежных исследователей, однако в целом эмигрантская тематика в указанном регионе представляет до сих пор обширное поле деятельности для исследователей.

В то же время наблюдается явная диспропорция в сфере изучения этого феномена. При наличии ряда опубликованных материалов по Чехословакии и Югославии почти полностью отсутствуют работы по российской эмиграции в Венгрии, Польше и Румынии.

Ко многому, что написано здесь, можно добавить слово «впервые». Разумеется, авторы, где возможно, опираются на труды своих коллег, в том числе и зарубежных, внесших весомый вклад в изучение российской эмиграции в своих странах, прежде всего болгарских, сербских, чешских и словацких историков.

Совместная работа исследовательского коллектива, сформированного из специалистов по истории стран Юго-восточного регио-

на, включающего в свои границы Албанию, Болгарию, Румынию, Югославию, и Центрально-европейского, охватившего Венгрию, Польшу, Чехословакию, предоставила возможность создать комплексный труд, в котором исследуются сложные разнонаправленные и разновременные процессы в среде русской эмиграции, нарисовать обширную картину их жизнедеятельности (быт, культура, занятость, просвещение, взаимоотношения с властью на местах и коренным населением, вклад в культуру.

В процессе разработки был выявлен ряд интересных документов в фондах Государственного архива Российской федерации (ГАРФ), а также Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской федерации (АВР РФ), в собрании трофейных документов Российского государственного военного архива (РГВА), в государственных архивах Венгрии, Румынии, Словении, а также проведена обработка полученных материалов из Сербии и Болгарии. Новые материалы позволили значительно обогатить картину русского присутствия в указанном регион, отличающегося разнообразием исторических традиций.

Большое внимание уделено освещению сложнейших проблем адаптации постреволюционной эмиграции, большая часть которой стремилась сохранить свою национальную идентичность.

Во взаимосвязи с этими процессами изучались сюжеты, связанные с проблематикой сохранения национальной идентичности (русского языка и литературы, образования на родном языке, православной веры, национальной культуры и сбережения национальных ценностей).

С выполнением этой задачи была связана и деятельность по изданию русской литературы, прежде всего классической. Той же цели была подчинена работа различных органов прессы, например, белградского «Нового времени». Только в балканском регионе на русском языке было опубликовано более сотни газет и других изданий. Все это способствовало сохранению и упрочению «русскости» прежде всего у молодежи, которой, по мысли «отцов» предстояло строить новую Россию.

Власти большинства стран делали многое для приема и размещения русских эмигрантов на своих территориях, но были и определенные ограничения, связанные прежде всего с получением постоянной работы и оплатой труда. Преференциями здесь пользовались представители коренного населения.

В основном эмигранты стремились закрепиться в столицах, где было легче найти работу. Именно поэтому в Белграде, Праге, Софии были созданы крупные русские колонии. Так, Белград в начале 1920-х гг. насчитывал 8–10 тысяч беженцев. Те слои эмигрантов, которые

прочно осели в таких странах региона как Югославия, Болгария и Чехословакия, постепенно врастали в местную среду. Этому способствовали многие факторы. Перечислим основные:

В славянских странах этническая близость, глубокие исторические связи; нужда, прежде всего, молодых балканских государств в инженерах, архитекторах, ученых, профессорах, врачах и в других специалистах высокой квалификации, включая служителей Церкви, представителей мира искусства; возможность учиться подрастающему поколению в русских или смешанных учебных заведениях.

Гораздо сложнее шли процессы адаптации в Румынии и Венгрии, власти которых последовательно проводили работу по выдавливанию русского элемента за пределы своих государств. В Румынии на ситуацию влияла румынизация российского населения в Бесарабии, что определяло постоянную миграцию русского населения, в том числе и отток его на Запад. В Венгрии на белую эмиграцию проецировались традиционные русофобские комплексы венгерской политической элиты.

Следует также отметить особенность адаптации русских в Польше, связанные с образованием после Первой мировой войны Польского национального государства и вхождением в его состав территорий бывшей Российской империи.

Наряду с темами, в которых обрисованы различные стороны жизнедеятельности эмиграции, в том числе политической, в книге есть и страницы, посвященные одной или нескольким личностям, например, А.И. Деникину и вкладу русской культурной элиты в сохранение национального достояния.

Настоящий коллективный труд основан на множестве новых материалов. При всей мозаичности сюжетов в работе представлено обширное полотно жизни и деятельности Российского зарубежья.

В современных геополитических условиях, когда в движение пришли огромные массы населения, изучение исторического опыта российской эмиграции в странах восточноевропейского региона не теряет своей значимости и актуальности.

Редколлегия

ЮГОСЛАВИЯ

В.И. Косик

Русская эмиграция в Югославии

Россия изнемогала в огне гражданской войны. Во все четыре стороны света потянулись обозы, двинулись эшелоны, пошли пароходы с людьми, спасавшими свою честь и жизнь. Одной из стран, где они нашли свое временное пристанище, а потом и постоянное место проживания — свой второй дом, стало Королевство сербов, хорватов и словенцев. «Ананасы в шампанском» для одних и тяжелый, зачастую опасный для жизни труд (как, например, разминирование неразорвавшихся снарядов, оставшихся в земле со времен недавней войны) для других. Цвет интеллигенции, сравнительно легко находящей поле деятельности, и масса боевых офицеров в мирной стране. Молодые мечты и погасшие идеалы. Все это были контрасты той жизни, в которой некоторые обретали второе дыхание, другие утрачивали смысл бытия.

Русская Православная Церковь (РПЦЗ) в Югославии и ее ключевая роль в сохранении русской идентичности

В своей книге «Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века)» (М., 2000) я писал, что обустройство русского духовенства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев проходило сравнительно легко. У священства выбора не было. У него оставалась одна задача — забота о духовном попечении над русским народом в рассеянии. Сразу отмечу, что Сербская Православная Церковь, испытывающая недостаток в пастырях, охотно принимала русских священников на свои приходы, особенно сельские. Здесь надо иметь в виду, что за время Первой мировой войны Сербская Православная Церковь потеряла больше тысячи священников, т. е. свыше одной трети от довоенного количества. Сама территория нового государственного образования — Королевства сербов, хорватов и словенцев — превышала размеры прежнего Сербского государства в несколько раз, что требовало резкого увеличения священнослужителей, например, для православной Македонии.

В сущности история русской православной Церкви в Югославии неотделима от самой «сербско-русской» жизни со всеми ее горестями и испытаниями славой. И в изгнании русский народ, русское священство заботились прежде всего о пище духовной. Делом первостепенной важности стала организация приходов, устройство храмов.

Они возникали в Белграде, Земуне, Панчеве, Загребе, Сараеве, Белой Церкви, Сремских Карловцах, Сомборе, Суботице, Великом Бечкереке, Осиеке, Црквенице [1]. Но так было далеко не везде. В православном Цетинье в начале 1920-х гг. не было своего храма. Восемь десятков беженцев окормлял сербский священник Михаил Вуйсич, длительное время живший в России. Для эмигрантов он был настоящим «русским батюшкой» [2]. В католической Любляне, в которой к 1925 г. русских было около 300 человек, также не было ни русской церкви, ни русского священника. Верующие могли посещать небольшой сербский храм с русским хором [3]. Другая ситуация сложилась в Нови-Саде, в котором было пять православных сербских храмов. Имевшие своего священника «беженцы облюбовали старейший, сохранившийся с 1730-х гг. уютный храм Св. Николая, но в феврале 1922 г. Сербская епархия во главе с епископом Иринеем уступила им часовню Св. Василия Великого на втором этаже Епископского дворца» [4]. Иная картина была в Битоли: весной 1926 г. руководство Битольской общины удовлетворило просьбу русских беженцев о выделении им двух бараков под церковь и библиотеку «за заслуги русского народа ко всем славянам» [5]. По неизвестным причинам был выделен только один барак, который в мае того же года после необходимых переделок был превращен в церковь, посвященную Св. Троице. 20 июня церковь была освящена [6].

Первый русский православный приход в Белграде был открыт в 1920 г. протоиереем о. Петром Беловидовым, обладавшим великолепным организаторским даром. Он получил семинарское образование, много лет преподавал Закон Божий в одной из школ Новороссийска. Обосновавшись в Белграде, стал членом «Общества взаимопомощи», которое открыло столовую в бывшей казарме французских войск на ул. Короля Петра. Именно там и начали совершаться богослужения для беженцев. После пожара, уничтожившего столовую, службы были перенесены в здание 3-й сербской мужской гимназии, предоставившей свои помещения в 1920 г. только что созданной 1-й русско-сербской гимназии, ставшей временным центром церковно-религиозной жизни российского беженства. Но служить на новом месте было крайне неудобно, так как в те дни, когда гимназическая зала была занята, приходилось совершать службы в коридоре. К тому времени, как писал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий), по инициативе известного славянофила А.В. Васильева

было создано «Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев». Оно «считалось более правого направления», и о полной солидарности с о. Петром, полагавшим, что «общество» вторгается в его сферу и мешает ему, не могло быть и речи. Тем временем Васильев получил разрешение от Патриарха Димитрия перенести богослужения в покойницкий барак на старом кладбище, находившемся в центре города вблизи церкви Св. Марка. Одновременно было получено благословение Патриарха Димитрия и Владыки Антония на сбор средств для постройки русского храма, месторасположение которого было еще не определено.

Сам Патриарх тем не менее не видел особой нужды в строительстве именно русской церкви, считая, что «братушки» могут молиться и в сербских церквах. Он не понимал, как писал один из современников, что «своя церковь русская нужна была потому, что сербский церковный быт и сербские службы — чужды русским привычкам. Сербы изредка служат всенощные и сокращают церковные службы; кроме того, особенно дорого русским их чудное церковное пение» [7].

Но думается, что причина строительства русской церкви не в «чудном пении» и т. п., а прежде всего в том, что русские люди, утратив родину, не хотели потерять свою русскую — именно русскую — церковь. Поэтому во всех странах русского рассеяния главной задачей была постройка русской церкви.

Сформированный к этому времени (1923) белградский причт во главе с о. Петром задумал возвести его именно на месте барака, т. е. в самом центре города. Был сделан соответствующий проект (архитектор В.В. Сташевский). Патриарх Димитрий, которому было доложено, что речь идет как бы о временном переустройстве, дал нужное разрешение. Началась стройка на глазах изумленного духовенства церкви Св. Марка. Сербскому Патриарху полетела жалоба, что русские его обманули и вместо реконструкции возводят свою церковь. Однако Патриарх не стал предпринимать каких-либо решительных мер, ограничившись упреком митрополиту Антонию, который, к слову сказать, был совершенно не осведомлен о плане о. Петра. Тем временем стройка шла ударными темпами. Председатель Совета Министров Никола Пашич отпустил из казны 40 тыс. динаров, два кирпичных завода поставили бесплатно свою продукцию. За 39 дней здание церкви, выстроенное в псковско-новгородском стиле, было закончено.

Насколько сербские церковные власти были недовольны появлением русского храма в центре столицы, отчетливо видно из истории с небольшим колоколом, пожертвованным Джурджиной Пашич, женой Н. Пашича. Лишь после долгих проволочек Патриарх Димитрий наложил положительную резолюцию на ее просьбе. 5 января 1924 г.

в письме на имя митрополита Антония он сообщал о своем согласии по поводу колокола и просил известить русскую церковную общину и о том, что «вместо этой капеллы будет выстроена новая русская церковь в Белграде на другом месте, что и предусмотрено уговором и нашим распоряжением, данным по соглашению с Вами» [8]. Но даже и тогда сербское священство храма Св. Марка продолжало оказывать сопротивление. Лишь после того как Н. Пашич прислал жандармов, колокол был подвешен без помех [9]. 28 декабря 1924 г. митрополит Антоний освятил церковь в честь св. Троицы.

В отстроенном храме была помещена чудотворная икона Курской Коренной Божией Матери. Этот образ был перемещен из монастыря Язак, где жил ее хранитель владыка Феофан, вывезший икону из России. Там же хранились вывезенные офицерами с Юга России знамена Российской армии, под которыми сражались под Полтавой, в Альпах, у Бородино, реявшие над турецкими крепостями и осенявшие Севастополь. (В ходе эвакуации в 1944 г. знамена были вывезены из страны. След их потерялся в Европе.)

В храме находится с 1929 г. гробница скончавшегося в 1928 г. в Брюсселе генерала Врангеля, о котором можно было услышать, что «в будущей национальной России он будет причтен к числу бесспорных национальных героев и имя его будет свято чтиться в потомстве» [10].

С недавних времен была там помещена мемориальная доска с именами русских воинов, павших в 1992–1993 гг. в боях за Сербию: Богословский Константин, Ганиевский Василий, Котов Геннадий, Чекалин Димитрий, Нименко Андрей, Шашинов Владимир, Попов Димитрий, Мелешко Сергей, Александров Александр, Гешатов Виктор. (Судя по воспоминаниям русского добровольца Олега Валецкого, две фамилии написаны неверно: Мелешко — Мережко, Шашинов — Сафонов [11].) Потом доска как-то исчезла. И сейчас мне неизвестно, появилась ли она на прежнем месте.

В Свято-Троицкой церкви служили Патриархи Димитрий и Варнава, туда приезжал — зачастую без предварительного оповещения, так сказать, запросто — король Александр, бывала королева Мария, там можно было увидеть и членов королевской семьи, сербских министров и иностранных дипломатов, не говоря уже об архиереях Русской Православной Церкви За Границей.

Каждый русский священник, приезжая в Белград из глухих сербских приходов, старался хоть раз, но послужить в Белградском храме — этом центре церковной жизни и русском уголке, оживлявшем воспоминания о далекой и близкой России.

Состав сестер, певших на клиросе, выполнявших различные работы в храме, был различен: здесь были и простолюдинки и дворянки — служба Богу уравнивала всех.

В храме трудились многие из тех, кто, приняв монашество, позднее заняли видное положение в церковной иерархии. Окормление многочисленного прихода шло довольно успешно. Только в 1930 г. одних литургий было совершено свыше 200, общее количество богослужений приближалось к 500. Кроме приюта для безработных при храме было открыто общежитие для студенток. Активно велась и просветительская работа [12].

Протоиерею Петру в отправлении служб помогал священник Владислав Неклюдов, которого особенно любили прихожане храма. Вторым священником был о. Иоанн Сокаль, выпускник Московской духовной академии, до своего назначения в Белград трудившийся преподавателем в Битольской духовной семинарии в Старой Сербии (нынешней Македонии). По воспоминаниям одного из современников, это был «дипломат английской выправки», отличавшийся склонностью к долгим и «мудреным» проповедям, которые зачастую были утомительны и трудны для понимания. После смерти в 1940 г. настоятеля Белградской русской церкви протоиерея Петра Беловидова он стал его преемником.

С историей и жизнью храма связана и судьба семьи Тарасьевых, представитель третьего поколения которой по сей день окормляет русскую паству.

Служители церкви крестили, исповедовали, отпевали. Церковь сопровождала человека в радостях и горестях «сей привременной жизни». И сейчас «…зимой или весной при оголенных кустах и отсутствии высокой травы русские могилы легко обнаруживаются на периферии почти всех православных кладбищ Югославии или католических и лютеранских — в северо-западной части страны. Распознаются они по восьмиконечным крестам (иногда лишь высеченным на плите), по кириллице едва разборчивых эпитафий или цитат из Священного Писания, по склоняющимся над ними березам… Могилы обычно сгруппированы и составляют целые русские участки. Большие участки сравнительно хорошей сохранности находятся на православном Новом кладбище в Белграде, кладбище Мирогой в Загребе, православных кладбищах Воеводины: в Панчеве, Белой Церкви, Нови-Саде, Зренянине, Суботице, Сомборе, Земуне, Сремских Карловцах. Однако многие участки уже разделяют общую судьбу старых кладбищ — запустение, осквернение или даже полное уничтожение (как в Скопле, Сараеве, Кикинде и др.) [13].

Одно из самых больших — русское кладбище, вернее сказать участок, на Новом Белградском кладбище. «Все это место пронизано русской землей, русским горем и русскими слезами». В Иверской часовне в алтаре вместо мощей небольшая шкатулка с русской землей [14].

Там же возвышается памятник Русской славы (архитектор Р.Н. Верховский, проект выполнен В.В. Сташевским, идея исходила

от полковника М.Ф. Скородумова). Сам монумент выполнен в форме снаряда с фигурой Архангела Михаила на вершине. На памятнике высечены российский герб и несколько надписей. Одна из них — на русском языке — гласит: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». Другая — на сербском: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918». Тут же значатся имена жертвователей на постройку памятника, вождей Белого движения, названия воинских союзов и объединений, имена тех, за кого надо молиться. Под ступенями, ведущими к памятнику, устроена часовня-склеп, над входом в которую — еще одна надпись: «Спите, орлы боевые». Здесь захоронены останки павших на Салоникском фронте, а также офицеры и солдаты двух русских батарей, отдавшие свою жизнь при обороне Белграда. Там же покоится прах четырех русских военнопленных, расстрелянных австрийцами в Горажде за отказ участвовать в погрузке снарядов, двух моряков монитора «Тирасполь», погибших у Кладова, около сотни русских солдат, скончавшихся от ранений в госпиталях. В часовне — крест, сделанный из рельсов. На нем надпись: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии».

Наряду с храмом в Белграде в стране действовали и другие русские церкви.

В Земуне в 20-е гг. русские получили в свое распоряжение храм Михаила Архангела, где были священниками Фрол Жолткевич, Виталий Лепоринский, Михаил Котляревский [15]. В г. Белая Церковь, где нашло прибежище сравнительно большое количество русских эмигрантов, стараниями иеромонаха Иоанна (Шаховского) был отстроен в 1931 г. по проекту архитектора А.В. Шавцова храм во имя св. Иоанна Богослова [16]. Всего в городе было три русских храма (прихода): приходской, сооруженный заботами о. Иоанна Шаховского, в кадетском корпусе и в Девичьем институте. В этом небольшом провинциальном городке открылась и скромная пастырская школа. Как писал о. Иоанн Шаховской: «Вакансии пастырские в сербских приходах тогда были открыты в значительном числе. Сербская Церковь охотно предоставляла пастырский труд русским священникам… Чтобы не заставлять пожилых людей проходить полного семинарского курса… и был устроен ускоренный выпуск кандидатов в пастыри» [17]. В Великом Бечкереке в 1920 г. первые богослужения начались в одном из помещений кофейни «Кригер», где был устроен передвижной алтарь. Вел их о. Владимир Востоков, который «во время революции и гонения религии был схвачен большевиками, возившими его в клетке. Вырвавшись от них, отец Владимир предлагал вождям белого движения пойти на „нечисть“ крестным ходом». В 1922 г. он был переведен в Панчево, тогда же для церкви было отведено место получше —

гимнастический зал школы. Преемником о. Владимира был назначен о. Владимир Мельников, бывший ранее разъездным священником и прослуживший до середины 1920-х гг. В 1929 г. под церковь переустроили бывшие казематы тюрьмы «Мункач». Алтарные иконы написал изограф А.И. Шелоумов, полиелей сделал С.И. Шереметинский. «Тайную вечерю» написал генерал А. Шестаков. Первое богослужение в храме, получившем имя в честь архистратига Михаила, прошло 7 декабря. И первым настоятелем этой церкви стал уже упоминавшийся о. Владимир Востоков, не покидавший паству до 1941 г. Потом был о. Владимир Ульянцев, который через некоторое время стал священником в Русском охранном корпусе, в отряде, воевавшем в Боснии. На его месте стал служить о. А. Мирошниченко, последний русский поп в Великом Бечкереке. После резолюции Информбюро 1948 г. и фактического разрыва Москвы с Белградом, Сталина с Тито, был вместе со многими другими изгнан из Югославии [18]. По сведениям русского краеведа Б.Л. Павлова, сразу после освобождения города в 1944 г. храм посещали советские солдаты, шедшие через город на фронт: «…церковь часто была полна до отказа. У многих на шее были ладанки, иконки, кресты». Многие знали службу и помогали священнику. Находились среди них и певчие. Но после ухода советских частей в храме не было уже такого количества верующих. Службу тогда вел о. Милош Попович, затем о. Нинчич. В 1973 г. распоряжением Сербской Патриархии русский храм под предлогом, что русских почти не осталось, был передан городскому женскому монастырю Св. Мелании [19].

В Новом Бечее русские возобновили богослужения в переданной им сербами старинной (начало XVI в.) монастырской церкви Успения Божией Матери. В Земуне, пригороде Белграда, сербы предоставили русским небольшую церковь в городском парке. В Панчево церковь во главе с настоятелем о. Петром Голубятниковым при русской больнице обслуживала и русскую колонию. В Великой Кикинде служил священник Василий Шустин, впоследствии духовный писатель. В Сараеве образовалась церковная община под водительством о. А. Крыжко. Можно назвать и храм в г. Црквеница на Адриатике, сооруженный заботами вдовы императорского посланника Н.Г. Гартвига. Есть русская часовня-памятник, сооруженная русскими военнопленными в великую войну 1914–1917 гг. в горах Словении на высоте 1226 м над уровнем моря, в 6 км от ж/д станции Кральская гора, вблизи от шоссе, получившего название «Русская цеста». Часовня сооружена из дерева в русском стиле, покрыта гонтом и обшита древесной корой. Здесь русские военнопленные работали над постройкой стратегического шоссе. От частых снежных обвалов и тяжелых условий работы здесь нашли вечное упокоение

свыше 4000 человек. А во время одного из весенних обвалов погибло сразу более 2000 русских солдат. На этом месте близи часовни воздвигнут восьмиконечный крест с Георгиевскими крестами по сторонам. Уцелевшие начали строить и построили часовню-памятник. Заботами проф. Билимовича, Спекторского и о-ва «Русская Матица» в Любляне подвели под часовню бетонное основание и обшили гонтом всю наружность кроме входа. В ограде трудами одной из югославских военных частей сооружен памятник-пирамида неизвестному русскому солдату. Ежегодно в июле русскими совершается в часовне торжественное богослужение. 3 декабря 1939 г., уже после начала Второй мировой войны, состоялось открытие памятника 54 русским воинам, умершим в Первую мировую войну в австрийском плену и похороненным на православном кладбище в Приедоре. Памятник был поставлен усердием «русских националистов», зарабатывавших тяжелый хлеб на шахте Любия, и русскими горожанами Приедора во главе с инженером Петром Зотовым [20]. В Черногории в г. Никшиче есть православный собор, построенный на средства, отпущенные по распоряжению Николая II. В Сербии недалеко от г. Алексинца, на месте боев русских добровольцев ген. Черняева, в 1876 г. вдовой полковника Раевского, павшего здесь, сооружена на ее средства русская церковь [21]. Случалось и так, что сербский священник был настоятелем русского храма, как это было в Нови-Саде, или русский епископ стоял во главе сербского монастыря Раковица. В Приштине трудился законоучителем выпускник Хабаровского и Донского кадетских корпусов (1928) Михаил Степанович Боровский (? — 10.06.1981, Чачак), переквалифицировавшийся в преподавателя русского языка после Второй мировой войны [22].

Многие храмы строились русскими людьми и для единоверных братьев. Среди стран русского рассеяния талантом русских зодчих именно в Югославии возводилось наибольшее число православных церквей.

Широкую известность на югославянской земле получило русское хоровое искусство. Для его «неумирания» много сделал о. Петр Беловидов: уже в 1922 г. организованный им хор давал концерт в Панчеве из произведений Бортнянского, Архангельского, Гречанинова, Кастальского, Ломакина и др. [23]. Но самым знаменитым стал русский хор Вознесенской церкви в Белграде под руководством А.В. Гринкова. С одинаковым успехом им исполнялись сочинения как русских, так и сербских композиторов. В программе были сочинения А.Т. Гречанинова, М.М. Ипполитова-Иванова, С. Мокраньца и песнопения многих других авторов, с которыми хор выступал в концертах духовной музыки [24] в различных городах. Так, 8 марта 1931 г. его можно было послушать по радио из Цетинье [25].

Стяжал заслуженную славу и хор Св.-Богородичной церкви в Земуне. Его руководитель Евгений Прохорович Маслов «говорил, что служба Божия это дивная симфония, где все должно гармонировать, и возгласы священнослужителя, и пение хора. Эта симфония подымает молитвенное настроение, молящийся своими мыслями уходит ввысь к Богу, и „всякое ныне житейское отложим попечение“ — претворяется в действительность…». По словам М. Родзянко, «его хор в Белграде был самый лучший, концерты, на которых он выступал, собирали громадное количество слушателей и пользовались большим успехом. В торжественные дни Масловский хор приглашался всегда Сербским Патриархом, который его очень ценил. Именно этот хор отпевал убитого в Марселе в 1934 г. короля Александра и провожал его в последний путь в храм-усыпальницу в Опленаце.

Можно вспомнить и хор в Нови-Саде, жители которого восхищались русским церковным пением. По свидетельству многих, число прихожан сербских храмов значительно возросло благодаря русским регентам и хористам». «Тако могу само Руси», — говорили прихожане. «Все довоенные годы регентом русского церковного хора был Василий Федорович Григорьев (1884–1970), войсковой старшина Кубанского войска, уроженец Екатеринодара… Русские духовные песнопения исполнялись и хором сербской Соборной церкви под управлением П.А. Фигуровского, входили они и в репертуар возникшего в 1922 г. Русского певческого общества Василия Григорьева и Козьмы Перегуды» [26]. И еще одно подтверждение значимости хора. В Битоли русские с 1920-х гг. организовали мужской церковный хор, и многие горожане, редко ходившие в храм, не пропускали теперь богослужения в русской церкви. Церковный хор выступал на многих концертах и мероприятиях. Многие русские, особенно женщины, которые не могли быть все приняты в русский хор, свое свободное время посвящали пению в городских хорах [27]. О большой любви русских к хоровому пению в Битоли сложилась пословица «Два македонца — партия, два русских — хор» [28].

Главным было сохранить церковь в душе человека, воспитать детей в православии, любви к родине своих предков, к славянству. Многое здесь зависело от школы, от ее преподавателей. И везде, вне зависимости от типа учебного заведения, шла работа под девизом — истинное просвещение соединяет умственное образование с нравственным.

Здесь можно вспомнить историю Первой русско-сербской гимназии, открывшейся в середине октября 1920 г. Уже название этого учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей (с российской стороны это прежде всего — профессиональный педагог и славянский деятель Владимир Дмитриевич Плетнев, с сербской — Александр Белич, будущий президент Серб-

ской академии наук и искусств) сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили «и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом… эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами» [29].

Первым законоучителем в гимназии стал о. Петр Беловидов, принявший на себя и тяжкий труд руководства над седьмым — выпускным — классом, в котором училась и бывшая фронтовая молодежь, нуждавшаяся в особом попечении. В школе он преподавал с 1920 по 1931 г. и с 1936 по 1939 г. За о. Петром в гимназию пришли и другие священники — о. Владислав Неклюдов (учил Закону Божьему с 1927 по 1944 г.), потом о. Георгий Флоровский (с 1940 по 1944 г.).

В воспоминаниях об о. Владиславе есть такие строки: «Нас, детей, а затем подростков и юношей, покоряла и обезоруживала его безобидность и истинно христианское смирение. Он был воплощением доброты; чем-то напоминал старца Зосиму. В прошлом он был кадровым военным, прошел Первую мировую войну, а затем гражданскую. В Белграде закончил Духовную Академию (богословский факультет Белградского университета. — *В. К.*) и по призванию стал священником. Он любил молодежь, и мы к нему тянулись. Понимал и всегда находил нужное слово, чтобы поддержать в трудную минуту. Уроки, скорее собеседования, проходили оживленно и интересно. Многое запало в наши души навсегда. Наши сомнения и возражения о. Владислав терпеливо и с неизменным доброжелательством выслушивал и рассеивал, приводя примеры из нашей же жизни и делясь своим богатым жизненным опытом. На исповедь мы шли с душевным трепетом, а уходили успокоенные и очищенные. Его слова были особенно убедительны, так как их он подтверждал всей своей жизнью» [30].

Навсегда запала в память тогдашней молодежи и личность о. Георгия Флоровского. «Летучий голландец» — так прозвали его гимназисты, постоянно видевшие его фигуру в греческой рясе с развевающимися при ходьбе рукавами, — был любим многими своими питомцами.

В своих воспоминаниях бывшие гимназисты и гимназистки очень тепло и с сердечной дрожью писали о своем учителе и духовнике. «…Отец Георгий Флоровский! Кто не помнит „Летучего Голландца“?! — Импозантная фигура, высокий, невероятно широкие рукава рясы, плюс еще увеличивающая его рост лиловая камилавка, большие роговые очки, а за ними добрые, умные голубые глаза. Умница, высококультурный, огромной эрудиции, не признававший учебников, он требовал отвечать по его объяснениям, так что приходилось записывать главные пункты заданного урока. Преподавал он интересно, мы его любили. Исповедовал он задушевно, осторожно,

не допытываясь, располагая душу к покаянию. А на следующий день как хорошо и тихо на душе» [31].

Вчитываясь в эти строки воспоминаний, можно подумать, какая идиллия — нет ни тревог, ни потрясений, ни интриг. Да, своим детям — в прямом и переносном смысле — духовенство стремилось передать все богатства слова и дела, накопленные христианством.

Широкое распространение получила и практика привлечения русских преподавателей в духовные учебные заведения. Опыт, знания, искусство русских богословов служили православной сербской и русской молодежи, решившей посвятить себя пастырству. В Карловацкой семинарии Св. Саввы преподавали о.о. Иоанн Сокаль, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софинский, Нил Малахов, Борис Селивановский; Н.Г. Дориомедов, В.Н. Халаев, Н.А. Акаемов, С.М. Муратов, Ф.Ф. Балабанов, а на богословском факультете в Белграде — проф. М.А. Георгиевский, А.П. Доброклонский, С.М. Кульбакин, Ф.И. Титов, С.В. Троицкий и др. [32].

Из русских студентов богословского факультета — воспитанников сербской и русской профессуры — назову немногих тех, чьи имена мне удалось разыскать: И.И. Троянов, будущий пастырь в Швейцарии, Л.Г. Иванов, впоследствии архиепископ Чикагско-Детройтский и Средне-Американский Серафим, И.А. Гарднер, автор книги «Богослужебное пение Русской Православной Церкви», В.М. Родзянко, впоследствии епископ Американской Автокефальной Православной Церкви Василий, Л.Ю. Бартошевич, будущий епископ Женевский Леонтий.

В Призренской духовной семинарии в разное время трудились на учительской ниве будущий митрополит Русской Православной Церкви Иоанн (Кухтин), профессор Круликовский, преподаватель церковного пения Степан Гущин.

В Битольской семинарии преподавали архимандриты Николай Карпов, Сергей Наумов, Владимир Тимофеев, протоиереи Иоанн Сокаль, Николай Шуба, иеромонахи Киприан Керн, Алексей Моргуль и др. Профессора семинарии нередко выступали с различными лекциями, посвященными России. 16 дек. 1931 г. прочел лекцию А.П. Моргуль «Москва — сердце России». 10 марта 1932 г. в новой аудитории, перед членами французско-югославского клуба прочел лекцию «Великие русские писатели XIX века». С лекциями выступали и другие профессора семинарии: 20 февраля 1932 г. Леонид Маслич перед семинаристами говорил о русской иконографии, потом в Народном университете Битоли выступал с лекцией «Толстой — художник, мыслитель и человек». Лекцию о князе и святителе прочел владыка Николай Велимирович [33]. 15 марта 1938 г. в семинарии епископ Нестор прочел лекцию «Из жизни рус-

ских на Далеком Востоке». 9 сентября 1938 г. другой гость Дмитрий Николаевич Вергун из Праги прочел лекцию «Крещение Руси и славянская взаимность» [34].

Преподавал там и о. Иоанн (Максимович), о котором протоиерей Урош Максимович писал в статье «Святой наших дней»: «Его внешность не бросалась в глаза, но все-таки была немного особенная. Это был человек среднего роста, с густыми черными волосами, которые покрывали плечи. Лицо его было без единой морщины, с большими глазами, которые как бы выглядывали из волос. Бородой он еще не очень оброс. Нос его был прямой, а нижняя челюсть как бы втянута, что ему, отчасти, мешало при разговоре. Правая его нога была короче, и он носил удлиненный ботинок, который при ходьбе стучал… Часто он пользовался палкой. Таким он нам казался вначале, когда появился среди нас в школьном 1928 году.

Никто не мог подумать, какая полнота Св. Духа в нем… обитала… Охридский архиепископ Николай Велимирович часто заезжал в семинарию и разговаривал с преподавателями и учениками… Один раз при расставании обратился к небольшой группе учеников… с такими словами: „Дети, слушайте отца Иоанна, он — ангел Божий в человеческом облике“. Мы сами уверились, что это правильная его характеристика. Его жизнь была ангельской… Он питался только тем количеством пищи, сколько необходимо было для поддержания тела. Одежда его была скромная, а в постели он не нуждался. Комната его находилась в подвальном этаже, была с одним окном без занавески, выходящим вглубь двора. В комнате был обыкновенный стол со стулом и кровать, на которую он никогда не ложился. На столе всегда лежало св. Евангелие, а на полке стояли богослужебные книги. Это было все. Во всякое время ночи можно было видеть его за столом читающим Библию… Он желал привлечь учеников, чтобы больше всего обращали внимание на св. Евангелие, как источник всего богословского знания. Какие прекрасные объяснения он давал по предмету Пастырского богословия и истории Христианской церкви!.. Он был среди нас, как посланник Божий, которому определено работать на широкой ниве Его. Он честно совершил эту свою миссию в моем понимании» [35].

Мир нес в церковь жар неоконченных и нерешенных споров. Ревнителей православной веры и возрождения России в эмиграции было много, но еще больше — политиков и политиканов. Надо сказать и то, что среди сербских владык были такие, которые считали, что русским незачем иметь в православной Сербии свою церковную организацию.

Здесь надо добавить, что интеллигенция, повернувшаяся к Церкви, но не имевшая церковной подготовки, «засоряла» приходскую жизнь своими дрязгами.

Сама Русская Церковь в Югославии нередко сталкивалась с привычками, которые, казалось бы, отнюдь не могли быть названы благочестивыми. Так, в 1932 г. было выпущено «Воззвание русской православной церковной общины в Белграде к русским людям, в рассеянии сущим», в котором указывалось на установившийся обычай устраивать «танцевальные вечера накануне воскресных и праздничных дней и даже во дни Великого поста». Ни с церковно-моральной, ни с русско-национальной позиции такие действия, подчеркивалось в «Воззвании», «…не могут быть оправданы никакими „гуманными целями“» [36].

В эмигрантской прессе звучали призывы к подвигу, к очищению: «Проходит время кликушески-истерических завываний, серьезная пора требует серьезной настроенности, собранности, трезвенности, *подготовки подвига,* цельности духа. Вновь открываются перед взором, затуманенным было чадом интеллигентщины, незыблемые святыни Православия, проходит время выкриков и неистовых дионисически-интеллигенческих верчений, рассеивается болотный дух, болотный смрад эстетизированного интеллигентского хлыстовства… Мы поняли, что без религиозного основания, без основания Церкви нельзя строить и нельзя возродить народной жизни… Она выше всего, дороже всего, выше, конечно, и родного народа, она по ту сторону политики, выше страстей, выше житейской борьбы» [37], — так писал Николай Арсеньев в «Благовесте» за 1925 г.

Несмотря на жажду «подвига», чисто церковная жизнь была расслабленной: интеллигенция с гораздо большим рвением предавалась политическим страстям и умозрительным рассуждениям, нежели религиозной жизни.

В сущности, вся церковно-общественная жизнь русской эмиграции в Югославии в предвоенный период может быть охарактеризована преобладанием в ней политического начала над духовным.

Русское просвещение и печать

Эмиграция создала три праздника: День непримиримости (7 ноября), День русского просвещения (25 января) и День русской культуры (6 июня). Если с первой датой были споры, как я писал в книге «Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде в 1920–1950-е годы. Эссе» (М., 2007), тут можно было вспомнить для порядка и Февральскую революцию, «породившую» Октябрь, и различное отношение к русскому самодержавию и Советам, выступавшими, бывало, преемниками царской России по защите рубежей Отечества, то с просвещением и культурой каких-либо расхождений не наблюдалось. Более того — оба праздника объединяла идея служения народу, и здесь трудно провести какое-либо резкое разгра-

ничение этих феноменов, этих вечных спутников человечества. И в эмиграции суть культуры можно было обозначить через три великих слова: Бог, традиция и свободное творчество.

Начну с русского просвещения. За время революции и гражданской войны за пределы «красной» России были «выброшены» сотни профессоров и преподавателей вместе со своими учениками. В разных странах русского рассеяния оказались десятки тысяч семейств, озабоченных получением или продолжением образования для своих детей. Судьба молодежи волновала практически всю эмиграцию, видевшую в «детях» строителей нового Отечества.

В том же Королевстве русские просвещенцы делали все от них зависящее, чтобы вырастить молодежь образованную и любящую свою родину.

К середине 1925 г. в Королевстве действовало 17 школ с 2820 воспитанниками. Причем восемь школ, в которых училось 2240 детей, содержались полностью на государственный счет, остальные получали субсидии от югославских властей [38]. Педагогический персонал насчитывал примерно 300 человек [39]. В октябре 1923 г. русские школы были подчинены в педагогическом отношении (программы, персонал) министерству народного просвещения.

В наиболее благоприятном положении по многим критериям была первая русско-сербская гимназия в Белграде, открывшаяся в октябре 1920 г.

Перед учителями стояла сложная задача: не только дать знания, но и воспитать детей в православии, любви к родине своих предков, к славянству. Там стремились не допускать какого-либо разрыва между национальным воспитанием и воспитанием в православном духе. Уже название этого учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили «и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом… эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами» [40].

При этом «непреходящие ценности русского творчества» оставались «главным воспитательным материалом, под влиянием которого формировались души ее учащихся». И гимназия не отказывалась от знакомства своих питомцев «с творчеством тех русских людей, которые остались на родине и отражают в своих произведениях неумирающую душу родного русского народа» [41].

В провинции было тяжелей и с помещениями и со средствами. Так, открытая 15 марта 1922 г. в Загребе школа для русских детей содержалась на средства Всероссийского союза городов и помещалась в здании 1-го реального училища. Занятия в ней шли с 2 до 6 часов

вечера по программе гимназий и реальных училищ с 1 по 6 классы [42]. В Дубровнике, где было около 700 русских, к апрелю 1921 г. действовала школа для детей по программе четырехклассной гимназии. Средства на все это добывались через устройство благотворительных вечеров и концертов [43]. 1 июля 1922 г. состоялся первый выпуск русских учителей, окончивших годичный курс Королевской учительской школы в Загребе. Они прошли «тяжелую школу»: «Занятия на чужом языке. Курс огромный, даже непосильный для одного учебного года. Все это одних выбило из колеи, а других превратило в „живые трупы“. Квартиры, углы и кровати безумно дороги. Пропитание тоже. Выдавались ссуды 300 динар, которых с трудом хватало на полмесяца… И вот из первоначальных 36 человек к экзаменам дотянули лишь 22 слушателя, а в экзаменационный период выбыло еще 11» [44].

Назову и действовавший в 1922–1942 гг. в Белой Церкви под начальством Н.В. Духониной (урожд. Вернер) Русский девичий институт. После объединения с Харьковским институтом в Новом Бечее и женской гимназией в Великой Кикинде Донской институт стал «единственным… в мире преемственно сохранившимся и хранящим традиции и славу 30 русских институтов, продолжателем их служения Родине» [45]. Каждый класс института был посвящен крупному русскому городу — Москве, Киеву и др. Вся обстановка открытого в 1920 г. института, его атмосфера взывали о Родине: «на стенах картины русских художников, в библиотеках — русские классики, на лекциях, в кружках, во время рефератов — русские темы, русская речь, стихи русских поэтов, на концертах русская песня, отрывки русских опер… Сохранить, пронести, не утратить, не погасить пламени разумных евангельских дев — русских девушек — дело великое для будущего нашей страны» [46], — восклицал один из поколения «отцов», надеявшихся на «детей». А пока… работавший по программе мужских средних школ, он дал четыремстам девицам законченное среднее образование. Всего через институт прошло более тысячи русских девушек, большинство которых поступило в университеты Королевства. Добавлю, что выпускницы «выходили не только с практическими знаниями языков, но и с рядом прикладных знаний». В то же время институт «воспитывал прекрасных русских жен и матерей» [47]. Во всех этих учебных заведениях девицы воспитывались на богатейшей культуре и истории России, в вере в ее скорое возрождение и великое будущее, а также в готовности служить Родине «всеми силами души и сердца подлинно русской женщины» [48].

Немалый вклад в дело просвещения молодежи Королевства внесли сотни русских учителей, преподававших в классических и реальных гимназиях, учительских, торговых и сельскохозяйствен-

ных школах. И здесь надо вспомнить и назвать имя государственного и политического деятеля, министра просвещения Светозара Прибичевича, который распахнул двери учебных заведений для русских педагогов. Именно с его ведома они получили возможность учить детей и сами учились сербскому языку. Подчеркну: русским было доверено самое драгоценное — дети, сербская молодежь. В то же время нельзя сказать, что русскому педагогу жилось легко: не хватало денег, плохо было с жильем, не было надежды на полноценный отдых, — спасала любимая работа, сознание ее важности. Тяжело было и «взрослым детям», многие из которых прошли войну, не имели родителей, способных поддержать деньгами своих студентов.

Вот привычная картинка студенческого быта из Загреба. В его университете, Высшей технической школе, Коммерческом институте, Политехническом институте, Педагогической школе к 1921 г. было около 400 русских студентов. «Часть их, — писали в «Новом времени», — помещается в деревянных бараках, теснясь, как сельди в бочке, и ночуя на полу и столах; часть ютится по трое–четверо в комнатах от „хозяев", за что платят динар по 200 с человека… русские студенты платят за учение втрое дороже хорватских и лишены помощи тех учреждений, которые предоставлены хорватам (напр. дешевая столовая)» [49]. Но тяга к учению была исключительная. К осени следующего года в хорватской столице было уже свыше пятисот студентов. Постоянная нехватка денег заставляла многих снимать жилье в десяти–двадцати километрах от Загреба. Те, кому повезло, жили в общежитии барачного типа с дырявой крышей. Все в конце месяца питались только хлебом, на остальное денег уже не было [50]. И тем не менее молодежь училась, несмотря на отчаянное материальное положение, как это было у тех же двух с половиной десятков будущих музыкантов, певцов и певиц, поступивших в королевскую Загребскую консерваторию [51]. Не хватало даже исподнего. Да и откуда было ему взяться у тех, кого бегство лишило всего. Поэтому обычными были длиннейшие списки русской молодежи на получение белья, одежды, обуви от Английского общества Красного Креста, от Российского общества Красного Креста. Например, о белье просили свой родной Крест учащиеся консерватории: Альшевская Елена, Балин Сергей, Барыбина Варвара, Бурлакова Галина, Дагестанская Тамара, Зда(и)новский Николай, Ингистова Рогнеда, Королькова Ольга, Корсунь Милица, Куколь-Яснопольская Татьяна, Лебедев Гавриил, Ломоносова Вера, Осипов Исаакий, Ошанин Николай, Попов Игорь, Радецкая Александра, Сапреновская Ида, Фурман Евгения, Королькова Елена, Лебедев Константин, Лебедева Елена [52]. В 1923 г. больше 200 студентов в загребских вузах просили одежду и белье [53]. Но, повторяю, учеба продолжалась и молодежь жадно

впитывала в себя знания из лекций загребской профессуры, среди которой были и русские. Остановлюсь только на медицине. Одним из известнейших медиков Загреба был С.Н. Салтыков, профессор университета, руководитель Патолого-анатомического института, автор многих трудов. Там преподавал и профессор М.Н. Лапинский, известный в медицинском мире Королевства. С медицинским факультетом связана и судьба младшего брата автора «Мастера и Маргариты» Н.А. Булгакова (1.09.1898, Киев — до 13 июня 1966, Париж), прототипа Николки в «Днях Турбиных». В 1916 г. он окончил Императорскую Александровскую гимназию. Потом был университет Св. Владимира, Алексеевское инженерное училище, Сергиевское артиллерийское училище и… война, участие в Белом движении. Потом эмиграция, учеба на медицинском факультете Загребского университета, по окончании которого был оставлен на кафедре бактериологии. Провел ряд исследований, которыми заинтересовался французский профессор Феликс д'Эрреля и пригласил его в свой институт в Париж, который позднее возглавит [54]. Здесь же не могу не отметить и деятельность русского кружка, основанного в 1906 г. по идее братьев Эд. и Фр. Поточняк. В 1922 г. во главе его встали А. Кульженко и А. Лавров. В хорватском журнале «Obzor» можно было прочесть следующие строки: «В последние три года кружку удалось ввести в двух средних школах курсы русского языка, на которые были записаны 1100 человек; из них окончили курсы две трети. Кружок устраивал интимные вечеринки, которые посещались всеми русскими художественными силами, приезжавшими в Загреб. Кружок устроил ряд лекций, музыкальных вечеров, докладов с прениями и т. д., вечера Блока, Достоевского, современной русской лирики, Короленко, Чайковского, Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Кюи» [55].

Поэт, выпускник Донского кадетского корпуса М.Н. Залесский (04.06.1905, Симферополь — 22.03.1979, Сан-Франциско) учился на химическом отделении Загребского университета. В начале 1930-х гг. стал членом Национального союза нового поколения (впоследствии НТС). В 1942–1944 гг. вел нелегальную союзную работу в оккупированных немцами областях России. Был в Минске, Харькове, Киеве. После войны работал в Институте по изучению СССР в Баварии, а затем переехал в США, в Сан-Франциско. В 1978 г. издал книжку своих стихов — «Слава казачья». Писал политические статьи и рецензии на книги в местной газете «Русская жизнь». Незадолго до смерти Михаил Николаевич завещал все свои трудовые сбережения Фонду Свободной России. Близко знавшие его люди говорили, что это про него сказано: *«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* [56]. Потомок боярского рода Ф.Ф. Захарьин (02.06.1906, Киев —

13.06.1979, Нью-Йорк) после окончания в 1928 г. Русского кадетского корпуса в Сараеве записался (экзамены тогда не надо было сдавать) на юридический факультет Белградского университета, но вскоре перешел на геодезические курсы, которые успешно закончил. После непродолжительного пребывания в Земуне обосновался в Загребе, где служил в Геодезическом институте. После окончания войны и трехгодичного пребывания в лагерях для беженцев в Италии он в 1954 г. получил возможность уехать в Америку [57].

Выпускник Донского Императора Александра III кадетского корпуса, член Общества зарубежных кадетов в Югославии В.В. Гапонов (1912, Россия — 26.11.1995, Белая Церковь, Сербия) после завершения корпусной учебы поступил на агрономический факультет университета, по окончании которого успешно работал и занимался научной деятельностью. Последнее место работы — Косово. После выхода на пенсию переселился с женой и дочерью в Белую Церковь. Участвовал в создании югославского отделения Объединения кадетов российских кадетских корпусов, стал его членом, а потом казначеем. Принимал самое деятельное участие в поддержании благолепия русской церкви Св. Иоанна Богослова и русского участка на городском кладбище. В Белой Церкви, где в 1944 г. закончил свое существование последний зарубежный кадетский корпус, в 1986 г. при его участии был воздвигнут первый в мире памятник кадетам и персоналу кадетских корпусов, *«на поле брани живот свой положивших, в смуте убиенных и в мире скончавшихся»* [58]. Памятник был спроектирован кадетами-крымцами инженером Карповым и Соболевским [59].

Переходя к цивилизованной Любляне со своим языком, традициями, историей, замечу, что к концу 1925 г. там жило около 300 человек, небогато, но и не в нужде. В университете к марту 1923 г. насчитывалось 167 студентов и студенток. Часть жила в замке, на горе, другая — 15 семейных и 10 холостых — в бараках, около вокзала. Как и везде, хронически недоедали: ели один раз в день в столовой земского союза. Некоторую помощь оказывал им словенский дамский комитет, а также королевский наместник [60]. Из русских профессоров им читали лекции Ал.Д. Билимович, Н.М. Бубнов, В.А. Горский, А.К. Елачич, А.А. Копылов, А.Н. Митинский, И.Н. Майдель, А.В. Маклецов, В.В. Никитин, Н.Ф. Преображенский, Д.К. Фрост, М.Н. Ясинский.

О последнем скажу особо. 28 октября 1928 г. он праздновал с друзьями и коллегами 40 лет своей научно-преподавательской деятельности. Ученик и преемник знаменитого ученого М.Ф. Владимирского-Буданова, он окончил первую киевскую гимназию в 1883 г., а в 1887 г. — юридический факультет Киевского университета со степенью кандидата права. Причем факультет наградил его золотой медалью, а совет университета почетной денежной наградой

Н.П. Пирогова и оставил в альма-матер для подготовки к профессорскому званию. С 1889 по 1895 г. вел законоведение и историю в Киевском кадетском корпусе. В 1891 г. выдержал экзамен на магистра и по защите диссертации «Главный литовский трибунал» был назначен доцентом на родной факультет, а в 1904 г. стал ординарным профессором. В Любляне работал на кафедре истории права южных и западных славян. Вышел в отставку 2 мая 1928 г. (65 лет), однако университет пригласил его продолжить чтение лекций по своей кафедре. В Королевстве напечатал такие труды, как «Что является самым необходимым для образцовой истории словенского права» (1921, на словенском); тексты Каставского и Веприначского статутов (1923, на хорватском); труд, как был составлен Каставский статут (на сербско-хорватском, 1924); о переходе от обычного права к письменному уставу (1925); о законах города Вепринца (1926) [61].

В мусульманском Сараеве директором научного института по борьбе с малярийными комарами был русский биолог Скворцов [62].

Вклад русских профессоров в просвещение был заметен и в Скопле (совр. Скопье), где на философском факультете (филиале Белградского университета) преподавали: историк, филолог, литературный критик П.М. Бицилли — введение в общую историю и историю историографии, историю античного времени, феодализм в Европе, историю нового времени, историю Франции и др., он же издал на сербском языке в 1923 г. «Введение во всемирную историю»; будущий член Сербской Академии наук и искусств С.М. Кульбакин — старославянский язык и введение в славянскую филологию, Н.Л. Окунев — курс по древней истории и истории христианства [63]. К этим именам можно добавить имена профессоров Е.В. Аничкова, А.К. Елачича, В.А. Розова.

Просвещение — это не только школа, университет, но и общение. А здесь шло взаимное обогащение языка. Один забавный пример. Жители Битоли сохранили в своем языке такие часто употреблявшиеся выражения, как «хорошо», «здравствуйте», «пожалуйста», «дурак». Особенно излюбленным стало последнее слово. В свою очередь в языке русских появлялись македонские слова. Кто-то стремился овладеть в совершенстве и достигал успеха. Изучение в школах русского языка также способствовало его популяризации. Например, в семинарии он считался одним из самых важных предметов [64].

Для Королевства сербов, хорватов и словенцев эмиграция была, прежде всего, «профессорской». Еще живы те, кого учили русские специалисты, память о которых пока не умерла. Одной из самых известных, снискавших почет и уважение профессий следует считать инженерную. Именно русские этой профессии сделали чрезвычайно много для обустройства послевоенной страны, давшей им кров и воз-

можность работать по своей специальности. Чтобы яснее представить себе картину «русской инженерной оккупации» министерств Белграда, скажу: в начале 1921 г. в министерстве строительства работали 90 русских инженеров, архитекторов, в министерстве путей сообщения — 65 русских инженеров: 25 — в сфере эксплуатации ж/д, 30 — на строительстве ж/д и 10 — на строительстве и эксплуатации водных путей. Русские работали в министерстве сельского хозяйства и водных ресурсов, министерстве торговли и промышленности, министерстве лесов и полезных ископаемых [65].

Конечно, если говоришь о «профессорской эмиграции», то надо говорить прежде всего об их деятельности в Белградском университете.

К маю 1921 г. там читали лекции 33 русских ученых. На техническом (инженерном) факультете — А.А. Брандт преподавал термодинамику, П. Буковский — начертательную геометрию, Н.А. Житкевич — гидротехнику, основы строительных конструкций и промышленных сооружений, П.Э. Зайончковский вел семинары по математике и упругости, А.И. Косицкий читал лекции по газовым двигателям (автомобили, самолеты), Д.С. Красенский — по системам отопления и вентиляции, А.А. Лебедев — по легким двигателям внутреннего сгорания и автомобилям, Г.Н. Пио-Ульский — по термодинамике и паровым турбинам, Н.А. Пушин — по электрометаллургии, П.Н. Рышков — по строительству железных дорог и мостов, К.Д. Серебряков преподавал черчение и детали машин, В.В. Фармаковский — конструирование машин, котлов и локомотивов, Я.М. Хлытчиев вел семинары по математике, статике, гидравлике, А.Д. Билимович преподавал математику и механику, В.Д. Ласкарев читал лекции по геологии. Позднее на техническом факультете работали В.Н. Щегловитов, читавший лекции по эксплуатации ж/д и строительству дорог, К.В. Марков — по технологии строительства, И.С. Свищев (Свищов) — по геодезии. На богословском факультете работали: М.А. Георгиевский преподавал староеврейский, А.П. Доброклонский — церковную историю, Ф. Титов — библейскую историю и библейскую археологию. На отделении архитектуры П.П. Фетисов читал лекции по архитектуре старого Востока. На сельскохозяйственном факультете преподавали: Ю.Н. Вагнер читал лекции по энтомологии, Н.И. Васильев — по агрохимии и с/х технологии, Т.В. Локоть — по частному земледелию и селекции, И.П. Марков — по анатомии и физиологии, зоотехнике, А.И. Стебут — по почвоведению и общему земледелию, А.Н. Челинцев — по с/х экономии, аграрной политике, с/х географии Югославии. На философском факультете читали лекции: Е.В. Аничков — по сравнительной литературе европейских народов, Г.Е. Афанасьев — по русской истории XIX в., политической и умственной эволюции Франции в XVIII в., В.В. Зеньковский преподавал

экспериментальную психологию, А.Л. Погодин — русскую литературу и польскую историю. На юридическом факультете преподавали: К.М. Смирнов читал лекции по римскому праву, А.В. Соловьев — по истории славянского права, Е.В. Спекторский — по сравнительному конституционному праву, Ф.В. Тарановский — по истории славянского права, М.П. Чубинский — по уголовной политике [66]. На медицинском факультете преподавали И.Ф. Шапшал и Н.В. Краинский.

Просвещение неотрывно от Русского культурного комитета (далее — РКК), созданного в 1928 г. на основе соглашения МИД и министерства просвещения с президиумом госкомиссии по делам русских беженцев, куда, в частности, вошли представители правительства и ученого мира. На первом заседании РКК 29 мая 1928 г. глава госкомиссии Александр Белич подчеркнул, что целью новой организации является подъем и развитие тех граней жизни, «без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни — науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей части Славянства место». Было принято решение о том, что РКК сформирует Русскую публичную библиотеку, Русский литературно-художественный журнал, Русское книгоиздательство, Русский научный институт, художественные студии — музыки, живописи, театра [67]. Для реализации программы РКК председателем был избран А. Белич.

Несколько подробнее скажу о Русском научном институте (РНИ), который был открыт 21 сентября 1928 г. и содержался на деньги Королевства. На торжественном открытии РНИ 16 сентября 1928 г. его первый председатель Е.В. Спекторский сказал: «Когда гонимые на родине английские пуритане уходили в заморские края, они уносили с собой самое ценное для них, именно Библию. Когда Амос Коменский уходил в изгнание из разгромленной Чехии, он уносил с собою наброски своей Пансофии. Когда Наполеон на коне, окруженный блестящею свитою, входил в одни ворота Иены, в другие пешком уходил Гегель, неся под мышкою рукопись „Феноменологии духа“. Подобным образом и русские ученые уходили в изгнание с пустыми руками, но с полным сердцем. Они уносили с собой не сундуки, наполненные всяким хозяйственным добром, а священное пламя русского духа. И первою их заботой при водворении на чужбине было стремление не угашать этого духа, сохранить пламя и передать его идущему на смену поколению. Так возникали в местах русского рассеяния очаги русского духа и русской культуры» [68]. Вначале в состав входил 21 выдающийся русский ученый. Среди них были инженеры В.И. Баскаков, Ю.Н. Вагнер, Н.И. Васильев, Д.Ф. Конев, А.И. Косицкий, Т.В. Локоть, И.П. Марков, Г.Н. Пио-Ульский, И.С. Свищев, В.В. Фармаковский [69]. В 938 г. в составе РНИ было уже 58 ученых [70].

О том значении, которое придавалось Институту властями и сербскими коллегами, видно из простого факта его размещения в здании Сербской академии наук и искусств в самом центре столицы, на ее главной улице Кнез Михайлова. Только после постройки Русского Дома имени императора-мученика Николая II Институт в 1933 г. переехал под «русскую крышу».

По приглашению Института в нем работали Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт, Игорь Северянин, известный специалист по аэродинамике Д.П. Рябушинский, выдающийся биолог, член Пастеровского института в Париже С.И. Метальников, историки Е.Ф. Шмурло, И.И. Лаппо, А.В. Флоровский, византолог Г.А. Острогорский, философы И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк [71].

РНИ выделил ряд стипендий молодым талантливым исследователям, например Константину Воронцу, чья последующая научно-исследовательская деятельность славила имя России и Сербии в области теоретической и прикладной механики. Выдающийся талант ученого успешно сочетался в нем с блестящей педагогической работой по подготовке научных кадров, которая привела к созданию широко известной белградской школы механики флуида.

Самой распространенной формой деятельности РНИ были лекции. За первые десять лет Института было прочитано 650 лекций. В их числе: 65 — по агрономии, биологии, медицине, 53 — по механике, физике, математике, 32 — по технике и 47 — по военным наукам [72].

В Русском научном институте можно было услышать лекции К.Д. Бальмонта, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, А.А. Кизеветтера, Н.О. Лосского, Д.И. Мережковского, П.Б. Струве, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка, Е.П. Чирикова. Институт устраивал выступления А. Алехина, З. Гиппиус, И. Северянина.

Руководил определенное время этим уникальным научным собранием Е.В. Спекторский, возглавлявший в России Киевский университет св. Владимира (сейчас носит имя Т. Шевченко).

В Институте действовали отделения гуманитарных, естественных и прикладных наук. Лекции и семинары проводились не только в Белграде, но и в Загребе, Нови-Саде, Сомборе, Суботице, Скопле, Дубровнике и других городах Югославии. Плодотворной была издательская деятельность.

В частности, было выпущено 17 томов, включавших 180 статей русских ученых из разных стран (единичные тома — статьи по гуманитарным областям знания, парные — по точным наукам).

Наглядным результатом деятельности Института могут служить и изданные им два тома «Трудов IV Съезда русских академических организаций за границей» (1929), а также подробные «Матерьялы для библиографии русских научных трудов за рубежом. (1920–1930)».

«Эти два издания, — подчеркивал Ф.В. Тарановский, — представили общественному мнению цивилизованного мира документальное доказательство того, что наряду с подъяремной русской наукой в С.С.С.Р. существует в эмиграции свободная русская наука, которая продолжает русскую национальную традицию и стремится ее сохранить до восстановления свободной национальной России, в воскресении которой не сомневаемся» [73].

Если немного отойти от естественников и приблизиться к гуманитариям, нельзя не сказать, что одним из первых объединений русских ученых стало сформированное в 1921 г. Археологическое общество, председателем которого был избран филолог и историк-славист, профессор Белградского университета А.Л. Погодин, ранее преподававший в высших школах Варшавы и Харькова.

В «Обществе…» участвовали такие видные историки общественной мысли, церкви, права, как Е.В. Аничков, А.П. Доброклонский, В.А. Мошин, Г.А. Острогорский, А.В. Соловьев, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, С.В. Троицкий, М.Н. Ясинский [74].

В него входил и такой видный ученый, как С.Н. Смирнов, автор объемного исследования «Сербские святые в русских летописях». Наряду с сюжетами, связанными с именами Саввы Сербского, князя Лазаря, Стефана Немани, Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского и многими другими святыми, почитаемыми на Руси (в России), автор дает толкование тому удивительному явлению, что княгиня Милица — жена князя Лазаря, убитого на Косовом поле, — признается святой не у себя на родине, а в России [75].

Практически все русские ученые «отметились» и своими трудами.

Только несколько имен: А.А. Брандт издал учебник «Техническая термодинамика», В.С. Жардецкий — «Гидромеханика», В.Д. Ласкарев опубликовал примерно сорок работ по геологии, минералогии, много труда положил на составление геологических карт окрестностей Белграда [76]. Генерал-майор И.А. Зыбин (24.04.1862 — до 01.11.1942, Белград) издал ряд книг по топографии и геодезии в первой половине 20-х гг. в Белграде, в их числе и «Записки по низшей геодезии для Межевых курсов при Ген. Дирекции Кадастра. Издание II-е. Белград, 1921. Издание Межевых Курсов Министерства Финансов в Королевстве СХС» [77]. У Л.А. Сопоцько (1880 — ?) была издана в трех томах его «Геодезия» [78]. В 1936–1938 гг. инженер В.Н. Боголюбский (1898 — после 1963) получил возможность напечатать свои лекции в трех частях, прочитанные на Технических курсах имени проф. А.С. Попова — «Прикладная радиотехника» [79]. А.И. Косицкий написал ряд статей по паровым котлам и двигателям внутреннего сгорания и др. [80]. М.М. Костевич (18.09.1877, Сахалин — 15.07.1957, Буэнос-Айрес), профессор-химик, полковник Императорской рус-

ской артиллерии, военный инженер, издал в 1934 г. в Белграде брошюру «Магнезиальные цементы в артиллерии. — Сравнительное действие динитрогликоля и нитроглицерина на орудийную и снарядную стали и латунные гильзы. — Storage of ammunition in the field during the Great War. Some practical examples when fire took place. — Some practical remarks concerning the burning of smokeless powders. — Микрофотография и рентгенография при приемке пироксилинов и бездымных порохов в артиллерии. — Горение пороха в башнях на дредноутах и крейсерах» [81]. Инженер Л.М. Михеев (14.11.1883 — 06.02.1962, Нью-Йорк) напечатал в конце 1930-х гг. несколько руководств по инженерному искусству, в их числе «Полевое инженерное искусство. Искусство использования и изменения местности в целях полевого боя», вышедшее в 1939 г. в Белграде, а в 1937–1938 г. издал «Основания подготовки государства в инженерном отношении к войне» в двух частях [82]. У генерал-майора В.А. Тараканова (1876 — ?) в 1933 г. в Белграде были изданы лекции «Тактика броневых войск», читанные на Зарубежных Высших военно-научных курсах генерала Головина в Белграде [83].

И, пожалуй, подчеркну, что вклад многих русских ученых был по достоинству оценен сербскими коллегами: в состав Сербской Академии наук и искусств были избраны А.Д. Билимович, К.П. Воронец, С.М. Кульбакин, В.Д. Ласкарев, Г.А. Острогорский, Н.А. Пушин, Н.Н. Салтыков, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, В.В. Фармаковский и Я.М. Хлытчиев.

В стране наряду с университетами действовали и различные курсы: гидротехнические, строительно-дорожные, педагогические, электротехнические, почтово-телеграфные, маркшейдерские, штейгерские, геодезические, межевые, бухгалтерские, слесарно-монтажные, швейные, столярные, сапожные и др., выпустившие свыше двух с половиной тысяч человек.

Русское просвещение служило, подчеркну в очередной раз, и сербам. Как пишет сербская исследовательница М. Стойнич, русские стали главными частными учителями иностранных языков — английского, немецкого, французского. «С языком у учеников воспитывали любовь к русской культуре, литературе, искусству. Эти часы протекали в незабываемой атмосфере бедных комнат со скудной мебелью и обязательной лампой, яркий свет которой приглушала кашмирская, оренбургская или другая шаль, наброшенная на дешевый абажур. От старых русских дам многие не только научились иностранному языку, но и полюбили на всю жизнь Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Надсона и др.», «вобрали в себя Достоевского, Толстого, Тургенева… и сплин непонятной русской дали», «снежных пространств, одиноких берез, стоящих весной наполовину в воде». «Приучили нас любить и

беречь животных, играть с ними так, чтобы им тоже было приятно, не мучить их, водить их гулять, разговаривать с ними». «Мы кормили их отходами, а такая, как Мария Петровна Карпова, не тратилась на завтрак, чтобы купить соседским кошкам молока (своих не имела, все были ее). Со слезами на глазах умоляла какого-нибудь извозчика не бить еле держащую от усталости лошадь. И всегда в своей сумке, по обыкновению полной книг, держала булочку, которой тайком угощала коня. Таким образом, мы, вместе с иностранными языками, русской литературой и русским чаем, поняли, что животные тоже имеют душу, мы научились понимать их настроение по глазам — большим и не очень, пегим, темным. зеленым, голубым. Они стали для нас друзьями, с которыми мы делили даже свои сладости, для которых мы собирали кости, а иногда тайком оставляли кусок мяса от своего обеда для того, чтобы накормить бродяжку пса. Матери нам иногда говорили, что нас эти русские женщины „портят"… но их „часы" были самыми дешевыми и самыми длинными, часто они или их мужи и сыновья помогали решать математические задачи, понять физику или химию, войти в тайны биологии. Одним словом, у них мы были как дома, под присмотром… А мы начали с пониманием и большим вниманием читать „Каштанку" Чехова, „Белого пуделя" Куприна, „Холстомера" Толстого, „Вешние воды" и „Асю" Тургенева, „Белые ночи" Достоевского» [84].

Знакомство с русской культурой шло через соседство, дружбу на работе. В Сербии почти не было ни одной средней школы, где бы не преподавал русский учитель. Как правило они были хорошими педагогами, которых ученики любили и уважали. Автором отличных школьных учебников по общей истории для государственных школ Королевства был Лев Сухотин, директор русско-сербской женской гимназии, автор исследования «Фет и Елена Лазич».

И, конечно, просвещение — это книга. Именно она позволяла окунуться в мир любви, другому — напоминала о величии России, неразменной и неуничтожимой, третьему давала возможность позлобствовать на тему о виновниках крушения Российской империи. Каждая имела свою толпу героев — классических и не очень. И читатель выбирал свою «толпу». Одному нравился Достоевский, иному Поль де Кок, а совсем «ушедшему из времени» — Плутарх. Ну, разумеется, первенствующее значение имела рефлектирующая классика вместе с черносотенной литературой. И, конечно, не каждый имел у себя дома библиотеку.

О таких «бедолагах» заботились и книжные торговцы, и различные организации.

К 1921 г. в Белграде были известны такие книжные магазины, как «Русская мысль» с рассылкой газет и книг [85], Всеславянский книжный

магазин [86], розничный магазин Русского товарищества книжной торговли под фирмой «Славянская взаимность» [87]. Для завсегдатаев ресторана Завалишина в Белграде в 1922 г. был открыт киоск, где можно было после обильной еды купить для «умствования» книги и газеты. Там имелась и библиотека, принадлежавшая издательству бр. Грузинцевых [88].

В конце 1920-х гг. была открыта и русская библиотека в Битоли. В 1936 г. ее фонд насчитывал 2400 книг [89]. При этом надо учесть, что книги на русском языке имелись во многих библиотеках страны, например, в Прилепе, Скопле. Читатели могли прочесть на языке оригинала Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова, Куприна, Бунина, Цветаеву [90].

Библиотека в Любляне была сформирована в конце 1920-х гг. Ее фонд к 1944 г. превышал 10 тыс. книг. Коммунисты закрыли ее в 1945-м. Часть книг, которые не были уничтожены, перемещена в запасники Национальной библиотеки в Любляне. Оттуда продавались иностранным антикварам, специализирующимся на русских книгах [91].

Иной была судьба библиотеки русского кадетского корпуса в Белой Церкви (около 20 тыс. книг). Осенью 1944 г. после эвакуации корпуса они были переданы в городскую библиотеку. Хранились в особом фонде. Многие попали в частные библиотеки. В 1960-х гг. книги были переданы библиотеке Матицы Сербской в Нови-Саде. Из-за плохого состояния большинство книг было уничтожено [92]. Библиотека русской колонии в Панчеве сохранилась чудом и хранится в городской библиотеке как отдельный фонд, в котором числится 1200 книг, информация о которых занесена в обычный и электронный каталоги [93].

Отмечу, что пропаганда русской культуры, русское просвещение шли и через югославянские культурные институции. Так, в Хорватии писали о Мейерхольде, Таирове, Вахтангове, о гастролях Полевицкой в «Obzore» (1932), в «Komediji» — о Русской драмстудии в Загребе (1934), в «Vijence» — о хорватах в русском театре [94]. В этой католической стране писали о Чехове, Лескове, Л. и А. Толстом, Есенине, Горьком, Андрееве, Репине, Блоке, Достоевском, Гумилеве, Волошине, Бунине, Н.К. Рерихе, Тургеневе, Амфитеатрове, Мережковском, Бальмонте, Бердяеве, Сологубе, Кузмине, Белом, Анненском, Цветаевой и других литераторах в таких печатных изданиях, как «Jugoslovenska njiva», «Obzor», «Novosti», «Vijenac», «Omladina», «Nova Evropa», «Hrvatska straza», «Hrvatska prosvijeta», «Hrvatski narod». Там публиковали А. Толстого, В. Зайцева, Куприна, Катаева [95], Замятина, Чуковского, Маршака, Маяковского, Блока, Горького, Гоголя и др. [96].

Теперь немного об издательском деле. Исследователь культуры русской эмиграции в Югославии И.Н. Качаки обнаружил 1556 на-

званий книг, брошюр, изданных в Югославии [97]. Средний тираж книги 500 экз. Самые большие тиражи редко были свыше 2000 экз. Большинство изданий (98%) напечатано в регионах с православным населением. В 1920 г. из одиннадцати названий книг — шесть были учебники: один по геометрии, другой по русской грамматике, остальные четыре по сербскому языку, знание которого резко повышало возможность быстрейшей адаптации. По жанру больше всего издавалось книг на религиозную тему, что объяснимо после всего пережитого. Второе место занимала политика. Третье — военная тематика, что объяснимо военным в своем большинстве составом эмиграции. На четвертом — учебная литература: из 145 книг 101 — изданы монополистом в этой нише словенской фирмой Milan Auman&C°, активно использовавшей такую форму печати, как репринт классических русских учебников [98]. На пятом — история. Дальше — беллетристика [99]. С началом войны издательская деятельность резко пошла на спад: в 1941 г. — 28 названий, в 1943-м — 6 (геология, религия, военная тематика, немецкий язык и две книги по криминалистике), в 1944-м — 0 [100]. Последнюю книгу установить трудно, но одну упомянуть необходимо. Это посмертная книга стихов поэтессы Е. Велимирович-Ляли «Несжатая полоса», которую в 1956 г. издал ее отец М. Велимирович. Дочка учившегося в России сербского студента, рожденная там до революции и воспитанная в русском духе, прибыла в Сербию в общем потоке беженцев вместе с семьей через Китай. И само название книги символично для русской эмиграции в Югославии с очередным исходом из нее после Второй мировой войны [101].

В самой сфере по выпуску разнообразной типографской продукции, по данным И.Н. Качаки, было занято свыше двухсот различных организаций. Перечислю тех, которые входили в первую десятку по печатанию непериодичных изданий: Русский научный институт, Белград, 1920–1941 — 116 названий; Торговый Дом Milan Auman&C°, г. Кршко, 1920–1924 — 105; Издательская комиссия РКК, Белград, 1928–1936 — 56; краевой Союз русского сокольства в Королевстве СХС (Югославия), Белград, 1926–1939 — 43; Русская охранная группа в Сербии, Белград, 1942 — 42; Национально-Трудовой союз нового поколения, Белград, 1935–1940 — 31; Русское археологическое общество в Королевстве СХС (Югославия), Белград, 1921–1940 — 29; Православно-Миссионерское издательство, г. Белая Церковь, 1928–1931 — 27; издательство «Святослав» М.Г. Ковалева, гг. Сремская Митровица, Нови-Сад, Белград, 1921–1938 — 22; газета «Новое время» М.А. Суворина (бывший главный редактор одноименной петербургской газеты), Белград, 1921–1930 — 16 [102].

Добавлю, что Издательская комиссия при РКК выпустила три серии книг: Русская библиотека — книги современных и известных

русских писателей-эмигрантов (40 выпусков); Детская библиотека — в основном иллюстрированные сказки (9 выпусков); Библиотека для юношества — только две книги [103]. Благодаря помощи РКК издательская комиссия в Белграде могла поставить своей целью издание «произведений наиболее известных русских писателей, дабы русское подрастающее поколение могло получить добрую и хорошую книгу, по возможности дешевую, которая содействовала бы заложению в русской молодежи здоровых национальных, моральных и чисто человеческих начал» [104]. При этом не ставился вопрос прибыли, т. е. отсутствовала та коммерциализация, которая больше занимается чтивом, а не чтением. Успешно продвигалась работа по организации издательской деятельности. Довольно быстро были изданы произведения таких знаменитостей, как Мережковский, Чириков, Гиппиус, Зайцев, Амфитеатров, Куприн, Шмелев, Ремизов, Бунин, Бальмонт. Напечатаны сборник изумительных по своей свежести и оригинальности сербских народных песен, а также несколько выпусков русских сказок.

Первые десять типографий и их владельцы по количеству названий напечатанных книг: С.Ф. Филонов, Нови-Сад, 1923–1942 — 165 названий; Русское отделение при Банковской типографии, Русская печатня, Русская типография, Белград, 1923–1937 — 102; «Светлост», Белград, 1933–1941 — 49; «Меркур», Белград, 1921–1941 — 48; «Слово» Попова и Большакова, Белград, 1928–1940 — 30; «Орао», Белград, 1926–1938 — 24; Натошевич, Нови-Сад, 1920–1940 — 21; М. Карич, Белград, 1925–1930 — 18; М.Г. Ковалева и К. Нови-Сад, Белград, а также его «Уметност», Белград, 1923–1932 — 16; Павленко и Попов, Белград, 1928–1929 — 14 [105].

Авторы: на первом месте глава РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) — 35 названий, на втором М.С. Аркадьев (наст. имя Михаил Аркадьевич Сопоцько-Сырокомля), «врач-миссионер и натуралист, подпоручик артиллерии и проповедник единой Святой Соборной Апостольской Церкви» (ок. 1869 — 15 мая 1938 г., Белград) — 29 названий. За свой счет печатал в основном религиозные и моралистические памфлеты. Вел постоянную полемику с Церковью, штабом Добровольческой армии и эмигрантскими вождями. Всю свою зарплату врача тратил на печать своих творений. Был организатором и главой Братства семи св. Архангелов, состоящего, очевидно, только из одного человека — самого Аркадьева. Писал хлестко, необычно, что видно из такого названия, как «Гибель Володьки Ленина и предстоящая гибель Лейбы Троцкого, Зиновьева и Дзержинского. Опыт уничтожения Духовной Силой на расстоянии» (Сремские Карловцы, 1923). На третьем месте Н.В. Краинский (1869–1951) — 20 названий за 1929–1940 гг. Преподаватель Киевского университета. Стал вна-

чале профессором Загребского, потом Белградского университета. Психиатр, интересовался математикой, физикой. Антикоммунист [106]. Часто вызывал раздражение у студентов-коммунистов на юрфаке Белградского университета. Они даже организовали забастовку, требуя его увольнения, но она, как и следовало ожидать, была безрезультатной. В первые месяцы оккупации был активен в Русском бюро (немецком марионеточном комитете русских беженцев), но быстро отошел. Всю оккупацию провел в изоляции. В сентябре 1944 г. вместе с другими уехал в Германию. Умер в Харькове в 1951 г. [107] На четвертом месте архимандрит Кирик (Максимов) — 19 названий за 1932–1938 гг. Печатал в основном сокращенные тексты своих проповедей. Умер 15 декабря 1938 г. в Панчеве [108]. На пятом месте С.Н. Смирнов (1877–1958) — 15 названий за 1922–1940 гг. По образованию архитектор. Стал историком искусства, археологом. В Королевстве стал председателем Русского археологического общества. Входил в ближайшее окружение короля Александра благодаря тому, что после октябрьского переворота спас от смерти сестру короля княгиню Елену Романову (урожд. Карагеоргиевич) с детьми и переправил их на Запад. После приезда в Югославию стал личным секретарем княгини. Был одним из организаторов работ на церкви-мавзолее династии Карагеоргиевичей на Опленце. Находил время трудиться и делопроизводителем в канцелярии русского государственного уполномоченного по делам русских беженцев. Был одним из организаторов приема и размещения второй волны беженцев 1920/21 г. Умер в Монтевидео. Архив хранится в Народной библиотеке Сербии в Белграде [109]. На шестом месте Л.М. Сухотин (1879 1948) — 14 названий за 1925–1940 гг. Историк, преподаватель, автор нескольких учебников для русских школ, соавтор учебников для сербских школ по средневековой истории Сербии. На седьмом месте Е.В. Спекторский (1875–1951) — 14 названий за 1927–1938 гг. Социолог, экономист, историк, политолог — все вместе. После Второй мировой войны несколько лет провел в лагере для перемещенных лиц в Триесте. С помощью Толстовского гуманитарного фонда эмигрировал в США [110]. Потом идет В.А. Маевский (1893–1975) — 13 названий за 1931–1941 гг. Журналист, историк, поэт, автор многочисленных произведений, связанных с Великой войной, с историей русской эмиграции. Затем генерал-лейтенант Н.Н. Головин (1875–1944) — 13 названий за 1923–1939 гг. Глава Высших военно-научных курсов, действовавших в странах русского рассеяния. И замыкает десятку А.В. Амфитеатров, известный прозаик — 11 названий за 1928–1932 гг. [111].

Первым органом периодики стал двуязычный сербско-русский «Билтен» (Бюллетень) (издатель Русское телеграфное агентство «Русаген» в Белграде). Это был текст на пишущей машинке или руко-

пись на шапирографе. Первый сохранившийся экземпляр имеет № 39 от 8 марта 1920 г. Последний — № 90 от 18 мая 1920 г. В «Бюллетене» можно было прочесть известия с фронтов гражданской войны, общие политико-экономические вести, информацию о жизни русских беженцев в Сербии. Последний орган тяжело обозначить. Возможно, это был «Русский вестник» с подзаголовком «Гражданам России на Балканах». 1945 г. Но отсутствие места издания и факт, что к этому времени коммунисты контролировали почти всю территорию, не внушают уверенности, что это была газета русских беженцев [112]. Здесь вслед за Качаки нужно упомянуть издания Первой казачьей дивизии генерала Хельмута фон Панвица с 1943 до апреля 1945 г. на территории НДХ [113]. Беженская периодика возродилась в 1987 г. и связана с именем строительного инженера В.Т. Соболевского (1917–1996), бывшего воспитанника кадетского корпуса в Белой Церкви. Издавал в Белграде «Бюллетень». Вышло 20 номеров — фотокопии текста на русском языке, отпечатанного на машинке. Тираж примерно 300 экз. и рассылался бывшим кадетам по всему миру. Первый номер вышел в связи с инициативой строительства памятника русским кадетам, похороненным на кладбище в Белой Церкви, но и после его установки продолжал выходить до смерти издателя [114].

Значительную роль в жизни русских эмигрантов, в том числе и в Сербии, сыграло Объединение российских земских и городских деятелей (Земгор), созданное как неполитическая организация в начале 1920-х гг. Известна его обширная деятельность на ниве просвещения. В частности, он издавал журнал на сербохорватском языке (кириллицей и латиницей) «Русский архив», посвященный политике, культуре и экономике России. Согласно решению министра по делам вероисповеданий (1929 г.) журнал рекомендовался всем школам для большего знакомства учеников с «братской Россией» и «укрепления любви нашего народа к России». Редакции «Русского архива» удалось привлечь к сотрудничеству многих талантливых авторов — ученых, публицистов, политических обозревателей, таких известных писателей и поэтов Русского зарубежья, как А. Ремизов, М. Цветаева, Е. Замятин, М. Слоним. Одним из ведущих разделов журнала был «Политический обзор», где помещались комментарии о событиях в СССР. В качестве источников использовались в основном советские материалы. Отдельные статьи посвящались рассмотрению отношений между партией и интеллигенцией, крестьянством. Много внимания уделялось темам культурной жизни: театру, музыке, просвещению.

Одним из инициаторов издания «Русского архива» являлся Ф.Е. Махин (15.04.1882, Николаевск, Сибирь — 03.06.1945, Белград), фигура во многих отношениях примечательная, созданная тем временем. В прошлом полковник царской армии, выпускник импера-

торской академии Генерального штаба, участник боевых действий на Балканах, кавалер многих наград, в том числе и высшей военной награды Сербии — ордена Белого Орла, он успел побывать и в эсерах, и у «красных», и у «белых». В 1924 г., после Китая, Англии, континентальной Европы, он прибыл в Белград, где много труда отдал уже упоминавшемуся Земгору. По некоторым сведениям, был связан с разведкой СССР. В годы Второй мировой войны был в рядах армии Тито. Именем генерал-лейтенанта Махина была названа улица в Белграде, но в конце XX в. в связи с пересмотром истории улица получила другое название.

Русские люди всегда или почти всегда уважали печатное слово. Оказавшись в новой стране в непривычном для себя положении эмигрантов, они в число первоочередных задач включали издательскую деятельность, тем более, что в то же Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло и обосновалось немало журналистов, издателей, типографов. На страницах русской периодики, например, уже упоминавшегося «Нового времени» регулярно помещались материалы из культурной сферы — от «допотопных» времен до современных дней. Строки о борьбе Креста и Полумесяца, Косовской битве и ее отражении в сербских народных песнях соседствовали со стихотворениями известных поэтов.

Продолжая разговор о просвещении и сербо-русских связях, следует вспомнить 1923 год, когда на русском и сербском языках был напечатан первый и единственный номер литературно-художественного журнала под весьма экстравагантным названием «Медуза» — «орган пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских». Наряду с публикациями о современных поэтах Королевства, в нем было представлено творчество таких мастеров слова, как Ахматова, Блок, Ремизов, художника Л. Браиловского [115]. Практически все периодические и непериодические издания так называемого гуманитарного направления на своих страницах рассуждали о России, строили ее будущее, мечтали и тосковали… Только один пример — «Наше будущее», литературный и общественно-политический журнал, первый номер которого вышел в Белграде в 1925 г. Идеал его создателей — старая государственность, закон и порядок. Девиз — «Вера, Царь и Отечество». От знаменитой триады графа С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность» его отличал только последний компонент, когда «ненадежную» «народность», выбросившую их в эмиграцию, заменили благородным «Отечеством».

В 1925 г. по инициативе журналистов А.И. Ксюнина и Е.А. Жукова был создан Союз русских писателей и журналистов Югославии. Он стал культурным центром, вокруг которого объединялись не только

писатели и журналисты, но и профессора, артисты, художники. В него, в частности, входили: А.В. Амфитеатров, И.А. Бунин, И.И. Голенищев-Кутузов, А.И. Куприн, И.И. Толстой, Доситей, митрополит Загребский, Б. Нушич, Н. Пашич, К.П. Крамарж, не менее известный П.Б. Струве [116]. За десять лет через Союз прошло свыше 200 человек.

Одной из основных своих задач Союз считал работу против коммунистической пропаганды и идейную борьбу за освобождение России. С этой целью он сотрудничал с Объединением национально-прогрессивной и демократической эмиграции, с местным комитетом Фонда спасения России, с Фондом свободной печати, сформированным для помощи писателям в СССР, контактировал с Лигой Обера, с Всероссийским крестьянским союзом и с Союзом нового поколения. Союз оказывал помощь в распространении материалов, «вскрывающих сущность большевизма», как, например, открытого письма графини А.Л. Толстой «Не могу молчать» [117].

В 1926 г. Союз опубликовал под общим заголовком «Словенски класици»: книгу Н.С. Лескова «Гора» (перевод К. Цветковича) и сборник рассказов М.Е. Салтыкова-Щедрина «Приче» (перевод Зорки Велимирович). На русском языке был издан сборник рассказов В.Н. Челищева «Алешка Чураков». В 1933 г. Союз выпустил на русском языке «Антологию новой югославянской лирики» в переводе И.И. Голенищева-Кутузова, А.П. Дуракова и Е.Л. Таубер.

В 1926 г. Союз выпустил пять сборников литературно-общественного журнала «Призыв». Тогда же — в 1926–1927 гг. он издавал еженедельную беспартийную газету «Россия» под редакцией А.И. Ксюнина, Е.А. Жукова и В.Н. Челищева [118].

Завершить свой экскурс в мир просвещения, печати, журналистики я хочу банальной сентенцией, что в этих трех взаимосвязанных областях человеческого духа и знания, страстей и расчета, патриотизма и славянофильства русская эмиграция в славянском Королевстве воссоздавала свое прошлое, жила настоящим, строила будущее.

Русский военный в Белграде и в провинции

Пожалуй, труднее всего в эмиграции приходилось людям в военной форме императорской армии России, ушедшей к большевикам. Они умели воевать, умели командовать, но время больших войн кончилось и Королевство не было в состоянии принять в свою армию всех: страна больше нуждалась в рабочих руках, нежели в воинской силе. Хотя поначалу прошения русских офицеров о зачислении их на военную службу Королевства удовлетворялись. Более того, кавалерийская дивизия под командой генерал-лейтенанта И.Г. Барбовича, сформированная из всех кавалерийских полков уже в Галлиполи,

уже с августа 1921 г. была принята «в полном составе — 3382 чел. на пограничную стражу и частично в жандармерию (64 старших офицера на офицерские, 778 офицеров на унтер-офицерские должности); позже к ним присоединились 1100 чел. гвардейской казачьей группы и около 300 чел. на свободные вакансии из прибывших с последним эшелоном из Галлиполи» [119].

Особенно нелегко приходилось на границе с Албанией, где не редкостью были стычки с разбойниками и как следствие — потери среди солдат. Так, галлиполиец, корниловец, штабс-капитан Л.В. Игнатьев. 10 июня 1924 г. был убит в бою с арнаутами близ Гостивара. Рискованным делом считалось разминирование снарядов, мин — работа, на которую среди местного населения не было охотников. Зато и здесь пригодились «бедные русские», выдержавшие первую мировую, гражданскую, сражавшиеся за ту же Великую Сербию, а теперь вновь — уже в мирное время — занимавшиеся опасным трудом по очищению славянской земли от взрывоопасных предметов. И здесь тоже были свои жертвы. Назову одно имя — Федор Перфильев (? — 31.07.1929, Скопле) погиб при разминировании немецкого снаряда [120].

Замечу, что для многих, принятых в ряды королевской армии, служба начиналась с понижения на один чин.

На территории Королевства долгое время размещался ряд казацких крупных частей общей численностью около 5000 воинов, из которых 3500 были кубанские казаки, и Кубанская казачья дивизия. Недавние фронтовики сразу поступили в распоряжение министерства общественных работ, направивших казаков на строительство стратегической дороги Вранье — Босилеград, получившей впоследствии известность как «Русская дорога». Потом казаки трудились на строительстве дорог Гостивар — Дебар, Косовска Митровица — Рашка, Штип — Кочане. С 1926 г. работали на шахте по добыче пирита около Доньег Милановца, в шахте «Кленовик» близ Пожареваца, строили железнодорожные пути Кральево — Рашка, Мала Крсна — Топчидер. Донские казаки были ударной силой на строительстве железнодорожной линии в районе Бихача и Босанской Крупы. Вместе с кубанцами строили в Словении дорогу Ормож — Лютомер — Птуй. Запорожский казацкий эскадрон работал на прокладке железной дороги Ниш — Княжевац. Казаки использовались не только на «черной работе» в строительстве, но и как трофейщики — в деле чрезвычайно опасном во время сбора оружия и боеприпасов на полях недавней войны. Приходилось осваивать и другие профессии: казаки Кубанского гвардейского дивизиона (около 250 человек), размещенного в районах Бараньи и Славонии, работали на сахарном заводе, пилораме и в других местах. Добавлю, что штаб Кубанской дивизии до 1926 г. был

сначала во Вранью, потом в Пожареваце. Эта раскиданная по многим местам воинская единица, подчеркивает А.Б. Арсеньев, была единственным русским формированием в изгнании, сохранившим «не только свою монолитность, но и казацкие воинские традиции, боеготовность и униформу» [121].

Своеобразным гнездом русского офицерства стал Крагуевацкий арсенал. Именно русские инженеры в офицерской форме сделали многое в сфере арттехвооружения Королевства, платя иногда жизнью. В головном военном арсенале Королевства служили полковник Д.П. Мартьянов в должности начальника артиллерийско-технического завода [122], полковник, математик, член корпорации академиков-артиллеристов Б.Л. Брянчанинов, служивший в пиротехническом отделении артиллерийско-технического завода [123], инженер-полковник А.И. Дегтярев [124], штабс-капитан артиллерии А.А. Бредихин, который погиб, разряжая немецкую мину в пиротехническом отделении Крагуевацкого арсенала [125]. За заслуги по привлечению русских «спецов» начальник Крагуевацкого арсенала полковник Святослав Стаевич, выпускник Михайловской академии, был награжден П.Н. Врангелем орденом Св. Владимира IV степени [126].

Из генеральского «эшелона» лишь немногие были привлечены в королевскую армию, которая не могла вобрать в себя весь генералитет. Перечислю здесь только несколько имен: генерал-лейтенант Генштаба А.И. Мартынов (22.01.1869 — 18.12.1941, Хорватия) [127], генерал от инфантерии Н.М. Иванов (1859 — 01. или 02.03.1935, Скопле) [128]. Причем генеральский чин не означал генеральской должности. Так, генерал-лейтенант Е.Ф. Новицкий (29.11.1867, Радомская губерния — 11.06.1931, Сараево) был одно время инструктором в стрелковой школе в Сараеве [129].

После службы в Королевской армии перед «человеком без ружья» вновь вставал вопрос о трудоустройстве. И вариантов здесь было немного, одним из них была провинция, но и здесь русских особо не ждали. Один из русских бедолаг, Роман Грибовский, писал: «В 1922 году ряд Галлиполийцев, окончив службу в пограничной страже и жандармерии, приехали в Сараево в поисках заработка. Об интеллигентном труде думать не приходилось, так как, где было возможно, устроились раньше осевшие в Сараево наши соотечественники. Скудость средств не давала времени на раздумье: одни пошли в чернорабочие, другие — в полицейские. Немногие смогли покинуть негостеприимный город, чтобы устроиться в другом месте. В конце 1922 года в Сараево насчитывалось до 50 человек галлиполийцев… К весне 1923 года наша группа сильно поредела: часть служивших в полиции были командированы на усиление таковой в другие города

Боснии и Герцеговины; уехало еще немало наших в поисках рабочего счастья. Оставшиеся до сего времени здесь — либо служат в полиции, либо работают в мастерских, в корпусе (Крымском кадетском. — *В.К.*), в канцеляриях и т. д., дополняя свой скудный заработок тренировкой лошадей сербских офицеров, игрой в оркестре и т. д. А тут еще тяжелый трудовой день — есть ряд офицеров, работающих до 18 ч. в сутки… Что касается отношений местных жителей-сербов, то они, конечно, различны. Крестьяне — симпатизируют; интеллигенция — в зависимости от партийности — либо благожелательно, либо равнодушно, либо отрицательно настроена к нам. Так же — и рабочие: чернорабочие в большинстве очень ценят наше приличное с ними обращение и уважают нас за нашу незлобивость и покорность судьбе; специалисты, надзорники и их помощники, на 3/4 с социалистическим душком, завидуя нашей культурности, нередко пытаются „поучать“ нас за неправильность и непатриотичность политики русской эмиграции. Было два случая, когда надзорник зарвался до того, что уверял, что мы просто изменники России. В заключение скажу, что если бы сами русские были более сплочены и всегда помнили, что они русские — всем было бы легче жить» [130].

А потом, когда трудовая армия была расформирована, кто-то уезжал в Южную Америку, где обещали землю, кто-то успевал жениться на местных «девойках» и через год-два его нельзя было отличить от сербского или македонского селяка, кто-то шел в университет, кто-то вербовался в иностранный легион и пр.

Пожалуй, более или менее цельное и красочное впечатление можно составить о русских летчиках, поднявших югославскую авиацию на крыло.

В 1923 г. капитан Николай Милетич писал в редакцию русского журнала «Наша стихия» о русских пилотах, инженерах, организаторах королевских ВВС: «Мы видим их в мастерских, этих выдержанных офицеров гордой русской армии, обыкновенными рабочими; они не считаются с тяжестью этого труда, с грязью, которой запачканы их руки… мы видим их пилотами, любящими свое дело и с готовностью летающими ежедневно.

На русских пилотах, вы сами знаете, держатся наши школы; они наши учителя, заслуживающие похвалу и благодарность не только своих учеников, но и всех граждан нашей Державы.

Они готовят нам защитников нашего Отечества. Тут же мы видим известных русских инженеров… и других специалистов: фотографов, топографов и чертежников, приносящих неизмеримую пользу нашему воздухоплаванию» [131].

А сколько же их было, хотя бы приблизительно? Здесь опять я привлеку информацию из выходившего в Нови-Саде под редакцией

В.М. Ткачева журнала «Наша стихия» Общества офицеров Российского Военно-Воздушного флота в Королевстве СХС (создано в 1922 г.): к весне 1923 г. в него входило 137 действительных членов [132].

А теперь о тех, кто вошел в историю югославской авиации, кто летал на французских бипланах, получивших у военных русских летчиков название «этажерок».

Начну с георгиевского кавалера Ивана Степановича Стрельникова, кавалера многих орденов и воинских отличий, одного из создателей Донской авиации [133]. В эмиграции работал инструктором, обучая искусству пилотирования «зеленую молодежь» [134].

Один из самых опытных летчиков России В.М. Никитин летал на военных и транспортных аппаратах, испытывал новые машины. На публичных выступлениях пилотировал спортивные самолеты, показывая бешеные трюки. Часто выполнял т. н. воздушные крещения тех, кто первый раз отваживались сесть в самолет. Был одним из первых пилотов основанного в 1927 г. югославского Общества воздушного транспорта. На тогдашних «сказочно-авантюрных» самолетах он налетал 466 часов. Бывало всякое, но судьба хранила его.

Фортуна изменила ему 12 сентября 1933 г., когда его «фарман» разбился при взлете с люблянского аэродрома. На месте гибели и сейчас стоит доска, свидетельствующая о времени и именах погибших в катастрофе людей.

И завершающий штрих: его внук Александр — пилот «Югославенского аэротранспорта». Никитины летят дальше [135].

Свой вклад в развитие королевской авиации внес и герой германской войны, участник гражданской войны георгиевский кавалер полковник В.М. Ткачев. В Королевстве работал редактором авиационных журналов «Воздухоплавни Гласник» («Вестник авиации») и «Наша стихия», в частной пароходной фирме, был консультантом при инспекции Королевской авиации. Написал ряд «наставлений» и «пособий» для югославских пилотов. В 1921 г. опубликовал в «Военном сборнике» статью «Вопросы тактического применения авиации в маневренной войне».

Жил вначале в Нови-Саде, затем в Земуне, близ Белграда. В годы Второй мировой войны был начальником внеклассного воспитания русской молодежи мужской и женской гимназий в Белграде.

С вступлением Советской армии в Югославию был арестован органами МГБ СССР, этапирован в Москву и передан в ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР. Обвинен в «сочувствии мировой буржуазии, терроризме и участии в антисоветской организации». В августе 1945 г. осужден Особым совещанием при МГБ СССР на 10 лет ИТЛ. «Прошел» лагеря — Сиблаг, Озерлаг, Лагерное отделение Мордовской АССР. Выпущен 5 февраля 1955 г. «с погашением в пра-

вах» и без права жительства в больших городах. Трудился переплетчиком в артели инвалидов им. Василия Ивановича Чапаева. Автор книг «Русский сокол» о П.Н. Нестерове и «Крылья России» о начале пути русской авиации [136].

Еще одно обязательное имя для истории югославской авиации — В.И, Стржижевский (Стрижевский). Воевал у Врангеля вплоть до эвакуации в 1921 г. в Королевство СХС.

На славянской земле стал испытателем, дал путевку в небо свыше 200 самолетам разных типов, имел свыше 4000 вылетов на военных и учебных самолетах. Защищал цвета флага Королевства на спортивных соревнованиях Малой Антанты. В 1927 г. победил под «несчастливым» № 13 на самолете «физир-майбах» на маршруте Белград–Варшава–Белград. С 4 октября того же года работал шеф-пилотом в Аэропуте: отбирал и тренировал экипажи, учил летать на новых типах самолетов, открывал новые линии. 22 августа 1940 г., пилотируя «локхид» по линии Загреб–Сплит, попал в грозу и разбился недалеко от Госпича. Похоронен 28 августа 1940 г. на новом кладбище в Белграде со всеми почестями как видному гражданину, воину, летчику и человеку [137].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 34.
2 Новое время. 02.01.1929. № 2301. С. 2.
3 Там же. 05.11.1925. № 1357. С. 3.
4 *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 34.
5 *Стерјовски А.* Битола Руската колонија. Битола, 2003. С. 152.
6 Там же. С. 153.
7 *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. В 2-х т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 23.
8 *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. В 17 т. Нью-Йорк, 1960. Т. V. С. 97–98.
9 Запись воспоминаний А.В. Тарасьева // Архив автора.
10 Часовой. 31 мая 1931. № 56. С. 23.
11 *Валецкий О.* Волки белые. Сербский дневник русского добровольца 1993–1999. М., 2006. С. 57.
12 Царский вестник. 1930. № 82. С. 4.
13 *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 205.
14 *Тарасјев В., протојереј.* Чувати сећање о онима који су отишли // Руси без Русије Српски Руси. Издатели: Јанићијевић Д., Шлавик З. Београд, 1994. С. 353.
15 Запись воспоминаний А.В. Тарасьева // Архив автора.

16 *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зренянин, 1994. С. 10.
17 *Иоанн Шаховской, архиеп.* Вера и достоверность. Париж, 1982. С. 30.
18 *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке. С. 16, 18–21.
19 Там же. С. 22.
20 Военный журналист. 15 декабря 1939. № 6. С. 8.
21 *Богословский А.В., ротмистр.* Русские памятники и музеи в Югославии // Часовой. 5 июня 1939. № 236–237. Брюссель. С. 30.
22 http://www.xx13.ru/kadeti/kp.26_30.htm#бормс
23 Новое время. 22.09.1922. № 422. С. 4.
24 См.: Царский вестник. 1931. № 137. С. 4.
25 Там же. 22.03./09.03.1931. № 137. С. 4.
26 *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 37.
27 *Стерјовски А.* Битола… С. 95.
28 Там же. С. 96.
29 I Русско-Сербская гимназия. Памятка. Белград, 1920–1944. Нью-Йорк; Вашингтон; Сан-Франциско; Каракас; Буэнос-Айрес, 1986. С. 17.
30 *Молчанов В.* Живая летопись // I Русско-Сербская гимназия. С. 170.
31 *Жилина Т.* Дни бегут, унося за собой года… // I Русско-Сербская гимназия. С. 134–135.
32 *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная. С. 33.
33 *Стерјовски А.* Битола… С. 88.
34 Там же. С. 89.
35 Православная Русь. 1986. № 15. С. 1–2.
36 См.: Царский вестник. 1932. № 275. С. 2.
37 *Арсеньев Н.* «Завет целостного духа» (Славянофилы и мы) // Благовест. Сб. № 1. Отд. Новый Сад. 1925. С. 10–11.
38 Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. В 2-х т. Београд, 1994. Т. I. С. 43–44.
39 Там же. С. 47.
40 I Русско-Сербская гимназия. Памятка. С. 17.
41 Там же. С. 6.
42 Новое время. 28.3.1922. № 277. С. 3.
43 Там же. 24.4.1921. № 3. С. 4.
44 Там же. 8.7.1922. № 366. С. 3.
45 *Орехов В.* Несколько предварительных слов // Часовой. Брюссель. 5 июня 1939. № 236–237. С. 14.
46 Русский Девичий институт (Белая Церковь) // Там же. С. 28–29.
47 *Орехов В.* Несколько предварительных слов. С. 16.
48 *Кадесников Н.З.* Краткий очерк русской истории XX века. Нью-Йорк, 1967. С. 138.
49 Новое время. 15.11.1921. № 160. С. 4.
50 Там же. 17.8.1922. № 392. С. 3.
51 Там же. 13.1.1922. № 217. С. 4.
52 ГАРФ. Ф. 7524. Оп. 1. Д. 3. Л. 157.
53 Там же. Л. 433

54 *Булгаков М.* Дела. Књ. 8. Сећања на Михаила Булгакова. Београд. 1985. С. 38, 327; Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. Сост. В. Н. Чуваков. Т. 1. М. 1999. С. 442.
55 Новое время. 20.7.1922. № 368. С. 3.
56 http://www.xx13.ru/kadeti/kp.20_25.htm#залмн
57 http://www.xx13.ru/kadeti/kp.20_25.htm#захфф
58 http://www.xx13.ru/kadeti/kp.55_59.htm#гапвв
59 http://www.xx13.ru/kadeti/krimski.htm
60 Новое время. 10.3.1923. № 561. С. 4.
61 Там же. 28.9.1928. № 2221. С. 3.
62 *Полчанинов Р.В.* На слете скаутов Югославии. Белград, 1935 // Страницы истории разведчества-скаутизма. № 38 (95), декабрь, 2004.
63 *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. С. 664, 665, 669.
64 *Стерјовски А*. Битола… С. 93.
65 *Миленковић Т.* Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 74–75.
66 Новое время. 20.5. 1921. № 22. С. 3.; *Миленковић Т.* Руски инжењери… С. 78–79.
67 Архив внешней политики России. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 2, 4.
68 *Давати В.* Русская школа и наука // Часовой. Брюссель. 5 июня 1939 г. № 236–237. С. 21.
69 *Миленковић Т.* Руски инжењери… С. 121.
70 Там же.
71 Там же. С. 11–12.
72 Там же. С. 121.
73 Русский Дом им. императора Николая III. Белград, 1933. С. 13.
74 *Косик В. И., Тесемников В.А.* Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика. 1994. № 5. С. 84.
75 Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии (к 15-летию Общества). Белград. 1936. С. 161–278.
76 *Миленковић Т.* Руски инжењери… С. 105.
77 *Качаки Ј.* Руске избеглице. Београд, 2003. С. 131–132.
78 Там же. С. 246.
79 Там же. С. 86–87.
80 Там же. С. 149.
81 Там же.
82 Там же. С. 175–176.
83 Там же. С. 257.
84 Там же. С. 17–19.
85 Там же. 8 апреля 1921.
86 Там же.
87 Там же.
88 Там же. 1.1.1922. № 209. С. 3.
89 *Стерјовски А*. Битола… С. 157.

90 Там же. С. 156.
91 *Качаки J.* Руске избеглице. С. 50.
92 Там же. С. 50.
93 *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице у Панчеву 1919–1941. Панчево, 2005. С. 114.
94 Književna smotra. Zagreb,1997. № 104–105.
95 Ibid. S. 165–176.
96 *Sanja Slukan-Markovic.* Bibliografija knjiga ruskih emigranata, tiskanih u Hrvatskoj // Knjizevna smotra. 2001. № 119б. S. 119–124.
97 *Качаки J.* Руске избеглице. С. 12.
98 Там же. С. 13.
99 Там же. С. 14–15.
100 Там же. С. 18–19.
101 Там же. С. 21.
102 Там же. С. 23.
103 Там же. С. 25.
104 Русский Дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 18.
105 Качаки J. Руске избеглице. С. 27.
106 Там же. С. 31.
107 Там же. С. 32.
108 Там же.
109 Там же. С. 32–33.
110 Там же. С. 33.
111 Там же. С. 30–34
112 Там же. С. 41
113 Там же. С. 42.
114 Там же.
115 *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 56.
116 На страже России. Десять лет Союза Русских Писателей и Журналистов в Югославии 1925–1935. Белград, 1935. С. 45–52.
117 Там же. С. 12–13.
118 Там же. С. 6.
119 *Сергей Волков.* Трагедия русского офицерства //http://www.samisdat.ru/5/55/553-p07.htm#1185
120 Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5. С. 403.
121 *Арсењев А.* Донски козаци у Томашевцу // Наше слово, Српско-руски магазин. Нови-Сад–Москва. № 5, сентябрь 1999. С. 21.
122 Незабытые могилы. Т. 4. С. 417.
123 Незабытые могилы. Т. 1. С. 428.
124 Там же. Т. 2. С. 327.
125 Там же. Т. 1. С. 406.
126 Новое время. 12.5.1921. № 15. С. 3; 30.12.1921. № 207. С. 3.
127 Незабытые могилы. М., 2004. Т. 4. С. 412.
128 Там же. М., 2001. Т. 3. С. 27.

129 Там же. М., 2004. Т. 5. С. 157.

130 Вестник правления об-ва галлиполийцев, Белград, 27 апреля 1924. № 5. С. 8–9.

131 *Милетич Н.* Русские летчики как пионеры в нашем воздухоплавании // Наша стихия. № 1, май 1923 г. Novi Sad. С. 25.

132 Там же. С. 26.

133 Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. Биографический справочник / Сост. М.С. Нешкин, В.М. Шабанов. М., 2006. С. 272–273.

134 Летчик Стрельников — мой дядя Ваня // Воспоминания Р.В. Полчанинова. Архив автора.

135 *Оштрић Ш.* Никитин у времену и простору // Руси без Русије Српски Руси. Издатели: Јанићијевић Д., Шлавик З. Београд, 1994. С. 225–232.

136 Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия… С. 281–284.

137 Оштрић Ш. Владимир Иванович Стрижевски «стриж» // Руси без Русије… С. 213–224; Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия… С. 273–275.

БОЛГАРИЯ

Е. Анастасова

Русские в Болгарии

Русские иммигранты в Болгарии — сложная гетерогенная группа, формировавшаяся на довольно значительном временном отрезке под непосредственным воздействием существовавшей исторической ситуации.

Это большая и относительно слабо исследованная тема в болгарской исторической науке. В различные периоды новой истории страны подходы к теме определялись менявшейся политической конъюнктурой. Такой факт объясним сильным влиянием на судьбу Болгарии событий в России, а затем в Советском Союзе в период с конца XIX и почти до конца XX в.

Сам по себе термин «русские» мигранты, «русские», «русы» нуждается в толковании. С одной стороны — семидесятипятилетняя история СССР обусловила подход к нему в широком смысле слова. Для большинства болгар «советская» многонациональная общность — это «русские». Как «русские» воспринимаются представители множества других национальностей, к ним не принадлежащие, традиционно населявшие Российскую империю, а затем и СССР. Речь идет об украинцах, белорусах, грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д. С другой стороны — русские включают в себя несколько субэтнических общностей; часть из них живет в Болгарии (к примеру, казаки), которые для болгар русскими не являются. И все-таки преобладающая часть эмигрантов из России — это русские. Именно такое обстоятельство, наряду с популярностью термина, оправдывает его использование в данном случае, учитывая сделанные выше уточнения.

Русская эмиграция в Болгарии имеет глубокие традиции. Его начало относится к первым годам XIX в., когда на нынешних болгарских землях (тогда в границах Османской империи) поселились казаки-старообрядцы — специфическая военно-религиозная общность, чьи потомки ныне живут компактными поселениями около городов Варна и Силистра [1]. Вторая группа — это ветераны русской

армии, оставшиеся в Болгарии после 1878 г. Третью группу составили так называемые белогвардейцы, которые бежали в Болгарию после разгрома Белой армии в начале 20-х гг. XX в.; к ним присоединились различные группы гражданского населения. К четвертой группе относятся так называемые постсоветские эмигранты, которые перебрались в страну после распада СССР. Следует отметить, что ни одна из этих миграций не является моноэтнической. Она объединила в себе представителей различных национальных и этнических общностей, которые присущи многонациональным российским, советским и постсоветским государственным объединениям, где преобладают русские и украинцы.

Численность русских в Болгарии в настоящее время установить весьма проблематично. В соответствии с данными переписи населения в 2001 г., в Болгарии насчитывается 15 тысяч 595 русских эмигрантов, многие из которых проживают в крупных городах (в Софии — 3 тыс. 127 чел., в Пловдиве — 1 тыс. 151 чел., в Варне — 1 тыс. 358 чел.), а также 2 тыс. 489 украинцев [2]. Эти данные, базирующиеся на самоидентификации, весьма важны. Но есть основания предполагать, что цифры должны быть более впечатляющими в силу несовпадений между этническим происхождением и национальной принадлежностью, гражданством детей от смешанных браков и т. д. Так, к примеру, гражданин Российской Федерации может самоопределиться как болгарин, несмотря на то что обладает российским паспортом, если он является ребенком болгарско-русского смешанного брака. Возможна и противоположная ситуация, когда гражданин Болгарии признает себя русским. С подобными случаями мы сталкивались в ходе так называемых «полевых исследований». Следует также учесть и массовые явления перехода советских граждан в болгарское гражданство после 1989 г. Вначале это явление приобрело форму двойного гражданства, которое затем становилось единственным [3]. Такие факты участились под влиянием нестабильности, наступившей вследствие резкого изменения политической конъюнктуры в стране, когда люди почувствовали угрозу своей безопасности в атмосфере имевшей широкое распространение антисоветской риторики.

В ряде случаев приводятся более завышенные данные, которые учитывают болгарских граждан русского происхождения, временно пребывающих в стране, и т. д. К примеру, Л. Ходкевич — председатель Общества российских граждан в Болгарии, а также председатель Общественного совета этнических меньшинств — утверждает, что в стране проживает около 80 тыс. потомков белоэмигрантов [4]. Вероятно, истина где-то посередине. Если около 20 тыс. человек декларируют себя как русские и украинцы, можно предположить, что

такое же число лиц предпочли заявить себя болгарами, «забыв» о своем русском происхождении.

Настоящее исследование базируется на осуществленных автором полевых исследованиях [5], на опубликованных материалах, на архивных документах, имеющих отношение к русской иммиграции в Болгарии и в других странах. Целью работы является выявление степени мифологизации представлений о русской иммиграции в Болгарии, рассмотрение их через призму диады история — человек.

* * *

Принадлежащие к огромной русской диаспоре, рассеянной по всему миру (ее численность составляют 10,5 млн человек [6]), эмигранты в Болгарии составляют, по крайней мере две основные общности.

Это и классические русские «беженцы», представители различных «волн» эмигрантов, которые в 20-х гг. XX в. после развала Российской империи наводнили Европу, да и весь земной шар. Они оставили значительный след в мировой науке, культуре и искусстве. Достаточно вспомнить Н.А. Бердяева, М. Шагала, В. Кандинского, И.Ф. Стравинского, С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина и ряд других имен, которые вошли в Золотой фонд XX в. Это и специфическая женская миграция, осуществлявшаяся в «братские» страны «социалистического лагеря» в период 1956–1990 гг. В Болгарии, как и в других странах, она явилась результатом смешанных браков между болгарскими и советскими гражданами. В них преобладали брачные союзы между болгарскими мужчинами и советскими женщинами (так называемыми «русскими невестками»), по сути речь идет об индивидуальной миграции, что может быть определено как «эмиграционный поток» лишь в силу массовости этого явления, а также того значительного места, которое оно заняло в болгарском общественном сознании.

Очевидно, что эти две общности порождены диаметрально противоположным политическим, социальным и экономическим контекстом: в одном случае — революционная Россия — царская Болгария; во втором — вечная дружба между НРБ и СССР. Они не могут рассматриваться через одну и ту же призму, принадлежат к различным эпохам и обременены трудно сопоставимыми между собой проблемами, связанными с их психологическим и культурным багажом, с различиями в адаптационной стратегии и динамике интеграционных процессов.

Белогвардейцы

История всякой эмиграции начинается в собственной стране. Именно там кроются причины, подтолкнувшие ту или иную общность покинуть пределы родины. Белогвардейский поток, распространив-

шийся от Балкан до Северной Африки, охватил Прибалтийские государства и Финляндию, растянулся от Нью-Йорка и Сан-Франциско до Харбина и Пекина. Его корни следует искать, с одной стороны, в развитии идей свободы, равенства и благосостояния (их носителями были М.А. Бакунин, А.И. Герцен, П.Л. Лавров, Г.В. Плеханов, Л.Д. Троцкий, В.И. Ленин), а с другой — в нарастании внутренних противоречий в социально разнородной, базировавшейся на контрастах России. Внутренняя напряженность в стране привела к эскалации революционных событий, крушению огромной Российской империи и созданию занявшей почти 1/6 земной поверхности супердержавы — СССР [7]. Конкретным поводом для этого стала гражданская война 1918–1920 гг. между лояльным к дореволюционному устройству офицерством — «белой гвардией» [8] и большевиками. В целях поддержки белогвардейцев в ходе гражданской войны осуществлялась интервенция в России со стороны ее западных союзников в Первой мировой войне, направленная на уничтожение власти Советов. До 1921 г. Красная армия сумела отразить натиск как стремившихся к реставрации прошлого бывших офицеров царской армии, так и иностранных оккупантов.

Причин неуспеха Белой армии было несколько. На первый план выдвигается ее приверженность прошлому в то время, когда дух революции пробудил всеобщую надежду на обновление, отсутствие привлекательной программы управления страной в случае победы, методы террора, к которым прибегали военные на занятой территории (в этом они не уступали большевикам), использование шовинистического лозунга «неделимой России», что отталкивало нерусские общности в стране, отсутствие единства среди лидеров движения.

Трудно представить трагизм ситуации, хаос и жестокость, сопровождавшие переход от существовавшего века «старого порядка» к рождавшемуся в крови новому, ранее невиданному социалистическому мироустройству. За развитием событий невозможно было уследить: неожиданная весть об отречении императора от престола, надежда на лучшее, потому что «все ожидали и верили в его приход», лозунги равенства и братства, дружное исполнение «Марсельезы», следовавшие за разделом людей на представителей «нового» и «старого» режима, «перерастание враждебности в пожар», смена радости «стонами и слезами», обескураживающие новости с фронта… Происходило «возгорание Русской земли со всех сторон», в котором слышался «грохот ее крушения» [9].

Достоверностью отличаются детские воспоминания, которые представлены в одном из многочисленных документов «белой эмиграции», опубликованных в последнее время: «Разразилась революция… Власть менялась каждый день: то махновцы, то петлюровцы,

то матросы, то гетмановцы, то большевики и т.д. В городе начались грабежи и пожары… Большевики победили и закрепились в городе, неся с собой расстрелы и убийства… Начался голод… Люди пухли и умирали. Бывали случаи и каннибализма…» [10].

Начиная с 1919 г. советская власть обращала в бегство части белогвардейцев; к ним присоединялись и различные слои гражданского населения, спасавшегося от большевистских репрессий [11]. Общая численность послереволюционной эмиграции из России составила около 2 млн. человек.

Путь в Болгарию

Часть этой социально и этнически разнородной эмиграции направилась в Болгарию. За период 1919–1921 гг. в страну в основном по морю прибыло 35 тыс. эмигрантов [12]. Основную массу беженцев составляли остатки армии Деникина, позднее к ним присоединились представители армии Врангеля, а также значительное число эмигрантов из гражданских лиц. Они составили так называемое «южное крыло» беженцев, взявших курс на Балканы. Их маршрут начинался в портах Крыма и в Одессе, проходил через Константинополь (в результате его причалы переполнялись самыми различными судами — от кораблей до лодок), а также через лагеря беженцев на Балканах и в Северной Африке, которые финансировались представителями Антанты, а позднее и международными гуманитарными и политическими организациями [13]. Затем этот маршрут достигал Варны и Бургаса, а оттуда его участники направлялись в различные города Болгарии [14].

Проблема, связанная с наплывом столь значительной массы людей, покинувших свою родину, как правило, из политической перерастала в гуманитарную. Голод, болезни, нищета, унижение и смерть царили в лагерях для русских беженцев. Вот как свидетельствует об этом представительница третьего поколения семьи белоэмигрантов, иллюстрируя свой рассказ фотографией, на которой запечатлены кресты возле одиноких православных надгробий в далекой египетской земле: «*Родители моей бабушки (ей в ту пору было 17 лет) собрали ценные вещи и вместе со своими тремя дочерьми отправились в Одессу. Отсюда на корабле их переправили в Александрию, в Тель-эль-Кебир, в лагерь для беженцев. Стояла ужасная жара, гигиена полностью отсутствовала и как результат — эпидемия тифа... Родители бабушки умерли там... И тогда сестры решили перебраться в Болгарию, поскольку эта славянская страна с близким по духу населением и языком…».*

В 1921 г. в мире изменилось отношение к Советской России, а вместе с этим прекратилась и поддержка лагерей для беженцев.

Запад настаивал на принятии русских эмигрантов Болгарией и другими странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Совет министров Болгарии постепенно принял большую часть эмигрантов, руководствуясь двумя мотивами: гуманным — в силу тяжелого положения беженцев, и патриотическим — эти люди воспринимались в стране как сыновья России — ее освободительницы от турецкого ига. Значительное число русских эмигрантов приняли также Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) и Чехословакия.

«Второй дом» и память родины»

В Болгарию прибыли различные по социальному и этническому составу беженцы (русские, украинцы, казаки, калмыки и т. д.). В большинстве своем — это профессиональные военные (элитные части Добровольческого корпуса, части Казацкого корпуса). Однако среди беженцев было немало представителей и гражданского населения — женщины и дети. Воинские подразделения расквартировались по всей территории страны, сохранив при этом свою структуру, вооружение и органы собственного самоуправления.

Поначалу правительство помогало военным подразделениям и предоставляло ряд финансовых послаблений их представителям. Более трудным было положение гражданского населения, которое сперва жило в ужасных условиях в общежитиях и на квартирах, страдая от безденежья и безработицы.

Несмотря на то, что большая часть русских были людьми образованными, их адаптация к новой обстановке в ряде случаев протекала весьма мучительно. Комиссар по делам беженцев в Болгарии епископ Стефан в начале 20-х гг. писал, что «в Европе животные живут много лучше, нежели эти люди».

Постепенно, преодолевая языковой барьер, культурные различия, довольно часто встречавшееся отсутствие профессиональной подготовки, беженцы из числа гражданского населения находили работу и создавали собственный мир в болгарских условиях. Они образовали здесь своеобразную сеть русских оазисов — школы, церкви, больницы, книжные и другого направления магазины, клубы, театры, издательства, мастерские, русские рестораны, оркестры и т. д. [15], которые стали неотъемлемой частью болгарской общественной жизни [16].

Социальная неоднородность русской эмиграции непосредственно влияла на судьбу отдельных ее групп в Болгарии. Военных (офицеров) в значительной своей части можно назвать общностью, репродуцировавшей ностальгию, рассматриваемую как специфический вариант национализма, подвластного внеисторическому времени [17]. Они были преисполнены желания возродить старую Россию и глу-

боко верили в то, что рано или поздно будут брошены в бой против Советов. Военные жили в своем собственном, изолированном от болгар, мире в ожидании выполнения такой миссии.

Вторая часть эмиграции (низший воинский состав, а также часть гражданского населения) была подвержена рефлективной ностальгии [18], преисполненной муки, тоски по Родине, ее идеализации. Для русских она, как и Отечество, всегда была с большой буквы, что неудержимо тянуло их домой. В конечном счете они предпочли вернуться в Россию не только по причине неимоверно отягощавшей жизнь ностальгии, но и в силу ряда объективных обстоятельств [19], примирившись с Советской властью [20].

Третья группа — это представители гражданской интеллигенции среднего возраста; они начали свою жизнь с «чистого листа». Для них ностальгия — скорее «сердечная боль» [21], своеобразное состояние психики, никогда их не покидавшее. Внезапно нахлынувшие воспоминания, в которые погружались русские эмигранты — одна из основных черт, отмечавшихся в воспоминаниях болгарских современников: «У нас было много преподавателей из числа русских. Был такой учитель труда — чудесный педагог и очень хороший человек. Когда мы хотели его отвлечь, произносили слово „Россия“, и он сразу же в мыслях уходил куда-то, вставал у окна и смотрел вдаль неподвижным взглядом… И в таком состоянии мог пребывать часами». Эти люди никогда не адаптировались к Болгарии. Но в большинстве случаев они, уезжая в Советский Союз, возвращались обратно. СССР совсем не был похож на жившее в их памяти Отечество [22]. Эту общность отличала специфическая маргинальностъ (по аналогии с терминологией А. Ван Женепа) национальной идентичности [23]. Именно такой тип идентичности, как об этом пойдет речь ниже, является наиболее характерным для эмигрантов первого поколения.

Четвертую группу составили более молодые люди, зачастую настроенные весьма либерально, которые предпринимали все возможное для адаптации к новым условиям. Они получили образование в Болгарии, создали здесь дома и обзавелись семьями, а также свой болгаро-русский круг общения, чтобы навсегда остаться в стране. Эта общность адаптировалась наиболее быстро, воспринимала Болгарию как свою вторую родину, успешно и относительно безболезненно интегрировалась в болгарское общество, стремясь стать его составной частью.

Своеобразной общностью являлась блестящая космополитическая часть российской интеллигенции, большая группа представителей которой быстро покинула Болгарию для того, чтобы занять свое место в мировых престижных культурных и исследовательских центрах.

Особый случай — эмигранты, попавшие в отдаленные населенные пункты, и оказавшиеся изолированными от основной массы своих соотечественников. Как правило, это люди не очень образованные, не без основания опасавшиеся любых вестей, исходивших как из СССР, так и от болгарского правительства. Они вступали в браки с болгарками, полностью принимали болгарский образ жизни (не намного отличавшийся от образа жизни российского крестьянства) и стремились раствориться среди местного населения, дабы не привлекать к себе никакого внимания.

Институты. Существование в чужой среде столь значительной группы эмигрантов, которые оказались перед необходимостью отвечать на вызов заново обустраивавшейся жизни, было связано со специфическими, базировавшимися на солидарности институтами. Их деятельность имела целью помочь выживанию и сплочению различных групп эмигрантов. Появился ряд эмигрантских организаций: военные (РОВС — «Общерусский войсковой союз», «Общество офицеров Генерального штаба», «Союз ветеранов русско-турецкой войны» и др.); политические («Русский национальный союз в Болгарии», «Союз легитимных монархических организаций», «Общество почитателей Николая II» и др.), профессиональные («Союз российских врачей», «Союз российских инженеров» и др.), культурно-просветительские («Союз российских профессоров», «Союз российских студентов», «Русские дома», «Русские клубы» и др.), благотворительные («Российский Красный крест», «Союз взаимопомощи русских в Болгарии» и т. д.) и ряд других. Они с помощью своей деятельности, опираясь на прессу и контакты, играли важную роль в жизни русской эмиграции в Болгарии [24]. Постепенно русские иммигранты заняли свое место в болгарском обществе, формируя неоднородную, но консолидированную общность.

В период 1929–1933 гг. началась замена на болгарские нансеновских паспортов, с которыми русские жили в стране после бегства с родины. Этот процесс приносил чисто практическую пользу для эмигрантов. Облегчались поиски работы, уменьшался риск стать жертвой репрессий со стороны СССР, возрастало чувство уверенности в себе и единства с новой родиной.

Время самоопределения. Особое место в среде русской эмиграции занимала национальная идея, присущая всем ее организациям. Эта идея была естественной и необходимой для того, чтобы оградить общность от этнической и духовной ассимиляции (призывы к русской эндогамии, к русскому образованию, к сохранению языка и «крови»).

Представленные выше различные общности можно распределить на составляющие некоей шкалы, отражающей степень национализма

русской эмиграции в Болгарии. Это выглядит так: национализм, присущий первой группе (для ее представителей Болгария оставалась «чужой и бедной страной с малокультурным населением») [25]; затем следует вторая группа («Нет страны лучше России»); третью отличает либерализм; четвертую — национально-гражданская «раскрепощенность» [26]; и, наконец, пятая группа с ее полным национальным обезличиванием. Интересно, однако, что в Болгарии русские эмигранты первого поколения для местного населения навсегда остались «русскими».

Национализм становится особенно актуальным после усиления распространения в 30-х гг. XX в. в Европе идей научного социализма. Эти идеи не обошли стороной и Болгарию, равно как и обосновавшиеся здесь круги политически активных белоэмигрантов, которые внимательно следили за событиями в СССР, где множилось число жертв сталинских репрессий. Отношение к СССР в контексте существования там сталинского режима, а позднее разразившаяся Вторая мировая война разделили русскую эмиграцию, после 1941 г. поставленную перед необходимостью выбора. Часть эмигрантов сформировала Русский охранный корпус, а затем некоторые эмигранты вошли в армию под командованием генерала Власова. Болгарские власти содействовали РОВС в наборе добровольцев из числа русских; таковых оказалось около 2 тыс. человек [27]. Но в большинстве своем русская эмиграция не приняла идеологию и повергавшую в шок «практику» фашизма применительно к «неарийцам». Несмотря на это, большинство оставалось пассивным. В данном случае не обошлось без определяющего влияния факта участия Болгарии в гитлеровской коалиции. Правда, формировались небольшие части для борьбы с фашизмом на Восточном фронте.

Ход войны и победа антигитлеровской коалиции принесли не только радость. Страх перед смертью, репатриацией, лагерями, сопровождавшими сталинский режим, стал поводом для бегства и самоубийств в среде белоэмиграции [28] при вступлении Красной армии в Болгарию в 1944 г. Часть белоэмигрантов накануне 9 сентября присоединилась к партизанским отрядам и к воинским подразделениям соотечественников.

28 октября 1944 г. Болгария заключила перемирие с антигитлеровской коалицией. В соответствии с ним, страна должна была «выселить этнически инородное население», а ее правительству надлежало «распустить незамедлительно все находящиеся на болгарской территории прогитлеровские или иные военные формирования, военизированные или иные организации, которые осуществляют враждебную по отношению к объединенным народам пропаганду». Из 26 существовавших на тот момент русских эмигрантских организаций было распущено 22, с конфискацией их имущества. Во многих

случаях без всякого на то основания расформировывались неполитические организации с изъятием их собственности.

Для части белогвардейцев наступили трудные времена. Арестованы активисты РОВС, лица, сотрудничавшие с Германией, отправлены в воспитательно-трудовые лагеря, массово осуществлялась репатриация. Русская эмиграция в Болгарии начала жить с присущими сталинскому социализму идеологемами — шпионаж, диверсии, агенты-провокаторы и т. д. Одним из впечатляющих приемов стало доносительство в кругу родных, друзей, соседей. К примеру, классическая история а ля «Павлик Морозов», иллюстрирующая параноидальный характер атмосферы тех лет в Болгарии: «*Мать А. была болгаркой. Отец ее (русский) умер в начале 40-х гг. Мать опасалась, что ее дитя — это «белогвардейский ребенок». Женщина жила в страхе перед своим 9–10-летним отпрыском, боясь «как бы чего не вышло». И, наконец, она решилась донести на дочь: «растет белогвардейский выродок». Так А. обзавелась досье и клеймом «ребенок белогвардейца»* [29].

В 50-х гг. проблема белогвардейской эмиграции в Болгарии утратила свою актуальность. Было разрешено возвращение советских граждан в СССР (для освоения целинных земель, но без права жить в столице и Ленинграде) [30]. В Болгарии остались около 7500 белогвардейцев, в большинстве своем граждане этой страны. Прекратил деятельность Союз советских граждан, а здание, в котором он размещался, перешло в руки созданного в тот момент Комитета болгаро-советской дружбы [31].

Наследие белогвардейской эмиграции в Болгарии

Прежде всего можно выделить вклад русских высококвалифицированных военных, опыт которых широко использовался для нужд болгарской армии. Они активно выступали с лекциями и беседами в Военном училище, в софийских гимназиях, в военных клубах. Велики заслуги русских иммигрантов в развитии болгарской медицины и медицинского образования. Русские академики и профессора участвовали в создании медицинского факультета Софийского университета, врачи и медицинские сестры работали в русских и болгарских больницах. Больница Русского общества Красного креста получила широкую известность своим высоким уровнем хирургии. Среди русских медиков-преподавателей много имен с европейской известностью: академик Г.Е. Рейн, руководившей кафедрой акушерства и гинекологии и написавший первый болгарский учебник в этой области; профессор В.П. Воробьев — основатель и руководитель кафедры анатомии, издавший анатомический атлас и основавший анатомический музей.

Целый ряд специалистов были заняты в области физиологии, гистологии, биохимии, неврологии, психиатрии, патологоанатомии и т. д.

Довольно многочисленную категорию составляли представители гуманитарных наук, основатели национальных школ в Болгарии. К их ряду принадлежат известные историки (В.А. Мякотин, П.М. Бицилли, Э.Д. Гримм, Н.П. Кондаков) и филологи (М.Г. Попруженко и П. Созонович, Н.С. Трубецкой, К.В. Мочульский и др.). Все они являлись преподавателями Софийского университета.

Часть русских ученых весьма быстро покинули Болгарию, как, к примеру, известный филолог князь Трубецкой; для этих исследователей масштабы страны были явно несовместимыми с их научными амбициями. Они перебирались в Прагу, Париж или же за океан, оставив значительный след в болгарской науке.

В Болгарии существовало и русско-болгарское книгоиздательство, которое публиковало литературу политического, философского, богословского и других направлений, осуществлялся книгообмен с русской эмиграцией. Проживали в Болгарии и многие русские журналисты, издававшие свыше 100 русских газет и журналов.

Среди обосновавшихся в Болгарии русских были и представители изобразительного искусства — художники, сценографы, иллюстраторы, специалисты в области церковной живописи, карикатуристы. Большое значение имело появление Театра русской драмы, Русской оперной группы, чьи контакты с русской эмиграцией в Европе обеспечивали появление на софийских сценах русских исполнителей с мировой известностью. По приглашению Софийского народного театра в Болгарию прибыл Н.О. Массалитинов. Он оказал большое влияние на театральное искусство страны. В настоящее время часть из потомков русских артистов составили ряд известных деятелей болгарской культуры. Это такие личности, как Таня Массалитинова, Ю. Виннер-Ченишева И. Чмыхова, воспитавшие целые поколения болгарских эстрадных исполнителей, и др.

Одной из замечательных личностей, благоговейно почитающихся в Болгарии, является архиепископ Серафим Соболев. Авторитетный богослов и священник русской церкви Святого Николая Чудотворца, он покоится в крипте при этом храме. Еще при жизни архиепископ Серафим стал известен как чудотворец, а в наши дни почитается народом как святой. Его могила — одно из наиболее посещаемых святых мест в Софии. Там всегда много людей, которые оставляют обращенные к отцу Серафиму записки с просьбами в полной уверенности, что они будут выполнены.

Не менее важными являются сохранившиеся в среде болгар воспоминания о контактах с белогвардейцами. Почти все местные жители, кто был знаком с кем-то из представителей иммигрантов

(представителями первого поколения — весьма пожилыми людьми), вспоминают с теплотой своих учителей, соседей, друзей, в ряде случаев оказавших влияние [32] на их профессиональное или личностное становление [33], помогавших решать те или иные проблемы или же, оставивших приятное впечатление своей корректностью, сердечностью, добротой.

Советская волна эмиграции в РНБ

После 1944 г. Болгария коренным образом изменила свое отношение к СССР, что получило отражение в известных клише: «дружба навеки», «братский Советский Союз», «Россия и Болгария — две верные сестры» и т. д. В 1949 г. Болгария вступила в Совет экономической взаимопомощи, а в 1955 г. — в Варшавский договор. Началось усиленное «социалистическое строительство», появились планы и пятилетки, выполнявшиеся под руководством коммунистической партии.

В период 1945–1989 гг. во всех областях жизни Болгарии — социальной, экономической и политической — явным было присутствие «советских товарищей»: на промышленных объектах, в научно-исследовательских институтах, в партийных структурах трудились сотни советских специалистов — участников восстановления страны после войны, содействовавших превращению ее в современное государство советского типа.

Между двумя странами интенсивно осуществлялся обмен специалистами, учащейся молодежью, рабочими. Появились многочисленные смешанные браки и, как следствие, «русские невестки». Правда, термин этот был не совсем точен, поскольку такими «невестками» становились не только русские женщины, но и представительницы многих других этнических общностей многонационального СССР. Следует отметить, что в упомянутом потоке преобладали русские и украинки, они встречаются почти в каждом населенном пункте Болгарии и их сразу же можно распознать по характерному акценту. Как правило — это молодые образованные женщины, преимущественно с высшим или средним образованием. Часть из них быстро приспособились к новой родине, успешно реализуя здесь свои профессиональные амбиции. Среди этих женщин — педагоги и научные работники, часть из них заняла чиновничьи должности в различных учреждениях, влилась в состав руководящих кадров промышленных предприятий, а также в творческий контингент в области искусства и индустрии моды [34].

Помимо неформальной сети личных знакомств, весьма важных в плане адаптации только что прибывших в страну советских невесток, облегчавших им поиск работы, а также организацию досуга,

известную роль в сплочении общности до 1958 г. играли многочисленные действовавшие в стране Русские клубы. Позднее им на смену пришли Дома болгаро-советской дружбы. Деятельность последних отличалась разнообразием (библиотеки, кино, театр, организация встреч с гостями из СССР). Она включала в себя и проведение праздников (Новый год, 7 ноября, 8 марта, 9 мая), организацию разного рода торжеств для советских граждан в Болгарии. В 1975 г. был учрежден Российский культурно-информационный центр с задачей объединения русских в Болгарии.

Несмотря на это, нельзя говорить об общности советских невесток, поскольку не существовало реальных институтов, которые бы их объединяли и отстаивали их интересы. В случае необходимости такие функции брало на себя посольство СССР в Болгарии.

Для «русских невесток» имела значение возможность стать выездными. Помимо чувств к избраннику, в такой закрытой стране, каковым являлся СССР (несмотря на успешную пропаганду о самом высоком там жизненном уровне [35]), «труднодостижимая» жизнь за его пределами вызывала несомненный интерес у советских гражданок. Как правило, браки между болгарами и русскими — следствие «большой любви», зародившейся в результате контактов во время обучения в советских вузах, работы на предприятиях, пребывания на экскурсиях и в командировках в страны Восточного блока. Свою роль в таком плане могла сыграть и случайность (к примеру, незапланированная беременность), нестабильный социальный статус («Я была одинокой, с внебрачным ребенком. А болгары всегда стремились найти себе женщину, которая бы вела их хозяйство, пока они работали в Союзе. Так все и произошло, как бы в шутку. Для моего мужа это был второй брак, а его первая жена нанесла ему глубокую душевную рану»), порой в такие браки вступали женщины весьма зрелого, по меркам 60-х гг. XX в., возраста — старше 27 лет. Судьба смешанных браков была различной.

По известному выражению Л.Н. Толстого, «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастна по-своему». «Счастливые браки», как правило, существовали между людьми с одинаковым, а точнее, с высоким образовательным цензом, сопоставимым культурным уровнем («Мы живем вместе почти 40 лет. Слова плохого никогда друг другу не сказали. Вырастили двоих детей, через что только не прошли! И мы счастливы»).

«Несчастливые браки» — результат контрастов в плане воспитания и культуры, столкновения патриархальности болгарской традиционной культуры с советской эгалитарной моделью брака, а также несходства характеров. Имеет значение и этноцентризм русских невесток, который так или иначе проявляется с их стороны [36].

Известно, что почти до 50-х гг. XX в. в Болгарии преобладала локальная (местная) эндогамия, скорее авторитарный тип семьи, где доминировал супруг, а его обязанности и обязанности супруги четко разграничивались. В СССР в это время сформировалось понятие «советская женщина» — независимая, самостоятельная, образованная и, в ряде случаев, авторитарная, чувствующая себя абсолютной ровней партнеру или даже превосходящей его. Сочетание двух таких составляющих (представлений болгарина о «настоящей» супруге и русской о «семейной жизни») породило ряд противоречий, которые, наряду с другими факторами (численность «невесток», плохая молва о русских туристках, отдыхающих на Черноморском побережье [37], и т. д.), создали некий классический миф, стереотипный образ «русской» в болгарском общественном сознании.

Миф об «ужасной русской». Для большей части болгар (и прежде всего болгарок) «русская» — ленива, не умеет «экономно вести хозяйство», «не может с самоотверженностью болгарки посвятить себя детям», а также почитать мужа и его родителей. Ее отличают нахальство, вспыльчивость, дерзость. К тому же русская — «с разнузданными манерами» [38]. В провинции к перечисленным порокам добавлялось и пьянство [39]. Но самый большой грех «русской невестки» состоял в том, что она «окрутила» болгарского мужчину.

Сложившееся в Болгарии представление о русской женщине значительно разнится от такового, в те же годы бытовавшего на Западе и в США [40]. Там все русские [41] окутаны ореолом романтичности, распространено мнение о загадочности «русской души». На такой подход повлияли женские образы из русской классической литературы, а также живущие на Западе реальные русские женщины, воспринимающиеся там как блистательные и экзотические [42].

Такой миф о «русских невестках» создан по формуле: «женщины о женщинах». Его авторство принадлежит болгарским женщинам — матерям, подругам, соседкам болгарских мужчин, женатых на русских. Он — порождение конфликтов, сопровождающих жизнь смешанных супружеских пар в Болгарии, особенно если она протекает совместно с родителями мужа.

Причины таких конфликтов кроются в самых разных обстоятельствах, как-то: несоблюдение болгарской традиции давать детям имена родителей отца, нежелание супруги посвятить все свое время исключительно дому («Вместо того, чтобы в субботу и воскресенье заняться капитальной уборкой дома, она предпочитает ходить в кино, на прогулки, встречаться с друзьями»); подрыв соответствующего традиционным болгарским представлениям авторитета мужа («Свекор и свекровь пришли к нам в гости на обед. Все прошло за-

мечательно, но когда мы встали из-за стола, муж решил помочь мне помыть посуду, а потом подмести пол на кухне. Свекровь пришла в негодование: „Я не для того растила и учила сына, чтобы он мыл тебе посуду и подметал пол! Что ты думаешь на этот счет?“ Самое забавное состояло в том, что у меня — высшее образование, а у мужа его не было… Свекровь сделала все возможное, чтобы наш брак распался», — поведала мне одна русская женщина); в этом длинном ряду причин уместно вспомнить и неприятие факта, что сыну «не выпало счастье найти себе в жены хорошую болгарку».

Такой миф получил настолько широкое хождение, что в существование «ужасных русских жен» начали верить даже их соотечественницы, которые «лично с ними незнакомы, но знают, что таковые есть».

Любопытно воздействие этого мифа на «русских невесток» в Болгарии. Если у них существует такая возможность (правильный болгарский язык), они стараются не раскрывать своей национальной принадлежности. Одна русская с детских лет жила с родителями в Болгарии. Она поступила на филологический факультет Софийского университета им. Климента Охридского и с грустью рассказывала о том, какое разочарование постигло ее болгарских однокурсников, когда те обнаружили, какой она национальности. «Ты не такая», — утешали они девушку.

Русские женщины, а также живущие в болгаро-русских смешанных браках мужчины [43] в свою очередь составили собственное мнение о болгарах. Они считают тех «дружелюбным народом», но с отличительными чертами. Выглядит это так: большие индивидуалисты, с развитым чувством собственности (в семье всегда звучит: «это мое»), эгоистичные, лишенные понятий солидарности и коллективизма, менее интеллигентные, чем русские, к тому же безответственные — «разгильдяи» (последнее — следствие длительного общения с турками и цыганами), а также «ориентальцы», «янычары» и т. д. Несмотря на довольно критическую характеристику местного населения, даже в случае неудачного брака партнер, как правило, остается жить в стране из-за детей, работы, потому что некуда возвращаться.

Дети. Основная база, на которой строится идентичность детей в смешанных браках, это сохранение русского языка, а отсюда и культурных традиций. Семьи, где основной язык общения русский, составляют меньшинство. Обычно для того, чтобы супруга и дети легче интегрировались в болгарскую среду, в семье говорят на болгарском языке.

В том случае, когда русский являлся основным языком общения в семье, такая ситуация мотивировалась убеждением, что «болгарскому дети так или иначе научатся, но им нужно знать еще один язык».

Нередки случаи, когда супруг-болгарин дома говорит по-болгарски, а супруга по-русски. Несмотря на то, что дети иммигрантов в массе своей посещали существовавшие в Болгарии русские гимназии (наиболее часто ими избиралась специальность филолога-русиста), а многие из них продолжали образование в советских вузах и поддерживали контакты со своими родственниками в СССР, чаще всего они идентифицировали себя как болгары (по образу жизни) и имели болгарское гражданство.

Разумеется, были случаи устойчивой русской идентичности у детей, родившихся от смешанных браков. Они отдавали предпочтение русской культуре, ставя ее в разряд более престижных, Россию воспринимали как великую державу, а советский паспорт — «как более представительный».

Но в большинстве случаев русское происхождение, язык и культура для детей от смешанных браков отступали на второй план и не являлись определяющими при их национальной самоидентификации. Особенно это стало заметным в период позднего социализма, когда статус «советского» оказался непрестижным.

Переход. После перемен, происшедших в Болгарии в 1990 г., там радикально изменились политические, экономические и идеологические ценности и ориентиры. В отличие от «братского Советского Союза» в прежней ситуации, в новой парадигме Россия превращалась в основную виновницу всех болгарских неудач и в первую очередь — бедности страны, которая «без советского произвола могла бы стать такой, как Швейцария или хотя бы как Финляндия» [44]. Вторая родина больше не выглядела столь гостеприимной и привлекательной для «советских невесток», часть которых приняли болгарское гражданство для того, чтобы чувствовать себя более уверенно в изменившейся обстановке.

Однако под влиянием трудностей и длительности перехода к новой системе ценностей и реальностей существования на смену антисоветизму в болгарском обществе, где большая часть людей утрачивала социальные привилегии, предоставлявшиеся в условиях социализма, пришла ностальгия по спокойным и беззаботным его временам, когда отсутствовали инфляция, безработица, платные образование и медицинское обслуживание.

Более чем десятилетнее дистанцирование от русской культуры также привело к востребованности информации и возобновлению контактов со страной, близкой в историческом и культурном плане. Эта перемена стимулировала признание русской (украинской и т. д.) идентичности не только в среде «русских невесток», но и детей, рожденных в смешанных браках.

Общеизвестно, что идентичность — это определение постоянного процесса отождествления и разграничения на основе конкретных этнических или национальных (государственных) границ. Отсюда, соответственно, проистекает этническая или национальная идентичность. Этнические границы [45] распределяют индивидуумов между общностями на основе бесконечного множества различного рода признаков (этот диапазон обозначен вехами: от языка до характера пищи, одежды, обрядов и т. д.), в преломлении через призму оценивающей культуры.

Нации разделены и следующими из этого политическими, идеологическими, экономическими и прочими границами, которые, как правило, игнорируют границы этнические. Отождествление с нацией — отождествление с некоей «воображаемой общностью» [46]. Это осуществляется с помощью образования, которое культивирует в сознании основные национальные опоры (от национальных символов — до литературного языка, национальной истории и т. д.), что формирует чувство единства с определенным национальным государством. Именно поэтому образование играет базисную роль в национализме отдельного индивидуума. Эти этнические и национальные границы должен преодолеть в силу тех или иных причин покинувший родину иммигрант. По сути, речь идет о фундаментальном переходе от одной этнической общности к другой и от одной национальной системы к другой. Каждая из таких систем наполнена вызовом на границе — языковой, культурной, экономической, социальной. А. Ван Женеп [47] очертил основные этапы перехода, говоря о социализирующих обрядах (обрядах перехода). По его мнению, индивидуум преодолевает три основных этапа — сепаратизм (отделение от предыдущей общности), маргинализацию (на границе между двумя мирами и двумя общностями — прежней и новой) и, наконец, агрегацию (принятие нового социального статуса и приобщение к новой группе). Жизнь человека вне родины, без сомнения, долгий социализирующий процесс [48], нацеленный на приобретение новой национальной идентичности (в редких случаях и новой этничности). Процесс этот далеко не исчерпывается формальным получением права на постоянное жительство или нового гражданства.

Он был характерен для первого поколения эмигрантов [49], которые до конца жизни оставались в маргинальной фазе — *все еще чуждыми* новой общности и в силу разных причин (идеологических и политических [50] — для белогвардейцев, национальных, патриотических, культурных — для «русских невесток» [51] и т. д.) *уже чуждыми* прежней общности. Вокруг них часто «витала» идеологема предательства [52]. Это поколение, навсегда застывшее на перекрестке,

оказавшееся в плену у ностальгии, но не имевшее сил вернуться, распятое между прошлым и настоящим…

Их идентичность *маргинальна*, она закрепилась на границе, которая никогда не размывалась: «у нас в Болгарии» — «у нас в России». Их выбор той или иной родины зависел от определенных ситуационных рамок. Если болгарин критиковал Россию (или СССР), эмигрант зубами и ногтями отстаивал достоинство своего Отечества. Та же ситуация повторялась, если русские друзья позволяли себе иронию в отношении «солнечной Болгарии». Сердце русского трепетало, когда в Болгарии слышалась русская речь, равно как и у болгарина при звуках болгарской музыки по радио в России.

В условиях дестабилизации и отъезда в третью страну, что сделали многие болгарские русские и их потомки, реэмигрируя на Запад в «переходный» период, их идентичность вновь претерпевала изменения. Сохранивший свое советское гражданство в годы социализма русский, который в начале 80-х гг. твердил, что навсегда таковым останется, и категорически не желавший, чтобы его воспринимали как болгарина, в начале переходного периода изменил свою позицию под влиянием политической конъюнктуры. Он отказался от советского гражданства в пользу болгарского. Вынужденный в конце 90-х гг. уехать из Болгарии в США русский подчеркивал свое происхождение, которое для местного населения было значительно более престижным, чем болгарское. И начинался новый переход — это был путь к американскому обществу и американскому паспорту…

Таким образом, время и пространство, политическая и экономическая ситуация, национальная конъюнктура, настрой общества определяли мобильность.

Ситуация сегодня

Прослеживание «белогвардейской» идентичности у последующих поколений весьма любопытно в перспективе истекших семидесяти лет. Если, к примеру, часть детей и внуков белогвардейцев (в ряде случаев до третьего поколения придерживающихся эндогамии в рамках общности) эмоционально излагают историю гражданской войны или столь же эмоционально рассказывают о судьбе своих прадедов, то другая их часть — весьма лаконичны.

Вот несколько симптоматичных примеров, почерпнутых у внуков белогвардейцев, людей приблизительно одного возраста (около 45 лет) и схожей профессиональной реализации (научные работники). «*Мой дед* [53] *был человеком исключительной эрудиции — владел русским, немецким, французским, латынью. Он интересовался всем: историей, политикой... В 1944 г. дед отправился на лечение в Вену, куда вошли советские войска. Деда депортировали в СССР, где его*

без суда и следствия отправили в лагерь. Он остался жить благодаря способности рисовать плакаты. Освободился дед в 1956 г. Вернулся в Болгарию <...>. Он так и не примирился с советской системой, поддерживал связь с эмигрантским Народным трудовым союзом во Франции. В 1973 г. к нему в дом в 5 часов утра внезапно нагрянула с обыском государственная безопасность. Были конфискованы все книги и газеты. В 1974 г. деда арестовали и отправили в Старозагорскую тюрьму. Он получил три года „за распространение утверждений, направленных против государственного и общественного строя НРБ и СССР, а также за ввоз из-за границы литературы антисоветского и антисоциалистического содержания". Он читал А.И. Солженицина, С.И. Аллилуеву, М. Джилласа, Н.А. Бердяева, А.Д. Сахарова и др. Умер дед в 1975 г. в больнице г. Ловеча...» [54].

Сложно делать выводы о причинах подобных отличий в характере воспоминаний, а также столь неодинакового подхода к вопросу о самоопределении потомков белогвардейцев в Болгарии. Похоже, что основой этих отличий является различие в степени национализма, присущего конкретным группам русских эмигрантов. В данном случае играл свою роль и страх перед репатриацией и репрессиями, обрушившимися на первое поколение. Именно поэтому представители этого поколения избегали подчеркивать свое происхождение, дабы оградить себя и собственных детей от клейма «белогвардейцев».

Приведенный первый пример дает представление о русских интеллигентах, сумевших сохранить русскую культуру и традиции в своих семьях до третьего поколения с помощью средств этнической эндогамии и культурной преемственности. Это достигалось благодаря совместному проживанию поколений, контактам с русской белоэмиграцией, обосновавшейся в странах Запада, и, конечно же, в первую очередь «сильному русскому духу».

После 1989 г. наступили любопытные перемены. В 1993 г. создается Общество русских белоэмигрантов, которое основало газету «Белая волна». Восстановлен ряд белогвардейских организаций: Союз русских инвалидов, Общество «Русский камерный театр», Русское дворянское собрание и т. д.

В изменившейся обстановке и у прибывших в свое время из СССР людей появилась необходимость в собственных организациях. В 2000 г., по примеру возрожденного после 1990 г. Русского клуба в Софии, в Пловдиве учреждается Союз соотечественников — федерация, координирующая деятельность Русских обществ в Болгарии. Такие веяния явились следствием принятия в России в 2000 г. закона о новой государственной политике в отношении соотечественников за границей. Пловдивская организация начала издавать газету «Русское слово». Ее основной целью стало сохранение русского язы-

ка и пропаганда русской культуры, равно как и поддержание связей русских граждан со своей родиной.

Русские, проживающие в Болгарии в настоящее время, оказались перед новой перспективой и новыми возможностями для идентификации без опасений и враждебности, сопровождавших этот процесс в прошлом. Они составляют третье по численности этническое меньшинство в стране, наравне с болгарами поставленное перед вызовом нового тысячелетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Анастасова Е.* Некрасовците в България — мит, идентичност. София, 1998.

2 См.: www.nsi.bg

3 В Российской Федерации двойное гражданство не допускается.

4 *Марков Г. и др.* Бялата емiграция в България. Материалы от научна конференция. 23–24 септември 1999. София, 2001. С. 441.

5 Полевые исследования включили в себя методы личных опросов (свыше 60), анкетирование (30), свободную беседу с различными по возрасту, социальному и профессиональному статусу респондентами; сюда же подключены данные официальных учреждений (как самих общностей, так и болгарских и русских организаций, имеющих отношение к предмету настоящего исследования) и т. д.

6 Эти данные приводит МИД СССР за 1989 г. И хотя есть все основания предполагать, что после 1990 г. русский эмиграционный поток значительно возрос, статистика этого не подтверждает. Основная эмиграция за пределы бывшего СССР это — преимущественно греки, евреи и немцы (*Pilkington H.* Migration, Displacement and Identity in Post-Soviet Russia. London, 1998. P. 11–12).

7 В 1922 г. образован СССР, где доминантой стала РСФСР. Дипломатические отношения между СССР и Болгарией были установлены в 1934 г.

8 Белый цвет воспринимался как цвет порядка, лояльности и законности в противовес красному — как символу революционности. Существует и другая версия. Она изложена Георгием Венгелевским, потомком русских белоэмигрантов: «Хочу рассказать Вам, откуда это пошло — термин „белоэмиграция“. Такое мнение сложилось не на основе специальных исследований, а в результате расспросов, бесед со старшим поколением — с нашими родителями, а также с представителями эмиграции, которая проживает сейчас за границей. Истоки этого идут от первого похода Корнилова <…>. Любимой мелодией части, первой восставшей против Октябрьской революции, был романс „Белой акации гроздья душистые“. Вообще офицеры этой части имели серьезное музыкальное образование и в их среде романс пользовался особой популярностью. Так постепенно он превратился в символ и именно оттуда пошло, что белый цвет стал противовесом красного, избранного еще

Великой Французской революцией» (*Марков Г. и др.* Бялата еміграция в България… С. 445).

9 Эти яркие картинки — фрагменты сочинения 21-летнего ученика Шуменской гимназии (*Петрушева Л.И.* Дети русской эмиграции. М., 1997. С. 360–363). В 1925 г. дети русских иммигрантов — учащиеся Русской гимназии Шумена писали сочинение на тему: «Мои воспоминания (о жизни) до поступления в Шуменскую гимназию». (Подробнее об инициативе русских школ за границей, предпринятой в Чехословакии, см.: *Петрушева Л.И.* Указ. соч. С. 5–20; *Шамрай Т.* Към въпроса за текста, дискурса, идеологемата. Дети русской эмиграции, книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 227–231; *Марков Г.* Указ. соч. С. 227–231).

10 *Петрушева Л.И.* Указ. соч. С. 334.

11 Не сумевшие бежать из Крыма белогвардейцы, как и многие другие, были расстреляны.

12 См.: *Кьосева Цв.* Руската емиграция в България. София, 2002.

13 Речь идет о Лиге Наций, Красном Кресте, Комитете Нансена. В Болгарии, помимо филиалов международных организаций, появлялись и специфические национальные благотворительные организации — Болгарский Славянский комитет, Русско-болгарский благотворительный комитет и др.

14 «Белогвардейцы» расселились в 54 населенных пунктах Болгарии. Литература о русской иммиграции в Болгарии значительна. См.: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. София, 1997; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България (1919–1923). София, 1999; *Кьосева Цв.* Руската емиграция в България. София, 2002.

15 *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България… С. 84–91.

16 По мнению Цв. Кьосевой, в жизни «белой иммиграции» в Болгарии можно выделить несколько основных периодов: 1) 1919–1923 гг. — прибытие и первоначальная адаптация; 2) 1923–1934 гг. — «золотой век» русской иммиграции в Болгарии, когда она пользовалась покровительством и помощью со стороны приютившего ее государства. Эти годы для русской общности отмечены расцветом ее общественной и культурной жизни, подъемом в образовательной и институционной сферах; 3) 1934–1944 гг. прошли под влиянием на ее деятельность Советского посольства, закрытием «вопроса о беженцах» (1938 г.), нападением на СССР гитлеровской Германии, т. е. это период сильной ее политизации: 4) 1944–1957 гг. — репрессии и репатриация, закрытие белогвардейских организаций и конфискация имущества иммигрантских институтов (*Кьосева Цв.* Указ. соч.).

17 *Boym Sv.* The Future of Nastalgia. New York, 2001.

18 Ibidem.

19 Обстановка в Болгарии в период правления однопартийных кабинетов во главе с А. Стамболийским (1920–1923 гг.) отличалась сложностью. Страна оказалась под действием статей Нейского мирного договора 1919 г. Эти правительства подвергались давлению как со стороны правых («Народный сговор», «Военный союз» и т. д.), так и со стороны

левых (коммунисты, ВМРО). Достаточно сильная вооруженная армия, в идейном отношении — естественный союзник правых, стала поводом для ожесточенных парламентских дебатов. БКП выдвинула лозунг: «Врангелевцы, вон из Болгарии!». Коммунисты настаивали на существовании антиправительственного заговора и трактовали врангелевские части как угрозу национальному суверенитету. В итоге эта часть иммиграции (в количестве 8 тыс. чел., по другим данным 11 тыс. чел. — *Кьосева Цв.* Указ. соч. С. 529), разделенная на небольшие группы, в 1923 г. подверглась репатриации в СССР. Вследствие этого в Болгарии осталось около 27 тыс. чел. Подробнее о русской белогвардейской военной иммиграции см.: *Спасов Л.* Указ. соч.

20 В 1921 г. ВЦИК принимает постановление об амнистии «рабочих и крестьян, обманным путем привлеченных в белую армию». (Подход к высшему офицерскому составу был персональным.) В 1922 г. в Болгарии появляются различные просоветские организации: Совнарод (Союз возвращения на Родину), Советский и Украинский Красный крест, Русская коммунистическая группа, ассоциированная при БКП, Общеказацкий крестьянский союз. Все они при активной поддержке Советской миссии (Красного креста) в Болгарии пропагандировали идею репатриации и содействовали ее воплощению в жизнь.

21 См.: *Boym Sv.* The Future of Nastalgia.

22 «Наша встреча произошла в 60-х годах. Он был уже слеп, передвигался с помощью своей супруги. Старики поведали мне о том, что побывали в СССР, но „не узнали свое отечество“. Не смогли привыкнуть и вернулись», — рассказывал 80-летний пенсионер, сделавший блестящую карьеру в области технических наук. По его мнению, он достиг этого в значительной степени благодаря отличным преподавателям — русским, работавшим в Габровской школе.

23 *Van Gennep A.* Les rites de passage. Paris, 1909.

24 Подробнее о русских институтах в Болгарии см.: *Кьосева Цв.* Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София, 1999. С. 45–70.

25 «Отношение со стороны болгар было весьма враждебным <…>. Мой отец отгораживался от всего болгарского. Существовал круг из числа своих людей — русских интеллигентов (Бицилли), сюда входили и некоторые болгарские профессора (Милев, Дуйчев), но они никогда не приглашались в гости. Дома бывали лишь русские <…>. У нас говорили только по-русски, но при этом! изучали западные языки. Говорить по-болгарски считалось дурным тоном», — рассказывала дочь русского белогвардейца и болгарки, в настоящее время — высококвалифицированный научный работник в возрасте около 50 лет.

26 Несмотря на то, что эта группа без труда адаптировалась к различным западным обществам, как правило, в исследованиях и своем творчестве она оставалась глубоко русской по духу, проникнутой проблемами России и русской культуры (см., к примеру, «евразийские» труды князя Трубецкого).

27 По мнению Д. Даскалова, центральное место среди националистических организаций принадлежало «Национальному союзу нового поколения», нацеленному на формирование чувства национального самосознания в молодежной среде интеллигентской части эмиграции, которая выросла за пределами страны. Ее задачей должна была стать борьба за национальную антибольшевистскую революцию. Эта организация избрала своим девизом: «Родина, православие, народ». Позднее она выродилась в формирование фашистского толка и стала на сторону гитлеровской Германии. Также националистической, но иного характера была менее многочисленная (около 80 членов) организация «Молодая Россия» (младороссы), проявлявшая большую лояльность к советской власти, несмотря на свои промонархические настроения. Девизом младороссов было: «ни красные, ни белые, но русские…» (*Даскалов.* Указ. соч. С. 84–91). В Болгарии это движение не получило особого развития, но после вторжения Гитлера в СССР младороссы, проживавшие в Югославии, поставив патриотизм выше политики, влились в ряды Красной армии.

28 Один из наиболее известных случаев — самоубийство легендарного начальника софийской пожарной команды Ю. Захарчука при распространении известия о переправе советских войск через Дунай.

29 См. подробнее: *Рошковска.* Аз, другарката с полското име. София, 2003.

30 Уехали 5 тыс. чел. — 90% советских граждан, проживавших в Болгарии (*Кьосева Цв.* Руската емиграция в България… С. 534).

31 Там же. С. 534–535.

32 Интересным представляется следующий пример влияния русских иммигрантов на болгарское население. Моя коллега и приятельница часто в дружеском общении употребляла типично русские выражения. Поначалу я предположила, что она принадлежит к потомкам белогвардейских иммигрантов. Но оказалось, что коллега в детстве общалась с детьми из русской белоиммигрантской семьи. Эта семья оказала на нее настолько сильное влияние, что отразилось даже на ее речи.

33 Вот воспоминания 80-летней жительницы села Мырчаево: «Я поступила в прислуги в дом священника Русской церкви в с. Княжево. Это был чудесный человек! И он, и его жена… Я хотела постричься в монахини. Но когда мне исполнилось 17 лет, один из моих односельчан предложил стать его женой. Я обратилась за советом к батюшке, у которого служила, рассказала ему о том, что не хочу замуж, а мечтаю посвятить себя служению Богу. Батюшка мне ответил: „Думаю, что Господь определил тебе другую судьбу: быть среди мирян, иметь детей, семью“. Я послушалась его. И он оказался прав. Я и сейчас посещаю храм каждое воскресенье, да и в другие дни, когда могу. Через этих людей ко мне пришла такая любовь к Богу».

34 Очень часто «русские невестки» в Болгарии приобретали более высокий социальный статус, нежели у себя на родине. Однако есть примеры и обратного — его понижения.

35 Любопытным примером «прекрасной жизни в СССР» является один из анекдотов периода хрущевской «оттепели»: Никита Сергеевич на-

правляется в детский сад. Там все подготовлено: дети читают стихи о том, как хорошо живется в СССР, поют песни о счастливом детстве в своей стране и т. д. Растроганный Хрущев отбывает. У двери он сталкивается с горько рыдающим маленьким мальчиком. «Что случилось, почему ты плачешь?» — спрашивает Никита Сергеевич. Малыш всхлипывает: «Хочу в Советский Союз!». Не менее пикантны истории, повествующие о «культурном шоке», который испытывали советские люди, побывавшие в разных странах социалистического лагеря — Польше, Чехословакии, Германии. Одна из русских, проживавшая в Латвии, рассказывала: «Я была студенткой МГУ. После первого курса нас повезли в Польшу. Мне не хотелось возвращаться из поездки, а ведь я всегда думала, что в СССР люди живут лучше, чем все остальные».

36 Об особенностях русского национального характера (при всей критичности отношения к подобным обобщениям) см.: *Ранкур-Лаферьер Д.* Россия и русские глазами американского психоаналитика. М., 2003.

37 Такая же репутация у полек, немок, шведок и др., проводивших свой досуг на море. Похоже, что скорее речь идет о специфическом современном «мужском» фольклоре, возвеличивающем мужественность болгарина, а вовсе не о типичной ситуации. Обращает на себя внимание факт, что среди респонденток, дававших интервью в рамках этого проекта, встретилась лишь одна пара, чье знакомство состоялось во время отдыха на Черноморском побережье, и впоследствии оно завершилось браком.

38 Такого рода определения чаще всего встречаются в разговорах болгарок о русских женщинах. Приведенные здесь примеры — это обобщения на основе многолетних наблюдений, а также десяти интервью, взятых в рамках осуществления проекта. Пять респонденток — с высшим образованием; остальные пять — со средним и специальным.

39 На этот факт обратила внимание российская исследовательница, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Е.С. Узенева, за что автор выражает ей свою благодарность.

40 После распада Советского Союза интерес к русским женщинам значительно возрос. По оценке американских Интернет-объявлений с брачными предложениями, именно они — истинные выразительницы семейных ценностей, скромные и самоотверженные хозяйки, гораздо больше ценящие домашний уют, нежели американки и европейки.

41 Эти представления существовали параллельно с образом СССР как угрозы миру. В СССР оценки Запада и США были идентичными.

42 Естественно, их численность гораздо меньше, чем численность «советских невесток» в Болгарии.

43 Браков подобного рода значительно меньше. Такой факт можно объяснить большим числом болгарских мужчин, работавших на различных объектах в СССР. К тому же болгарские мужчины при выборе второй половины более независимы от своей семьи, нежели болгарские женщины. Преобладающими отзывами о болгарской супруге (даже если

они исходят от бывшего спутника жизни), как правило, весьма положительны. Они приблизительно таковы: трудолюбивая, чистоплотная, амбициозная, заботливая и т. д.

44 В данном случае, помимо официальных проявлений, присутствовала весьма любопытная глубокая убежденность многих болгар, восходящая еще ко времени социализма, что «Россия живет за счет Болгарии», а в качестве примера этого чаще всего вспоминались «закупки болгарских помидоров и винограда». В сущности, крах социализма как экономической и политической системы в массовом сознании отождествлялся с «русским и русскими».

45 *Barth Fr.* Ethnic Groups and Boudaries. Oslo, 1969.

46 *Андерсен Б.* Некрасовците в България — мит, история, идентичност. София, 1998.

47 *Van Gennep A.* Les rites de passage. Paris, 1909.

48 Процесс этот характеризуется шкалой адаптация — интеграция (или реакция).

49 Применительно ко второму и последующим поколениям можно говорить о транснациональной идентичности и транснациональном этницизме (Gossiaux 1996), когда потомки первых иммигрантов ощущали себя гражданами новой страны, но иного этнического происхождения.

50 По советской концепции «Белая армия — армия предателей и реакционеров.

51 Почти все интервьюировавшиеся «советские» и русские говорили о том, что в посольстве СССР в Болгарии на них смотрят неприязненно, «как на предателей»; одновременно эти люди ощущали «отчужденность» со стороны самых близких на родине (в СССР). К примеру, влияние болгарского языка и культуры на них были столь сильны (близкие языки способствуют интерференции), что менялся родной язык иммигранта, который уже не говорил «на настоящем русском», используя в своей речи болгарскую фразеологию и синтаксические обороты и т. д.

52 Представление о беженцах сложилось на основании материалов о военных событиях в Югославии. См.: *Госио Ж.-Ф.* Етноними и «имена на птици». Власите и други примера // *Сантова М., Станоева И.* Северозападна България: Общности, традиции, идентичност. София, 2002. С. 57–59.

53 Речь идет об известном диссиденте Феодосии Беляковском.

54 Е.С. родилась в 1958 г. Получила высшее образование. Внучка белоэмигранта. Записано Екатериной Анастасовой 10.10.2002 г. в Софии.

Перевод с болгарского Т.Ф. Маковецкой

В.И. Косик

Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920–1950-х гг.

О русской эмиграции в Болгарии, где нашли свой второй дом тысячи русских беженцев [1], написаны несколько книг, сотни статей, очерков, заметок. Десятки трудов посвящены Н.Н. Глубоковскому, Н.О. Массалитинову, П.М. Бицилли. Среди авторов доминируют болгарские исследователи. Из новейших работ можно назвать книгу «Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г.» (София, 2000) с объемной вводной статьей Лизбет Любеновой и Ганки Рупчевой «Извороведски и историографски проблеми на бялата емиграция в България», а также монографию «Руската емиграция в България» (София, 2002) Цветаны Кьосевой, автора многочисленных трудов по этой проблематике. Среди отечественных историков, давно работающих в этой области, заметны труды А.Н. Горяинова, посвятившего многие свои страницы вопросам культурной жизни русской эмиграции в Болгарии. Интереснейшие воспоминания написал И.Г. Тинин «Бытие. Исход. Второзаконие» (Волгоград, 2001).

Поэт, укрывшийся под сочетанием «Цкий», писал:

Об заклад готов я биться
На волос последних клок,
Что болгарская столица —
Это русский уголок [2].

Русские стремились, как и везде, устроиться по-своему — со своими магазинами, лавками, ресторанами, библиотеками и всем прочим, что могло бы напомнить Россию. В сфере «газетно-журнальной» господствовала София. У любителей новостей, прогнозов, обзоров, фельетонов, чужих мыслей и иной информационной мешанины был большой выбор: «Бюллетень» (издание Российского Общевоинского Союза — РОВС); «Вестник общества галлиполийцев», «Вольный Дон», «Галлиполийский бюллетень», «За Россию», «За рубежом» (орган галлиполийцев), «Зарубежный клич» и многие другие издания [3].

Были и свои издательства: «Златолира», «Русская трудовая артель», «Русская библиотека», «Балканский журнал», «Зарницы» и др. [4].

Писатели, поэты и философы размышляли на тему связи географии с историей и в большинстве своем, быстро поняв, что Прага или Париж лучше Софии, стремились ее покинуть, как только им предоставлялась такая возможность. Тяжелым преподавательским трудом зарабатывал себе на жизнь лауреат Пушкинской премии РАН писатель, поэт и переводчик Александр Федоров. Ему принадлежит публикация замечательного сборника «Антология болгарской поэзии». Предисловие к этой книге написал болгарский писатель Ст. Чилингаров, по мнению которого перевод Федорова «один из наилучших, когда бы и на какой бы язык он ни делался». А. Федорову, своему другу, высоко ценившему культуру Болгарии, Ст. Чилингаров посвятил свое стихотворение «Псалом» и роман «Хлеб наш насущный». Федоров неоднократно ездил по Болгарии с курсом лекций о России и ее литературе. Часто его в этих поездках сопровождал Евгений Чириков, их шутливо-уважительно называли Кириллом и Мефодием. Сам русский поэт часто публиковался в болгарской прессе (в переводах Чилингарова): здесь и стихи о Болгарии, и очерки о ее монастырях, о деятелях болгарского искусства, в частности о скульпторе Андрее Николове. А. Федоров единогласно был избран председателем Союза русских писателей и журналистов [5]. Выпускница знаменитой Елизаветинской гимназии в Москве (ныне не менее известная школа № 330) Л.Н. Столица (1884–1934 гг.) воспевала языческую Русь. Был и свой «Хлестаков». В этом обличье, если верить корреспонденции в «Руси», выступил в г. Видине некий Мазуркевич, представлявшийся «академиком» и «поэтом» и требовавший лучший номер в гостинице. Он рекомендовался и членом-корреспондентом РАН на том основании, что «пересылает в академию тифлисские газеты»! [6].

К услугам любящих «источник знаний» — книгу действовали, среди прочих, книжный магазин «Печатное дело» [7], книжный склад «Зарница», Французский книжный магазин «Наука и литература», библиотека при Русском доме. Купить нужные газеты можно было у букиниста Манько близ русского посольства. Там же шла покупка и продажа старых и новых книг [8]. Работали библиотеки: при Обществе галлиполийцев, Русской гимназии, Союзе русских студентов [9].

В Варне, портовом городе, где обосновалось много беженцев, действовало «Деловое бюро», торговавшее книгами и одновременно устроившее у себя библиотеку [10].

Родина была далеко, слезами ее нельзя было вернуть. Надо было стараться жить и обживать Болгарию, нуждавшуюся в квалифицированных кадрах.

Первая гимназия была создана одесскими педагогами 23 апреля 1923 г. в Варне, через которую шел основной поток беженцев. 17 июня

того же года русско-болгарский благотворительный комитет открыл гимназию в Софии [11]. К середине 1920-х гг., кроме столичной, насчитывалось еще четыре: варненская, шуменская, галлиполийская, пещерская (последняя, по имени школьной иконы, носила название Крестовоздвиженской). К этому времени близ Тырнова была создана сельскохозяйственная школа-колония, для которой власти отвели расположенные по соседству заброшенные здания Копиловского и Плаковского монастырей и 110 гектаров земли. К 1922 г. в ней учились дети, главным образом, донских и кубанских казаков, а также калмыки. Но количество будущих земледельцев постоянно сокращалось: если в начале 1924 г. в ней обучалось 112 человек, то в 1930 г. там жило всего 20 воспитанников [12].

Естественное сокращение учеников коснулось и гимназий. Однако к началу 1930-х гг., вследствие нехватки средств и упомянутого процесса «убыли», осталась одна — софийская святителя Николая Мирликийского. Туда перевели учащихся из провинциальных гимназий после открытия девичьего интерната [13]. До 1925 г. гимназия помещалась в здании 2-й софийской мужской гимназии. Утром в ней учились болгары, а с 14 часов — русские. В 1925/26 учебном году гимназисты учились в помещении болгарской четырехклассной прогимназии, а в следующем году в прекрасном здании училища «Васил Априлов» [14].

Огромное значение придавалось преподаванию Закона Божьего. По этому предмету, который вел протопресвитер Георгий Шавельский в русской софийской гимназии, «нельзя было получить отметку ниже «пятерки». При «четверке» шла проработка в присутствии классного наставника… При «тройке» вызывались родители, и разговор уже шел с намеком: а не вероотступники ли сами родители. При «двойке» разговоров не было: ставили вопрос о твоем исключении из гимназии, и долго потом приходилось упрашивать педсовет, чтобы тебя оставили хотя бы на второй год» [15]. 19 декабря гимназия праздновала день своего покровителя святителя Николая Мирликийского. Торжественный вечер открывался гимном гимназии: слова учителя словесности Нилова, музыка учителя пения болгарина Динева.

Судьба и братское влеченье
В страну нас эту привели.
В ней обретаем мы ученье,
Храня завет родной земли.
Невзгоды, тяжкие страданья
Пройдут добром и красотой.
Окрепнувши под стягом знанья,
Творить вернемся мы домой.

В России помнить будем вечно
Тот край, где молодость прошла,
Где мы поверили сердечно
В бессилье тьмы, непрочность зла.
Там берегутся талисманы,
Там святы юные года,
Там Плевен, Шипка и Балканы
В нас не померкнут никогда [16].

(Небольшое добавление. В Болгарии до 1944 г. насчитывалось 440 памятников русским солдатам, отдавшим свои жизни освобождению Болгарии в войне 1877–1878 гг. После прихода советских войск начался демонтаж монументов, но многие все же были сохранены: то ли денег не хватило, как пишет И.Г. Тинин, то ли «болгары оказались более мудрыми» [17].)

В старших классах историю преподавал одессит В.А. Жуковский. Практикуемая им система штрафов за плохие оценки или отказ отвечать позволяла накапливать некоторые суммы, которые шли на оплату учебы бедных учеников [18]. Латыни учил директор гимназии А.П. Стефанов, требовавший безукоризненного знания от своих часто великовозрастных учеников. С одним из них связан курьезный случай, когда, получив двойку, бывший офицер, возвращаясь на место, громко сказал: «С красными сражался, под обстрелом был, так двойкой меня не испугаешь!» [19]. Рисование преподавал Глинский, потомок княжеского рода. Был известен и тем, что писал картины в стиле Ивана Билибина, оформлял оперные спектакли, в частности «Садко», «Борис Годунов» [20].

Некоторые отдавали детей во французскую школу при ордене кармелиток, в немецкую школу, в частный лицей В.П. Кузьминой. Правда, уровень знаний у таких выпускников был весьма невысок, и тем, кто хотел поступать в Софийский университет, приходилось часто доучиваться в русской софийской гимназии, брать репетиторов [21] из числа тех же учителей.

Всего к середине 1920-х гг. в Болгарии насчитывалось 224 педагога, из которых 99 преподавали в болгарских учебных заведениях. Учащие детей болгар получали наравне со своими болгарскими коллегами «за 18 недельных уроков до 32 долларов (4500 левов), сумму вполне обеспечивающую жизнь семьи в 2–3 человека» [22].

Вот «картинка» из жизни обычного русского учителя.

Ф.Г. Александров (год рождения неизвестен — скончался не ранее 1964 г.), языковед. В 1913 г. оставлен при Новороссийском университете для подготовки к профессорскому званию при кафедре сравнительного языкознания, хранитель историко-филологического кабинета. Читал лекции по истории фонетики латыни на педаго-

гических курсах в Одессе. После высылки в 1922 г. осел в Софии. Преподавал латынь в болгарских и русских гимназиях и в духовной семинарии, затем — русский язык в софийских школах [23]. 17 декабря 1926 г. он писал А.В. Флоровскому: «О себе сообщаю следующее. Обратился (может быть, навсегда) в преподавателя латинского языка средней школы. Преподаю в трех учебных заведениях и потому занят до крайности. Весь день разбит совершенно: утром — в болг[арскую] гимназию, после обеда — опять в болг[арскую] гимназию (II смена), после чего — в русскую; кроме того, два раза в неделю — в семинарию»; «...Ни о каком продолжении научной работы... не может быть и речи»; «Могу еще сообщить о себе, что имел дерзость участвовать в конкурсе на должность лектора русского языка в университете и провалился, ибо победила национальная кандидатура» [24].

Любопытно, что у «отверженного» были в 1936 г. на родине опубликованы его переводы од Квинта Горация Флакка, изданные в Полном собрании сочинений под ред. Ф.А. Петровского. Что же относится к его мечте — работе в Софийском университете, то она осуществилась в 1953 г., когда он получил возможность вести там практические занятия со студентами-русистами, стал одним из авторов учебников по грамматике русского языка для средней школы [25].

Если гимназисты учились, то взрослые зачастую переучивались. Для них, как и почти везде, организовывались разнообразные курсы для получения профессии, дающей заработок. Так, с 1921 г. действовали «Подготовительные инженерные курсы» — дорожно-строительное отделение и архитектуры, электротехническое, механическое. Выпускники получали диплом техников» [26].

Русские получали высшее образование в основанном в 1921 г. Высшем торговом училище в Варне, где преподавали О.Н. Андерсон, Ф.К. Бельмер, Н.В. Долинский, Ю.К. Рапопорт, А.Г. Стоянов [27], в основанной в 1924 г. в Софии Высшей кооперативной школе, где читал лекции С.С. Демосфенов [28], в Высшем экономическом институте в Свиштове, в Балканском ближневосточном университете, переименованном позднее в Свободный университет. В нем за четыре года готовили специалистов по экономике и праву, самым доходным и востребованным специальностям. Поступали туда, в отличие от Софийского университета, без конкурса, учились по вечерам, что давало возможность совмещать работу с обучением, что было особенно удобно для русских среднего возраста [29].

Но «гнездом» русского студенчества был, конечно, Софийский университет, имевший квоту для русских. Так, на медицинский факультет ежегодно принимали 100 болгар и 10 русских с нансеновскими паспортами. На химический — 22 болгарина и 2 русских. Принявшие болгарское подданство поступали на общих основаниях, т. е. нарав-

не с болгарской молодежью [30]. Русская молодежь преимущественно училась на агрономическом и медицинском факультетах [31]. С 1924 г. по 1946 г. медицинский факультет окончили 100 уроженцев России [32]. У русских особенно был популярен филологический факультет. Его выпускники-русисты, особенно с болгарскими паспортами, не имели проблем с трудоустройством, преподавая в школах русский язык.

Из русских студентов этого факультета надо упомянуть имя слависта Н.М. Дылевского, выпускника Крестовоздвиженской гимназии в г. Пещера. С 1928 г. он стал одним из двух русских правительственных стипендиатов, которые должны были в будущем трудиться над развитием болгаро-русских связей. После окончания университета он учительствовал три года в Неврокопе (Гоце Делчев), где преподавал болгарский язык и литературу. В 1934 г. начался отсчет его преподавательской и научной деятельности в alma mater. В 1946 г. Дылевский стал одним из инициаторов создания специальности «русская филология» и, соответственно, кафедры русского языка. С 1951 по 1972 г. он возглавлял эту кафедру. В 1955 г. избран профессором по исторической грамматике русского языка. С 1934 по 1984 г. преподавал русский язык на богословском факультете в университете, а также в Духовной академии. Его студенты стали основателями кафедр русского языка во многих высших учебных заведениях Болгарии — Пловдиве, Велико Тырнове, Шумене, Благоевграде. Он дуайен не только болгаристики, русистики, славистики, но и всей русской эмиграции в Болгарии [33].

Были у русских и планы создания своей высшей школы, но дело застопорилось в связи с отсутствием средств. Удалось открыть 3 апреля 1927 г. не требующий больших средств уже привычный Русский народный университет с лекциями, связанными в основном с Россией. Слушатели могли внимать выступлениям литературоведа П.М. Бицилли, правоведов И.А. Базанова, П.М. Богаевского, экономиста С.С. Демосфенова, физика К.И. Иванова, лекциям русских ученых из Праги и других центров эмиграции. Последнее упоминание о работе университета относится к августу 1931 г. [34].

В Софийском университете с 1920 по 1948 г. читали лекции 36 русских преподавателей, половина из них — на созданном в 1918 г. медицинском факультете [35]. В ходе развернувшейся 22 мая 1920 г. в стенах Народного собрания дискуссии по вопросу о приеме в университет русских преподавателей академик С.С. Бобчев заявил, что медицинский факультет не может работать без русских коллег. В 1920-х гг. на медфаке особенно много было русских из Новороссийского университета: А.Ф. Маньковский, А.К. Медведев, В.В. Завьялов, Д.Д. Крылов, Н.М. Попов. Русские профессора стали авторами первых болгарских учебников для будущих врачей [36].

Читавшие лекции на разных факультетах преподаватели из России нередко привлекались к чтению лекций по контракту, заключавшемуся на два года, потом на три, с 1929 г. — на четырехлетний срок, что «не давало никакой обеспеченности русским преподавателям, т. к. их зависимость от количества собранных голосов на Советах факультета и Академического совета у[ниверситет]а каждые два–три–четыре года была всем очевидной. Эта непривычная и оскорбительная для большинства из них зависимость от личных отношений с профессорской средой ф[акультет]а была иногда трудно выносимой» [37].

Но не русские определяли условия, тем более, что атмосфера все же была в целом благоприятной. Профессора работали на четырех из семи факультетов в межвоенный период: на историко-филологическом — 10, на юридическом — 6, на медицинском — 16, на богословском — 4. Квалификационная структура была такова: 24 ординарных профессора, 2 экстраординарных, 3 доцента, 5 ассистентов, 2 преподавателя. Судя по некоторым неполным данным, 12 человек из общего количества прибыли из Одессы, 3 — из Харькова, 2 — из Киева, 1 — из Севастополя, 10 — из Петрограда, 3 — из Москвы, 1 — из Варшавы. Исследовавшая эту тему М. Велева пишет, что почти половина из них работали в вузах от 1 года до 4 лет, девять человек — от 5 до 10 лет, шесть — свыше 10 лет и еще столько же — больше двадцати лет [38].

Кто же они были и как их встретила Болгария? Читая воспоминания известного ученого Вл. Ренненкампфа, незамедлительно принятого в Софийский университет преподавателем социологии, создается картина славянского братства, когда бедствующему русскому всегда протягивалась рука помощи его болгарского брата [39].

Но другие материалы, при всей благоприятной для русских болгарской обстановке, дают более сложную, я бы сказал, разноречивую характеристику пребывания русских беженцев на братской болгарской земле, жизнь на которой устраивала далеко не всех бежавших из России и мечтавших о Европе, о лучшей доле.

Интересную информацию можно найти в публикации Г.А. Савиной «Пусть барахтаются…»: К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. (Париж; Санкт-Петербург, 2002).

Вот несколько биографических реалий болгарской жизни.

Высланный из Советской России в 1922 г. ассистент Новороссийского университета ботаник Г.А. Секачев (1894 — ?) первый год работал на семеноводческой станции. С иронией он писал А.В. Флоровскому о своей «служебной» обязанности — перебирать горох: «…эта работа имеет свою хорошую сторону, так как Бог знает, может

быть, придется в будущем где-нибудь работать на кухне в качестве „мужика", а там эта специальность всегда пригодится» [40]. В своем очередном письме А.Ф. Флоровскому и В.А. Флоровской (от 7 января 1923 г.) были такие строки: «Работаю поденно и получаю 50 лев[ов] в день… сижу от 8 часов до 12 и перебираю семена, как это делают хозяйки, очищая семена перед приготовлением их в пищу» [41]. (Килограмм белого хлеба стоил в Софии 12 левов, мяса — 24 лева, поденный рабочий получал в день 50 левов [42]. (По сведениям учителя П. Фивейского, один доллар в 1926 г. был равен 138 левам, а прожиточный минимум тогда составлял 20 долларов или примерно 2800 левов.)

«Сумма эта, — писал Фивейский, — может быть достаточна для одинокого, но для семейного ее ровно хватает только на то, чтобы покрыть ежедневные расходы на самые существенные надобности, как-то на сахар, чай, картофель, жиры и т. п.» [43].

Через полгода Г.А. Секачев напишет: «Заставили… еще и гербарий собирать, что отнимает более чем 8 часов в день, а оклад тот же… Живется тяжело, так как не только нельзя одеться, но не хватает даже на пищу» [44]. И, наконец, сентябрьское письмо тому же Флоровскому: «Со службы меня уволили в июле месяце, и вот до сих пор не могу найти подходящей работы. Одно время работал на постройке в качестве чернорабочего. Заработок сносный, но слишком тяжелая работа отзывается на здоровье сердца. Пришлось эту работу оставить и жить на 400 лев[ов] в месяц, которые получает Соня в качестве кельнерши столовой Русско-болгарского ком[итета]. Правда, кроме 400 лев[ов] Соня получает еще обед, но все-таки и это очень мало» [45]. С октября 1923 г. Секачев жил торговлей книгами, изготовлением деревянных игрушек и другими видами мелкого предпринимательства [46].

Но «бизнесмен» из ботаника не вышел и в итоге вместе с семьей он 23 ноября 1925 г. уехал в Тунис [47].

А вот еще одна русская натура — высланный из России в 1922 г. правовед, историк права А.С. Мулюкин (? — не ранее 1944 г.), жена и дочь которого остались в России за неимением средств для выезда [48]. Летом 1923 г. русская община нашла ему место на 1500 левов в месяц [49]. Его история жизни в Болгарии затрагивается в пяти письмах К.В. Флоровской к брату Антонию Васильевичу в Прагу.

30 октября 1923 г.: «Мулюкин бегает по-прежнему и утверждает, что очень доволен своим положением».

16 июля 1924 г.: «Он получает 1400 л[евов] и буквально голодает».

21 ноября 1939 г.: «На днях видела Мулюкина, — и он не изменяется и даже не стареет… он занимается живописью…».

27 декабря 1942 г.: «Недавно видела Мулюкина, он усердно — уже давно — пишет какое-то опровержение марксизма».

27 марта 1944 г.: «Мулюкин где-то в провинции» [50].

Но не все так бедствовали. Неплохо устраивались медики, нужда в которых была велика. Но в начале 1920-х гг. — когда эмиграция больше напоминала своеобразную стаю перелетных птиц, ищущую лучших условий, — Болгария для многих стала промежуточным пунктом в их странствиях.

Судьбы и жизнь русских профессоров складывались по-разному: иные, приехав в Болгарию, уже не искали других стран. Другие — через некоторое время уезжали в европейские Прагу, Париж, Берлин, даже в Африку.

Здесь можно назвать имя Н.П. Кондакова, который вошел в конфликт с некоторыми болгарскими коллегами и, когда истек срок договора, уехал в Прагу. Его преподавание в Софийском университете ограничилось временем с 1 июля 1920 г. по 1 апреля 1922 г. Другая знаменитость — лингвист и философ Н.С. Трубецкой — был недоволен, что ему дали место доцента, а не профессора, поэтому, когда его позвали в Вену, сразу уехал. Его срок пребывания в Софии длился с 1 октября 1920 г. по 1 октября 1922 г. [51].

Недолго проработал в Софии и палеограф В.А. Погорелов (1872–1955), профессор Варшавского (с 1911 г.) и Донского (1918–1920 гг.) университетов: в 1920–1922 гг. за время работы в Национальной библиотеке в Софии он составил систематическую опись болгарских рукописных книг, потом уехал в Европу, в Братиславу, в университет [52].

Короткое время пробыл обосновавшийся было с 1919 г. в Болгарии литературовед, филолог К.В. Мочульский (1892–1948). Бывший приват-доцент Саратовского университета стал читать лекции в Софийском университете. Но… провинциальная София, видимо, скоро надоела ему, и в 1922 г. он меняет ее на мировую столицу культуры — Париж [53]. Профессор М.А. Бирман (Израиль) пишет, что в числе причин, по которым выдающиеся ученые недолго проработали в Болгарии, были неудовлетворенность окладом, невостребованность средой, «недостаток внимания и понимания». Так, лекционный курс упоминавшегося Трубецкого «Введение в сравнительное языкознание» посещали только три человека [54]. Теперь о зарплате. По одним данным, русские профессора получали по 12 тыс. левов в месяц [55]. По другим сведениям, зарплата составляла 36 тыс. левов в год [56], т. е. всего в два раза больше платы поденного работника, во что поверить трудно.

Были и те, которые возвращались на родину, но этот процесс относится уже ко времени окончания Второй мировой войны. Но правил без исключения не бывает: таким исключением был профессор на контракте историко-филологического факультета на кафедре новой и новейшей истории Европы Э.Д. Гримм, преподававший с

1 сентября 1920 г. по 20 июля 1923 г. Получавший 36 тыс. левов в год, он не мог снять жилье в столице. Бывший в России ректором Санкт-Петербургского университета Гримм жил в сереньком домишке в Княжеве, близ Софии, и писал просьбы министру Омарчевскому увеличить зарплату, решить квартирный вопрос, так как имел жену и дочь. В 1920–1921 гг. он вместе со своим коллегой бывшим профессором Санкт-Петербургского университета, преподававшим в Софии государственное право К.Н. Соколовым издавал «Русские сборники».

Но в 1922 г. с профессором произошла метаморфоза.

А.П. Мещерский ее объясняет так: «В феврале 1922 г. в Болгарию прибыла неофициально делегация советского Красного Креста. Один из руководителей этой делегации, бывший матрос Черноморского военного флота В.Н. Чайкин сумел значительно активизировать в русской беженской среде настроения по возвращению на родину. В апреле 1922 [г.] был создан в Софии „Союз возвращения на Родину“, а с 24 мая 1922 [г.] начала выходить в Софии 3 раза в неделю газета Союза под заглавием „На Родину“. Эта газета не располагала хорошим штатом сотрудников; ее содержание было серо и неубедительно. Тем более были поражены ее читатели, когда… стали появляться блестящие передовицы». Авторство этих талантливых выступлений установил Соколов, знавший «стиль и манеру» Гримма.

Начался бойкот «красного» профессора. В итоге после переворота 9 июня 1923 г. он был выслан главой нового правительства профессором Александром Цанковым «как коммунист и большевистский агент» этапом в г. Варну и передан полицией капитану советского парохода «Керчь», отплывшего в Одессу 21 июля 1923 г. В России стал работать в Наркоминделе и в Институте востоковедения [57].

По-другому сложился жизненный путь В.А. Григорьева, ученика В.Р. Вильямса. Вместе со своим однокашником по Петровско-Разумовской академии сельского и лесного хозяйства болгарином Иваном Странским они создали агрономический факультет в университете, в котором Григорьев преподавал до 1923 г., когда был вынужден уйти по политическим мотивам. Получил известность в Болгарии как мастер паркостроительства. С 1950 г. Григорьев работал в Институте почвоведения БАН. В 1955 г. вернулся на родину, через целину [58].

Еще одна судьба: К.В. Флоровская (1883–1965?), историк и преподаватель иностранных языков, сестра А.В. Флоровского, выпускница Высших Бестужевских курсов, с 1915 г. — приват-доцент Новороссийского университета по кафедре средних веков. С 1920 г. в Болгарии: сначала преподавала латынь в русских и болгарских гимназиях, потом русский язык в Софийском университете [59].

Не все из них, читая лекции, владели даром слова, столь необходимого профессору университета. Так, живший с 1919 г. в Софии М.Г. Попруженко (1866–1944), историк и филолог-славист, бывший профессор Новороссийского университета, читал, как вспоминал А.П. Мещерский, на болгарском, но скучно и монотонно, из года в год по одним и тем же своим записям, приходилось назначать дежурных студентов, чтобы аудитория не пустела [60]. Но его знания были оценены высоко: почетный доктор Софийского университета (1939 г.), член-корреспондент (1923 г.), академик (1941 г.) Болгарской академии наук.

Совсем иное впечатление своими лекциями по новой и новейшей истории оставлял П.М. Бицилли [61]. Он читал свой курс и никогда, в отличие от М.Г. Попруженко, его не повторял. В предоставленную ему небольшую аудиторию набивались студенты — и философы, и историки, и богословы, и юристы, и филологи, и агрономы и др. Говорил по-русски, потом по-болгарски, но с «убийственным акцентом». Входил в ту небольшую группу профессоров, которым аплодировали после лекции, хотя это не было принято в университете. Был «изгнан без пенсии» из университета в 1948 г. [62].

Запомнился студентам и читавший русскую историю профессор В.А. Мякотин, входивший долгое время в партию социалистов-революционеров. Один из его бывших студентов дал ему любопытную характеристику: «Мякотин говорил великолепно, но в России занимался политикой, а не наукой, которой отдавал время только в тюрьме (камера его была полна книг). Жалко, что его держали в тюрьме короткое время». Он был «спец» по русско-украинским вопросам, противник, как и Бицилли, «самостийности» Киева [63].

Русские преподаватели с 1920 по 1953 г. опубликовали 26 учебников и учебных пособий. Из них 9 были связаны с медициной, 4 — с правом, столько же — по истории, причем три принадлежали П.М. Бицилли. Назову только один его труд: «Основные направления и историческое развитие Европы с начала христианской эры до нашего времени» (София, 1940. 275 с.).

Н.Н. Глубоковский и М.Е. Поснов были авторами трудов, связанных с историей христианства.

По истории хозяйства, политической экономии писал И.К. Кинкель (три работы), упомяну его изданный в 1949 г. «Курс по болгарской истории хозяйства».

В Болгарии были и иные «поля и нивы» для деятельности. Например, практическая медицина. В Болгарии обосновалось около 200 врачей, т. е. примерно 20% всех врачей в стране. В 1929 г. Народное собрание приняло закон, уравнявший русских медиков в правах с болгарскими коллегами. Закон позволил русским врачам, не состоящим на

службе, заниматься частной практикой. Так, В.М. Тылинский (1876–1967), попав в 1921 г. в Болгарию, сначала работал врачом в больнице г. Фердинанда. В 1924 г. на его место назначили болгарина, а русского перевели было в г. Кула — «на самом конце болгарской географии», но он отказался. В итоге его судьба сложилась неплохо: через короткое время он стал работать городским врачом в том же Фердинанде, а потом, воспользовавшись законом 1929 г., оставил службу и открыл свою небольшую клинику на 15 коек, которая была закрыта только в 1942 г. в связи с затруднениями по обеспечению больных лекарствами [64]. Трейман открыл клинику для туберкулезных больных. Русские стояли во главе спецотрядов по борьбе с венерическими заболеваниями. Нужно назвать и доктора Чернецкую, организовавшую службу по борьбе с бешенством [65]. По ее инициативе были не только созданы по всей стране пункты прививок против бешенства, но она научила бороться с этой страшной болезнью многих болгарских врачей и успешно занималась научной работой в этой области». Один из ее учеников позднее стал вместо Чернецкой заведующим отделом по борьбе с бешенством в Институте здравоохранения [66].

Следует вспомнить и выпускника Санкт-Петербургского нейрохирургического института Р.Ю. Берзина (1887–1950), имя и деятельность которого теснейшим образом связана со сформированной в октябре 1918 г. в Армавире больницей Русского общества Красного Креста, врачи и сестры которой эвакуировались 30 октября 1920 г. из Евпатории и смогли переехать в Софию [67]. В своей больнице, разместившейся на улице Искър, 58 [68], он успешно делал операции, на которые не решался ни один болгарский врач, в частности на позвоночнике. Его молодые болгарские коллеги начали было кампанию против него, как не имеющего диплома о завершении медицинского вуза, но за своего доктора встала горой болгарская общественность, не позволив «уничтожить» русского врача [69]. Его хирургическая клиника стала одной из лучших. До 1938 г. в ней было проведено 7878 операций, в среднем — 525 в год. После Второй мировой войны, в конце 1950 г., клиника из ведения Союза советских граждан и министерства здравоохранения окончательно вошла в разряд государственных медицинских учреждений [70].

В отличие от врачей, инженерам найти работу было сложно в слаборазвитой стране. Многие из них стали работать землемерами, что считалось удачей. Тем не менее «группе русских инженеров удалось основать предприятие по устройству системы отопления в квартирах», т. е. модернизировать производство железных печей [71].

Многие беженцы начинали с физического труда, становились шахтерами, работали на стройках. Большой труд русские вложили в строительство софийского водопровода, начатого в 1934 г., а также в

прокладку трамвайных путей в болгарской столице. Те, которые оседали в деревнях, занимались, в частности, дублением овечьих шкур. Одним из эмигрантов была даже открыта фабрика дубленок, которую в 1947 г. «владелец подарил Советскому Союзу» [72].

У русских не только лечились, учились, но и покупали. В Софии стали появляться русские мастера и мастерские: юрист становился печником, князь открывал на паях с болгарином производство мебели, во главе одного из трех колбасных производств в Софии был тоже русский, некто Суханов. При своей «мини-фабрике», размещенной в обычной квартире, он открыл магазин, где торговал еще теплой ветчиной, малороссийской, краковской, «собачьей радостью» и другими сортами колбасы.

Присутствие русских в провинции тоже было заметным. Так, в Разграде и его окрестностях поселилось около 50 семей, оказавших «влияние на жизнь 13-тысячного тогда областного центра». Интеллигенты и кадровые офицеры зарабатывали на жизнь, трудясь на мельницах, маслобойках, открывая свои магазины. В частности, они открыли два колбасных цеха, слесарную мастерскую, а Николай Иванович Никитин, бывший врангелевский офицер, кроме колбасной, открыл и магазин одежды «Дрехарница».

Авторитет снискали русские врачи Виктор Климов и Георгий Лободовский. В истории Разграда хранится память еще о двух русских — Иване Портянове, изготовившем крест с распятием для городской церкви Святителя Николая, и об учителе-агрономе, директоре училища по практическому земледелию в с. Топчии И.И. Попове, собравшем богатую коллекцию народной тесьмы самобытной этнической группы «капанцев», ныне хранящуюся в этнографическом музее села [73]. И так было во многих городах и селах Болгарии, в историю которых зачастую вплетаются русские имена и русские дела.

После освобождения Болгарии в конце Второй мировой войны, с бомбардировками Софии союзнической авиацией, для русских наступили другие времена. В сентябре 1944 г. новые власти наложили запрет на все эмигрантские организации, пронизанные «фашистской и националистической идеологией». Здесь были: и Русский академический союз, Объединение русских художников, Объединение русских педагогов, Союз русских инвалидов и др. Прямого отношения к фашизму все эти общества, как пишет Цв. Кьосева, не имели, за исключением Союза галлиполийцев и Союза русской национальной молодежи [74].

В 1946 г. только «в болгарских лагерях оказалось 424 русских», обвиненных в сотрудничестве с немцами. В то же время болгарское правительство в соответствии с требованиями СКК (Союзной Контрольной Комиссии) выделяло с 1945 по 1948 г. 72 млн левов «на содержание бедных и больных русских беженцев. С 1949 г. под со-

ветским давлением страна помогала около 20 000 русских, но только тем, которые приняли советское гражданство. Это вынудило почти всех социально слабых русских, больных и инвалидов принять гражданство СССР». При этом, как отмечает Цв. Кьосева, новые советские граждане пользовались рядом преимуществ при занятии «государственных и общинских должностей, при выдаче жилья, приеме их детей в высшие учебные заведения» и пр. Все «несоветские» граждане автоматически попадали в поле зрения органов безопасности. Для наблюдения за высланными из Югославии в 1949–1952 гг. 777 русскими в министерстве внутренних дел НРБ была создана специальная секция «Белогвардейцы» [75]. Да и за «своими» болгарскими русскими была слежка, писались донесения. Например, на князя Леонида Ратиева было написано 303 доноса, причиной которых был его безобидный разговор с турком [76].

Возвращаясь в 1946 год, напомню об указе Сталина от 14 июля, по которому бывшие подданные Российской империи могли получить советское гражданство и вид на жительство в стране пребывания, для болгарских русских — в Болгарии. И.Г. Тинин, автор замечательных воспоминаний, писал о том времени: «…Если для советских людей в СССР было много пятен в отечественной истории… то на Западе мы знали и про Соловки, и про травлю интеллигенции, и о поруганных церквах и монастырях. Мы знали о пломбированном вагоне, в котором приехал Ленин в Россию из Германии в апреле 1917 г., и об убийстве Царской семьи, и даже о Катыни. Так что для нас в эмиграции белых пятен в истории нашей страны первой половины XX в. не было. Но такие предупреждающие знания не смогли затмить эйфорию радости по случаю возможности вернуться на родину у всех слоев эмиграции, от монархистов до эсеров или кадетов… Сталинский указ, а тогда все указы назывались сталинскими, воспринимался нами как знак того, что любовь наша к родине взаимна. Мы никогда не забывали ее, и родина не забыла нас» [77]. Но для многих память родины обернулась лагерями, тюрьмами…

В 1946 г. был создан клуб советских граждан в Народной Республике Болгарии (бульвар Евлоги Георгиева, 11, в войну — Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини, после сентября 1944 г. — Клемента Готвальда), размещавшийся в огромном здании бывшего немецкого училища со своим бассейном и игровыми площадками. Кроме этого дома клуб получил от советского посольства в собственность два бывших немецких предприятия. «Одно из них, „Лигнум“, было деревообделочным и, — как вспоминал И.Г. Тинин, — производило несколько десятков финских домиков в день. Другое, металлургическое предприятие, выпускало оборудование для пекарен, а самое главное, делало для нового партийного дома в центре Софии

все вентиляционное оборудование. Эти предприятия были освобождены от уплаты налогов болгарскими налоговыми службами, а прибыль от них доставалась клубу. На эти средства наш клуб и существовал. На них содержалось более 18 кружков художественной самодеятельности» [78]. Среди них были симфонический и струнный оркестры, два танцевальных коллектива, хор-октет под руководством известного всей Софии Е.Е. Комарова, театральная студия во главе с Н.О. Массалитиновым [79].

Активными членами клуба были А.Н. Гирский, К. Типлицкий, Христензен, Н.Д. Формаш, Г. Шервашидзе, Н. Заутова и др. Среди его спонсоров были А. Цицианов, занимавшийся строительством, ресторатор В. Капитанов, крупный меховщик Есауленко, имевший свой магазин. В 1949 г. в Софии был создан Союз советских граждан с отделениями в Варне, Бургасе, Шумене, Ст. Загоре и других городах. Первым председателем стал А.Н. Гирский. В 1951–1952 гг. было построено во многом своими силами здание Союза. В нем действовали политический, культурно-просветительный, молодежный, женский, детский сектора, а также библиотека, концертный зал, медицинский кабинет, спортзал. В 1950 г. в Софии стала действовать смешанная русская средняя школа с преподаванием на русском языке русскими учителями.

Из русско-болгарских знаменитостей в сфере искусства назову еще два имени. Первое — балерина А.М. Воробьева (22.10.1898, Киев — 06.06.1985, София), ученица Киевской балетной школы Брониславы Нижинской и первая учительница будущей всемирной знаменитости Сержа Лифаря, с благодарностью вспоминавшего впоследствии о своей наставнице. В Болгарию она прибыла в 1927 г. после блестящих выступлений в составе балетной труппы Римской оперы, потом в театре «Констанца», выйдя замуж в 1926 г. за скульптора Александра Закова. Ее искусство позволило ей войти в состав балетной труппы Софийского оперного театра, где она стала примабалериной. Воробьева танцевала центральную партию в балете «Коппелия», премьера которого 28 февраля 1928 г. считается днем рождения болгарского балета. Потом был перерыв, связанный с ее выступлениями в Европе, и возвращение в 1933 г. в Софию. В 1934 г. она была уволена «как иностранка» и больше не возвращалась на сцену. Но без балета она не осталась, открыв в том же году свою балетную школу. Более того, ее имя связано с созданием балета в народных оперных театрах в Стара Загоре (1946–1952 гг.) и Пловдиве (1953–1961 гг.) [80].

Второе — балерина Валя (Валентина Петровна) Вербева (Върбева) (10.03.1918, с. Коптево, Тамбовская губ.), лауреат Димитровской премии (1952 г.), заслуженная артистка Народной Республики Болгарии (1966 г.). Ее отец был болгарином, мать — русской. В конце 1920-х гг.,

уже находясь в Болгарии, училась балету у русской балерины Веры Александровой. Потом был Париж и учеба у знаменитой Ольги Преображенской. Затем выступления по городам Европы в составе русской, английской, французской театральных трупп. После начала Второй мировой войны Валя Вербева возвращается в Болгарию и поступает и заканчивает Художественную академию по классу скульптуры, но лепка так и не стала ее профессией. В 1945 г. она возвращается на сцену и становится солисткой балетной труппы Народной оперы в Софии. Она танцует в балетах «Коппелия», «Лебединое озеро», «Жизель», «Гаянэ», «Бахчисарайский фонтан», «Красный мак» и др. В годы болгарской перестройки знаменитая балерина была отстранена от педагогической деятельности. Работала чернорабочей на стройке: «таскала кирпичи, подносила доски». Потом ее талант и мастерство все же были востребованы гимнастическим тренером Нешкой Робевой. Для ее знаменитых учениц — «золотых девушек» — она вела курс пластики [81].

Весьма много осело в Болгарии и русских художников. Судя по списку, составленному Цв. Кьосевой, в 1929–1945 гг. членами Общества русских художников состояли 38 человек. А в целом людей, связанных с ремеслом художника, скульптора, насчитывалось 78 человек [82]. Их мастерство позволило им активно работать в сфере художественного оформления книжно-журнальной продукции, создавать монументальные композиции на религиозную и светскую тематику, работать декораторами, художниками по костюмам, успешно выставляться, утверждаться в болгарской культуре, обогащать ее художественную жизнь [83].

Возвращаясь в послевоенное время, скажу, что в 1955 г. при Н.С. Хрущеве была организована акция «Возвращение на Родину» — в основном эмигрантские эшелоны (уехало около 10 тыс. человек) шли на целину, где пришлось жить по-походному, осваивать инженерам, докторам, учителям новые сельские профессии [84]. Но многие оставались, и до сих пор русское имя можно встретить в Болгарии. Потомки русских трудятся в самых различных сферах, занимая разные посты, вплоть до Президента Болгарской Академии наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Если большинство исследователей склоняется к цифре в 30–40 тысяч человек, то один из болгарских русских, А.П. Мещерский, пишет о десяти с небольшим тысячах русских,

2 Цит. по: *Косик В.И.* Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М., 2008. С. 9.

3 См.: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы 1917–1996. М., 1999.

4 См.: *Владева Л.* Русские писатели в Болгарии. Ч. 1 // Русская газета. 2006. № 13. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russian-writes-bulgaria/

5 См.: Там же.

6 Русь. № 108, 24 июня 1923 г. С. 3.

7 См.: Русская жизнь. № 7. 1925. 2 авг. С. 4.

8 См.: Русь. № 85. 1923. 6 мая. С. 4.

9 См.: *Матвеева И.В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 522.

10 См.: Русская жизнь. № 7. 1925. 2 авг. С. 4.

11 См.: *Горяинов А.Н.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20–30-е годы) // Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 182.

12 См.: *Горяинов А.Н.* Указ. соч. С. 188–189.

13 См.: *Тинин И.* Бытие, Исход, Второзаконие (главы из книги) // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. Париж; Санкт-Петербург, 2002. С. 191.

14 См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 511.

15 *Тинин И.* Бытие. Исход. Второзаконие (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 52–53.

16 Там же. С. 74–75.

17 Там же. С. 201.

18 См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 507–508.

19 Там же.

20 См.: *Тинин И.* Бытие. Исход. Второзаконие (главы из книги). С. 181.

21 См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 505.

22 *Фивейский П.* Болгария // Русский учитель в эмиграции: Сборник статей. Прага, 1926. С. 66.

23 См.: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются…»: К истории «одесской высылки» за рубежом // Диаспора: Новые материалы. Париж; Санкт-Петербург, 2002. Вып. 3. С. 338.

24 Там же. С. 346.

25 Там же. С. 338.

26 *Горяинов А.Н.* Указ. соч. С. 189–190.

27 См.: *Бирман М.* Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2000. № 218. С. 173.

28 См.: Там же.

29 См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 511, 514.

30 См.: Там же.

31 См.: Там же. С. 515.

32 См.: *Васильев К.К.* Врачи в Русском зарубежье. Ч. 2 // Русская газета. 2005. № 25. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigrl/

33 См.: *Рупчева Г.* Жизнен и професионален път на профессор Николай Михайлович Дилевски // Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004. С. 18–21.

34 См.: *Горяинов А.Н.* Указ. соч. С. 192–193.
35 См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София, 2004. С. 28–30.
36 См.: *Васильев К.К.* Указ. соч.
37 *Мещерский А.П.* Из заметок и материалов к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии // Славянский альманах 2005. М., 2006. С. 453.
38 См.: *Велева М.* Указ. соч. С. 21–22.
39 *Ренненкампф Вл.* Моята първа среща съ С. С. Бобчевъ и моите първи впечатления въ София // Юбилеен сборник издаден по инициатива-та на юридическия факултетъ при Софийския университетъ в честь С.С. Бобчев. София, 1921. С. 6–13.
40 *Савина Г.А.* Указ. соч. С. 302.
41 См.: Там же. С. 321.
42 См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 525.
43 *Фивейский П.* Указ. соч. С. 71.
44 *Савина Г.А.* Указ. соч. С. 326.
45 Там же. С. 327.
46 См.: Там же. С. 317.
47 *Савина Г.А.* Указ. соч. С. 328.
48 См.: Там же.
49 Там же. С. 337.
50 Там же.
51 См.: *Любенова Л.* Моите разговори // Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004. С. 521–522.
52 См.: *Бирман М.* Указ. соч. С. 172.
53 См.: *Савина Г.А.* Указ. соч. С. 313.
54 *Бирман М.* Указ. соч. С. 172.
55 См.: *Любенова Л.* Указ. соч. С. 513.
56 См.: *Мещерский А.П.* Указ. соч. С. 452.
57 Там же. С. 454–457.
58 *Григорьев П.А.* Воспоминания об отце. Владимир Александрович Григорьев // Русская газета. № 51. 2004. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/vospominanie/
59 См.: *Савина Г.А.* Указ. соч. С. 310.
60 См.: *Любенова Л.* Указ. соч. С. 517.
61 См.: Там же. С. 518.
62 См.: Там же. С. 523, 526.
63 См.: Там же. С. 518.
64 См.: *Васильев К.К.* Указ. соч.
65 *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 499.
66 См.: Там же. С. 501.
67 См.: *Цветкова Л.* Больница Русского Красного Креста // Русская газета. 2005. № 31. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/bolnitsa/
68 Там же. № 32.

[69] См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 501–502.
[70] См.: *Цветкова Л.* Указ. соч. № 33.
[71] См.: *Матвеева И.В.* Указ. соч. С. 497.
[72] Там же. С. 496.
[73] См.: *Колева Д.* Русская белоэмиграция // Русская газета. 2005. № 35. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/russkaja-beloemigraciya/
[74] Да и тут, по моему мнению, следует быть осторожнее. Нужно согласиться с тогдашними «товарищами», что все они были «антисоветскими», если следовать следующей логике: если ты эмигрант, значит «антисоветчик».
[75] См.: *Кьосева Ц.* Документы о жизни русских эмигрантов в Болгарии 1945–1958 гг. // Русская газета. 2004. № 52. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigr/
[76] См.: *Тинин И.* Бытие. Исход. Второзаконие. С. 214.
[77] Там же. С. 172.
[78] Там же. С. 181.
[79] См.: Там же. С. 190.
[80] *Дертлиева А.* Творческа и жизненна съдба на Анна Митрофановна Воробьова По документи от личния ѝ архив // Българо-руски отношения през ХХ век. София, 2000. С. 94–97.
[81] *Писарева Л.* Как Върбеви стали Вербевыми // Русская газета. 2005. № 34 / http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/ virbevi /
[82] *Кьосева Ц.* Русские художники-эмигранты в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 4. С. 22–23.
[83] Там же. С. 11–21.
[84] См.: *Заутова (Пчелинцева) Н.Г.* Послевоенная организация русских эмигрантов в Болгарии // Русская газета. 2005. № 19. http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/ emigrl /

РУМЫНИЯ И БЕССАРАБИЯ

В. Я. Гросул

Российская политическая эмиграция в Румынии во второй половине XIX в.

Переселение населения с Придунайских земель в Россию и из России на территорию у Нижнего Дуная известно давно и, во всяком случае, было довольно массовым еще до XIX в. В первой половине этого века оно не прекратилось, а порой даже усиливалось, и причины этого явления были хорошо известны. В Россию жители Подунавья бежали от турецко-татарского засилья и внутренних неурядиц, из России на Дунай перемещались из-за крепостного права и по религиозным мотивам. Нельзя сказать, что при этом не было никаких политических причин. Политические мотивы можно усмотреть в перемещении на Нижний Дунай запорожцев, а также казаков-некрасовцев, свой политический резон был и у Д. Кантемира и тех, кто вместе с ним переселился в Россию в 1711 г.

Но даже в первой половине XIX в. мы не говорим о политической эмиграции, вкладывая в это понятие определенный смысл. В первые десятилетия этого столетия мы не видим существенных отличий от той картины, которая наблюдалась раньше. В Дунайских княжествах сложилась заметная прослойка российского населения, довольно хорошо изученная в литературе [1]

Сравнительно недавно нами было обработано специальное дело, среди прочего содержащее сведения о русских подданных в Валахии в 1849 г. В соответствии с этими данными было учтено 88 поименных подданных России, проживавших в Валахии, а также 246 других российских подданных, имена которых не указывались и которых относили к простому званию [2]. В этом же деле содержится подобный материал о российских подданных в Молдавском княжестве [3]. Среди них были русские офицеры, служившие в валашской и молдавской армиях, гражданские чиновники и др. Кстати, в том же фонде III Отделения, где мы почерпнули эти данные, нами было обнаружено специальное архивное дело о массовом бегстве крестьян из Саратовской губернии в Молдавское княжество в 1850 г., причиной чего была крепостническая эксплуатация и религиозные

соображения [4]. Подобные материалы являются лишь частью информации, подтверждающей довольно интенсивное перемещение населения в то время.

Однако российская политическая эмиграция в полном смысле этого слова стала реальным явлением не только в Нижнем Подунавье, но и в других регионах лишь во второй половине XIX в., точнее после Крымской войны. До этого речь могла идти лишь об отдельных политических эмигрантах, таких как Н. Тургенев, М. Бакунин, А. Герцен и др. И в Румынии поначалу речь шла о нескольких политических эмигрантах, и лишь потом здесь формируется один из влиятельных центров общероссийской политической эмиграции, о котором в свое время писали К. Доброджану-Геря, Х. Раковский и другие авторы. Нам также приходилось заниматься этой проблемой, но наука не стоит на месте, и важным событием может считаться открытие для исследователей специального фонда номер 505 из ГАРФа, несколько пополняющего наши знания о деятельности российских политических эмигрантов на Балканах и, в частности, в Румынии [5]. Мы уже ввели в оборот некоторые материалы из этого фонда в своем докладе 1994 г. на VII конгрессе по Юго-Восточной Европе [6], но там имеются и другие примечательные источники. Инициатором создания такой агентуры стал ее первый руководитель статский советник А.Е. Мищенко, поддержанный в сентябре 1889 г. тогдашним директором Департамента полиции П.Н. Дурново. Прежде всего это было вызвано ситуацией в Болгарии, которая, по словам Дурново, «делается за последнее время притоком лиц, принимающих участие в революционных происках» [7].

Как и в ряде других регионов Европы, в Румынии складыванию российской политической эмиграции предшествовало формирование польской политической эмиграции. Более того, поначалу почти все политические эмигранты, вышедшие из России, были так или иначе связаны с польскими политическими деятелями. В Румынию бежит дочь русского генерала и польки А.Т. Пустовойтова, бывший студент, тоже сын русского и польки А. Крыловский, видный представитель движения украинофилов А. Вылежинский и др. Все они сотрудничали с польской политической эмиграцией.

Политическими соображениями руководствовался в будущем видный ученый и литератор Б.П. Хашдеу, переехавший из России в Яссы в конце 50-х гг. XIX в. Впоследствии он будет поддерживать тесные связи с российскими политическими эмигрантами в Румынии, что найдет отражение и в материалах упомянутого архивного фонда, где среди прочего хранится копия письма В. Пекарского З. Ралли от 7(19) декабря 1891 г. с многократным упоминанием Хашдеу [8]. Через Румынию в 1860 г. бежит за границу видный рус-

ский дирижер и композитор Ю.Н. Голицын. Но это все лишь отдельные представители оппозиционной России, которые не создали здесь каких-либо политических кружков. Иное дело деятельность здесь сподвижника А.И. Герцена и Н.П. Огарева В.И. Кельсиева, переехавшего в Юго-Восточную Европу в 1862 г. в качестве агента первой «Земли и воли» — общероссийской революционной организации начала 60-х гг. Он вначале обосновался в Стамбуле, куда переезжает и его жена В.Т. Кельсиева, о которой А.И. Герцен писал: «Твердым товарищем была она мужу» [9]. Кельсиев должен был наладить связи с польской эмиграцией и местными властями и организовать пересылку лондонских русских изданий в Россию. Он их действительно распространял через поляков, черкесов и русских старообрядцев. Пересылал он и написанные им самим листовки. В разгар польского восстания в Стамбул прибывает его родной брат — И. Кельсиев, активный участник студенческого движения в России, член «Земли и воли».

Вскоре И. Кельсиев переезжает в Тульчу, где намеревался создать вторую Вольную русскую типографию, что чрезвычайно встревожило царские власти [10]. Он основывает там школу и учит в ней грамоте украинских детей. Другим учителем, но уже среди русских молокан, стал один из бывших сотрудников Герцена в Лондоне В.М. Эберман, работавший в Тульче под фамилией Михайлова. В конце 1863 г. вместе с женой и ребенком в Тульчу переезжает и В. Кельсиев, который с помощью одного из лидеров польской эмиграции на Балканах М. Чайковского вскоре становится казацким головою (казак-баши) в Добрудже.

К Кельсиевым потянулись некоторые русские эмигранты, однако прибыли они в Тульчу, когда Ивана Кельсиева уже не стало. Он скончался 9(21) июня 1864 г., и смерть его была большим ударом не только для брата, но и для всей русской политической эмиграции того времени. Известно, какие большие надежды возлагали на него Герцен и Огарев. Но сам В. Кельсиев, при всем потрясении, которое было вызвано смертью брата, не оставил идеи создания фаланстера на Нижнем Дунае. На его призыв в июле 1864 г. прибывает в Тульчу бывший поручик русской армии М.С. Васильев, отказавшийся принять участие в подавлении польского восстания и бежавший за границу. Васильев прибыл в Тульчу по рекомендации Герцена и Огарева, от которых он привез Кельсиеву письма и некоторые книги.

Вскоре после него, примерно в августе 1864 г. прибыл в Тульчу старый знакомый Кельсиева еще по Стамбулу — П.Ф. Сливовский, ставший давать здесь уроки музыки. Сразу за ним, в сентябре 1864 г. в Тульчу прибыл бывший участник обороны Севастополя

П.И. Краснопевцев, во время польского восстания 1863–1864 гг. перешедший на сторону восставших. В Тульче Краснопевцев устроился в школу, основанную здесь методистским миссионером Флокеном — немцем, родившимся в России, но приехавшим в качестве миссионера из Америки. Но одновременно эта группа российских эмигрантов вынашивает идею создания в Тульче гимназии.

В. Кельсиев специально с этой целью выезжает в Галац, где через знакомых польских эмигрантов пытался привлечь в гимназию учителей. Согласились выехать на работу в эту гимназию еще четыре человека: бывший студент Киевского университета П.П. Станкевич, участвовавший в польском восстании, два чеха — Шварц и Дауша, тоже участвовавший в этом восстании, и еще один участник этого восстания — русин А.А. Левицкий. Все они прибыли в Тульчу в ноябре 1864 г., но эпидемия тифа сорвала все их планы. Вскоре члены российской колонии политических эмигрантов начали покидать Тульчу. Сам В. Кельсиев вместе с семьей переезжает в Галац.

Тульча, таким образом, стала первым городом на территории современной Румынии, где сложилась небольшая колония русских политических эмигрантов. В Галаце Кельсиев прожил около года, контактируя в основном с польскими эмигрантами, а также с украинцами братьями Б. и С. Кульчицкими. Довелось В. Кельсиеву также прожить некоторое время в Яссах, откуда он отправился в Россию и сдался царским властям, потеряв до этого и жену, и ребенка, скончавшихся в трудных условиях эмиграции. Такова была судьба основателя первой русской колонии российских политических эмигрантов в Тульче.

После этого в Румынии в течение ряда лет, большее или меньшее время, бывали лишь отдельные политические эмигранты — Н. Шевелев, С. Нечаев, Н. Тиханов, Н. Меледин (Флореску), Н. Озмидов, Нахимова (племянница знаменитого адмирала), пока со второй половины 70-х гг. в Румынии не появились новые колонии российских политических эмигрантов. Во многом это было связано с так называемым массовым «хождением в народ» русских народников, потребовавшим оживления южного и других путей переправки нелегальной литературы в Россию. Большую роль в транспортировке такого рода изданий сыграл уроженец Бессарабии студент Петербургской медико-хирургической академии Н.П. Зубков (Зубку-Кодряну).

Угроза ареста заставляет Зубку-Кодряну, студента 5-го курса, то есть накануне окончания академии, в феврале 1875 г. эмигрировать в Румынию, где он становится одним из руководителей румынского социалистического движения и видным деятелем российской политической эмиграции.

Перевозкой литературы из Румынии в Россию занимались в то время и другие участники народнического движения — не только лавристы, но и представители других революционных течений: З. Ралли, В. Дебагорий-Мокриевич, И. Ходько, Г. Зданович, Н. Кулябко-Корецкий, П. Аксельрод и др. Ряд деятелей народнического движения осядет в Румынии на большее или меньшее время, а то и навсегда. В это время в Румынию перемещаются члены харьковского революционного кружка, основанного С. Коваликом, К. Кац и Н. Кулашко, известный здесь как Штефан Николаевич. Что касается К. Каца, навсегда обосновавшегося в Румынии (за исключением времени ареста и высылки в Россию), то он под именем К. Доброджану-Геря станет одним из руководителей румынского социалистического движения и крупнейшим румынским литературным критиком. Он обосновался на некоторое время в Яссах, куда переехали также видные деятели народнического движения Н. Жебунев, братья К.и А. Аркадакские, С.Ф. Чубаров. Вместе со своей женой Л.Ф. Савич переезжает в Румынию и один из поистине легендарных народников — Н.К. Судзиловский.

Поселившись в Бухаресте, Н. Судзиловский вместе с Н. Зубку-Кодряну заложили основу русской колонии политической эмиграции в столице Румынии. Несколько позднее, один из первых румынских социалистов К. Милле в специальной статье под названием «Доктор Руссель» писал о Н. Судзиловском (Русселе) как «об одном из самых первых основоположников румынского социализма» [11].

Прибытие Н. Судзиловского ускорило формирование в Бухаресте интернационального социалистического кружка, известного в литературе как русско-болгарско-польско-румынский кружок. Встречи членов кружка происходили или на дому у Н. Зубку-Кодряну, или в польском клубе Бухареста, куда наведывались и Х. Ботев, и русские эмигранты. В 1876 г. к этому кружку примкнул и К. Кац, переехавший из Ясс в Бухарест. Известно, что члены русской эмигрантской колонии в Яссах находились в труднейшем материальном положении и зарабатывали себе на хлеб преимущественно физическим трудом. Они работали землекопами, а К. Кац вскоре поступил в кузницу.

Интересно, что в Яссах К. Кац сходится с польским эмигрантом П. Сливовским, бывшим в середине 60-х гг. членом кружка В. Кельсиева в Тульче и согласившимся оказывать помощь русским революционерам-семидесятникам. Они по-прежнему занимаются пересылкой революционной литературы в Россию, увлекаются событиями Восточного кризиса 70-х гг. и все более вовлекаются в румынское социалистическое движение. Некоторые из них работают по специальности. Так, врачами работали Н. Судзиловский и

Н. Зубку-Кодряну, а впоследствии В. Ивановский и жена З. Ралли — Н. Хардина.

В конце 70-х гг. переезд российских народников продолжился. В Румынию даже собирался переехать Н. Чайковский — руководитель известной революционной организации чайковцев. Упомянутый В. Ивановский, брат жены В. Короленко, прибыл в Румынию в середине 1878 г. и вскоре поселился в Тульче, где прожил 30 лет. Как известно, после войны 1877–1878 гг. Тульча вместе со всей Северной Добруджей вошла в состав Румынии.

Вся сохранившаяся переписка российских революционеров, осевших в Румынии, свидетельствует о наличии и даже о расширении связей русской революционной колонии в Румынии как с Петербургом, Киевом, Одессой, Кишиневом, так и с другими центрами российской революционной эмиграции. В Румынии политические эмигранты получили определенную поддержку со стороны ряда местных общественных и политических деятелей. Как вспоминал З. Ралли, видный деятель либеральной партии К. Росетти оказал помощь революционерам-эмигрантам из России и в специальном письме одному из румынских министров — Е. Статеско просил «дать плоештский железнодорожный ресторан группе молдаван-политических эмигрантов из Бессарабии — для их прокормления» [12].

Ресторан был действительно выделен эмигрантам из России и в определенной степени стал материальным подспорьем для русской революционной колонии в этой стране. Он также использовался в качестве опорного пункта и места встреч как осевших в Румынии политических эмигрантов, так и других революционеров, направлявшихся в Россию или из России. Ресторан был предоставлен бессарабским революционерам-эмигрантам, но пользовалась им вся большая группа российских революционеров. Контрактовали его Ф. Кодрян — брат Н. Зубку-Кодряну, тоже выходец из Бессарабии, и К. Кац, родившийся на Харьковщине и к категории бессарабцев не относившийся. Среди служащих ресторана (фактически железнодорожного буфета) находились также Л. Дическул — видный участник революционного движения, одно время примыкавший к южным «бунтарям» (молдаванин, родившийся в Херсонской губернии), А. Демитреско (Булатов) и другие революционеры-выходцы из России. Русские революционеры, таким образом, воспользовались противоречиями между русским и румынским правительствами для укрепления своего материального положения и вообще для укрепления позиций революционного движения в этой стране.

В 1879 г. бежал в Румынию один из активных членов кишиневского народнического кружка В. Крэсеску (Красюк), который стал

впоследствии известен как писатель Штефан Басарабяну. В. Крэсеску подключился к революционной работе русских эмигрантов и к социалистическому движению в Румынии. Так же как и В. Крэсеску, опасаясь ареста, в Румынию в 1879 г. переправился Ф.К. Волков — один из членов киевской «Громады», близкий к М. Драгоманову и участвовавший в революционном движении на Украине. В 1879 г. в Румынии обосновался активный революционер-семидесятник Н.А. Преферанский, затем переселившийся в Париж, где работал в мастерской видного русского изобретателя Яблочкова. Осенью того же года в Тульче обосновался родной брат З.И. Жебуневой (Глушковой) — И.И. Глушков, принявший здесь фамилию Скракли. В 1879 г. в Румынию удалось бежать одному из руководителей бессарабских народников — К. Урсу, а затем и сменившему его А. Фрунза. В 1879 г. в Яссах было налажено издание новой социалистической газеты «Бессарабия», в которой активно сотрудничали Н. Судзиловский, З.Ралли, Л. Гольденберг, П. Аксельрод, а от румынских социалистов наиболее активную роль играли братья И. и Г. Нэдежде и Т. Сперанца. Совместно они провели конференцию социалистов Румынии в октябре 1879 г. Сами участники ее называли «конгрессом социалистов», который имел место в Яссах и в котором по инициативе Н. Судзиловского приняла участие большая группа русских и румынских социалистов. На территории Румынии русские политические эмигранты сотрудничали и с итальянскими революционерами, например, с Э. Малатеста и Н. Пипини. Вообще, как отмечал А. Фрунза, российская революционная эмиграция в Румынии намеревалась превратить Румынию в «Новую Швейцарию».

Действительно, только в Тульче и окружающих селах в начале 80-х гг. проживало не менее 30 политических эмигрантов из России. Среди них хорошо известны Л. Дическул, К. Аркадакский, Ф. Волков, И. Басов, А. Фрунза, П. Аксельрод, И. Глушкова, В. Крэсеску, О. Кананова, П. Объедов и др. К ним мы относим и тех, точные имена которых не выявлены. Это «Князь», «Граф», «Химик» и др. Предположительно, «Князь» — это В. Черкезов, «Химик» — Г. Плеханов.

Российскими эмигрантами были устроены: земледельческая коммуна (в Армоклии и Тульче), которой первоначально руководил В. Крэсеску, а затем Л. Дическул; сапожная мастерская под руководством эмигранта-поляка А.В. Трейленберга. К. Урсу работал под фамилией Гуляева в местной школе. Многие эмигранты занимались рыбной ловлей. Местом их собраний был трактир старообрядца М. Федорова.

Российские эмигранты проживали тогда и в других селениях Добруджи, а также в Яссах, Плоешти. Если в Тульче наиболее вид-

ным деятелем российской эмиграции был В. Ивановский, в Яссах — Н. Судзиловский, а в Бухаресте — З. Ралли, то в Плоешти эта роль принадлежала К. Кацу (Доброджану-Геря), в Галаце — Ф. Волкову, в Брэиле — А.А. Астафьеву.

18 марта 1881 г. ряд русских эмигрантов в Румынии арестован румынскими властями. Это, конечно, было ударом по русской политической эмиграции, но уже в начале 1883 г. царская агентура доносила «об исключительно удобных условиях, которыми пользуются в Румынии наши анархисты». То же самое отмечал и посол Урусов в конце того же года, «лично убежденный в усилении деятельности русской революционной партии в Румынии» [13]. Через два года, в ноябре 1885 г. один из агентов Департамента полиции, специально посланный наблюдать за деятельностью эмигрантов в Румынии, доносил: «Мне говорили, что в Румынии считают тридцать два социалиста, они называют Румынию маленькой Швейцарией» [14]. Эта цифра была приблизительной, и в действительности в этой стране в середине 80-х гг. постоянных и временных эмигрантов было приблизительно в два раза больше.

Например, в Плоешти к уже известным нам эмигрантам присоединился активный член «Народной воли» Сергей Иванов, а затем такие видные члены этой организации как В. Луцкий, Э. Серебряков — морские офицеры, а также А. Макаревский и Кузьминский. В октябре 1885 г. открыл в Бухаресте кефирно-кумысное заведение Лукьянов (Луканов), который в агентурных донесениях называется другом З. Ралли. Заведение Лукьянова было устроено в форме лечебницы, и его организация стала коллективным мероприятием бухарестской колонии российской политической эмиграции, местом приюта многих эмигрантов. В 1886 г. в доме Лукьянова сначала поселился Э. Серебряков, затем к нему присоединился В. Луцкий. Здесь же обосновалась близкая к Серебрякову Екатерина Тетельман. У Лукьянова некоторое время проживал и А. Булыгин (А.П. Беляевский), переехавший сюда из Болгарии в 1886 г. и вошедший в российское революционное движение еще в 70-х гг., когда он был студентом Петровской земледельческой академии в Москве [15]. Несколько позднее с помощью Ралли он устроится в Бухарестский арсенал. Булыгин также служил механиком в железнодорожных мастерских в Констанце [16], затем поселяется в районе Ясс, а с 1895 г. становится начальником депо железной дороги в г. Бакэу.

С каждым годом в деятельности российской эмиграции в Румынии заметно усиливается роль З. Ралли. В материалах агентуры Департамента полиции Ралли называется не только редактором бухарестской официальной газеты «Telegraful», но и главой «известной радикальной партии» [17], и, как там писалось, он «более всего опасен

для осуществления тайных или явных предначертаний русского правительства» [18]. Много лет спустя один из видных участников народнического движения Е.Е. Лазарев вспоминал, что Ралли ему говорил о себе как о «великом мастере масонских лож в Румынии» [19].

В эти же годы в Бухаресте поселяется и такой видный эмигрант марксистского направления как В. Пекарский, о котором сохранились и значительные материалы агентурного характера [20]. Вместе с тем часть эмигрантов покидает Румынию, а многие, наоборот, все более вживаются в местные условия. После долгих мытарств по разным городам Румынии в 1886 г. поступает на медицинский факультет Бухарестского университета В. Крэсеску, продолжавший участвовать в жизни российской революционной эмиграции в этой стране и одновременно сотрудничать в румынском журнале «Contemporanul».

Кроме Крэсеску, на медицинский факультет поступает и Н.П. Толузаков, уже имевший опыт медицинской работы в Болгарии, служивший официантом в эмигрантском буфете в Плоешти, хористом в русской церкви в Бухаресте и даже предпринимавший попытку завести кефирное заведение в Стамбуле. Примерно в то же самое время студентом этого университета становится и бывший член кишиневского народнического кружка А. Фрунза. Студентом этого университета в 1887 г. становится еще один член кишиневского народнического кружка, близкий к Фрунза — В.Е. Спoялов, учившийся в Московском, а затем в Киевском университете на медицинском факультете — участник международного конгресса студентов в г. Джурджу [21]. Затем обосновался в Румынии и активный участник киевских народовольческих кружков И.И. Лазаревич. В Бухаресте он работал в кефирном эмигрантском заведении, а когда оно было закрыто, намеревался, по агентурным данным, «принять участие в открытии в Бухаресте русской типографии для печатания революционной литературы». Действительно, к 1888 г. относятся агентурные донесения о намерениях эмигрантов издавать в Бухаресте антисамодержавный орган, для которого Луцкий собирался пожертвовать половину тех денег, которые он должен был получить за поднятие затонувшего в турецких водах парохода [22].

В конце 80-х гг. в Румынию переместится и ряд других российских политических эмигрантов. Среди них известен В. Черкезов, видный анархист, Н.И. Волянский (Белов), бежавший из Сибири и работавший в Тульче учителем, видная революционерка-семидесятница А. Эпштейн. В связи с обострившимся внутриполитическим положением в Болгарии оттуда в Румынию переместились Небольсин, служивший в болгарском министерстве юстиции, доктор Д.Л. Винницкий, заведовавший лечебницей возле

г. Кымпулунг, В.К. Лосятинский и др. Они живут в разных районах Румынии. Так, имеются сведения о проживании российских политических эмигрантов в Констанце, Галаце, Бабадаге и других городах Румынии.

Скопление российских политических эмигрантов не только в Румынии, но и в других странах Юго-Восточной Европы вынудило царское правительство дать согласие на создание уже упоминавшейся специальной агентуры Департамента полиции в этом регионе, чему предшествовала обширная переписка [23]. Эта агентура действовала не только в Болгарии, Румынии и Сербии, но также в Австрии и Турции. Любопытно, что в румынской газете «Resboiul» в номерах за 21 и 23 января 1891 г. помещается специальная статья под названием «Русская секретная полиция», перевод которой на русский язык хранится в материалах агентуры [24]. Кстати, в материалах этой агентуры содержатся и некоторые сведения о ситуации в Румынии — о праздновании румынскими социалистами дня Парижской коммуны в марте 1893 г. [25], о сходке румынских рабочих-социалистов в Бухаресте в августе 1890 г. [26], о международном съезде студентов в Джурджу (Журжево) 5–7 сентября 1891 г. На этом конгрессе кроме студентов Ясского и Бухарестского университетов участвовали студенты из Сербии, Греции и Болгарии, а также представители российской политической эмиграции в Румынии [27].

Многие российские политические эмигранты принимают румынское гражданство — З. Ралли, К. Кац, В. Ивановский, В. Крэсеску, А. Фрунза и др. Заметно усиливается их сотрудничество с местными социалистами. Один из агентов российской полиции в Румынии писал в 1889 г., имея в виду ясских социалистов: «…г. Надежда, Морцун, Панаитеску, Туфеску и др. не откажут в сочувствии и даже в содействии анархистам вроде Арборе, Ивановского и Черкезова» [28]. Сотрудничали российские политические эмигранты и с румынскими радикалами — К. Росетти, Г. Пану и даже с отдельными либералами. По-прежнему они поддерживают отношения с польскими эмигрантами в Румынии, и имеются сведения о посещении ими, как и прежде, польского клуба в Бухаресте [29].

В связи с тем, что царское правительство в 1891 г. потребовало высылки из Болгарии 14 русских эмигрантов, некоторые из них — М.С. Каялов, Л.И. Гольцвурм, М. Филиппео, Н.И. Волянский — переехали в Румынию. В этой связи царское правительство делает ряд представлений румынским властям, в результате чего упомянутые эмигранты были вынуждены покинуть и Румынию. Однако основной костяк российской эмиграции в этой стране сохранился. Более того, после высылки Л. Гольцвурм вновь поселился в Румынии. Одно время он служил в железнодорожном буфете в Плоешти, за-

тем он в октябре 1892 г. становится инженером на строившейся возле Бухареста железной дороге, а к 1894 г. относится его ходатайство, направленное румынским властям о предоставлении должности начальника железнодорожной станции.

После окончания медицинского факультета Бухарестского университета В. Крэсеску поселяется в городке Сфынтул Георге возле Тульчи, где работает детским врачом. В 1895 г. он защищает докторскую диссертацию по народной педиатрии, но вскоре не без вмешательства царских властей увольняется с должности румынскими властями [30]. Крэсеску был вынужден поселиться в другом конце Румынии — в Слэник Праховей, где его дважды (в 1897 и 1900 гг.) посетил В. Короленко.

Н. Толузаков тоже, закончив медицинский факультет Бухарестского университета в 1894 г., поначалу работает участковым лекарем. В 1895 г. он защищает докторскую диссертацию по инфекционным заболеваниям и вскоре становится ассистентом в детской клинике, возглавлявшейся выдающимся румынским медиком В. Бабешом. В 1897 г. Толузаков переселился в Болгарию и стал одним из основателей Бактериологического института в Софии.

В. Пекарский в апреле 1891 г. становится преподавателем латинской гимназии, но в июне 1892 г. лишается этой должности. В сентябре того же года ему удается получить место учителя в г. Тыргу-Жиу. Кроме уже упоминавшегося Булыгина (А. Беляевского) в разных городах Румынии проживала и его супруга, урожденная Ф. Шефтель, некогда близкая к Г. Плеханову. В начале 90-х гг. в Румынии проживал участник российского революционного движения Б.П. Корсак. Поначалу он находился в Тульче у Ивановского, затем проживал в Плоешти у Доброджану-Геря, работая кассиром в упоминавшемся буфете, а в мае 1892 г. переместился в Лондон. В 1893 г. в Румынию из России переселился К. Стере, поначалу сотрудничавший с русскими политическими эмигрантами.

Значительный материал о проживании в Румынии сохранился и по другим российским политическим эмигрантам. Но Румыния стала местом, где ряд из них скончался в сравнительно молодом возрасте. В конце 70-х гг. здесь умер Н.П. Зубку-Кодряну, в начале 80-х — С.Н. Кулашко, в апреле 1889 г. — Л.А. Дическул. Но им на смену приходят новые эмигранты, а также и дети эмигрантов. В начале 90-х гг. активное участие в общественной жизни начинает принимать дочь З. Ралли и Е. Хардиной Екатерина Арборе, врач по специальности, вскоре ставшая одним из видных деятелей румынского социалистического движения. Кстати, она участвовала в упоминавшемся международном студенческом конгрессе в Джурджу [31]. В середине 90-х гг. приобщается к общественной жизни С. Кужбэ — сын

В. Крэсеску, ставший известным писателем. С 90-х гг. общественной деятельностью стал заниматься и сын К. Доброджану-Геря — А. Доброджану-Геря, инженер по профессии, вошедший поначалу в социал-демократическое, а затем и коммунистическое движение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Maries St.* Supuşii străini din Moldova în perioada 1781–1862. Iaşi, 1985.

2 ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 24 (1849 г.). Д. 458 («О доставлении в 3-е отделение списков всем российским подданным, находящимся за границею в течение 1849 г.»). Л. 60–72об.

3 Там же. Л. 75–81об.

4 Там же. Оп. 25 (1850 г.). Д. 502 («О побеге раскольников Саратовской губернии целыми семействами к границам Молдавии»). Л. 1–69.

5 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1 («Заведующий агентурой Департамента полиции на Балканском полуострове»).

6 См.: *Гросул В.Я.* Деятели российской политической эмиграции на Балканах конца XIX в. // История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. Салоники. Сент. 1994. М., 1994.

7 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1, Д. 108. Л. 1.

8 Там же. Д. 13. Л. 117–119об.

9 *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. XI. С. 333.

10 См.: *Гросул В.Я.* Попытки основания русских революционных типографий на Нижнем Дунае в 60-х — 70-х гг. XIX в. // Федоровские чтения 1975 г. М., 1977.

11 *Mille C.* Doctorul Russel // Lumina, an. I, 15 ianuarie, № 8.

12 ГАРФ. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 5. Л. 65; *Гросул В.Я.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 252.

13 *Гросул В.Я.* Революционная Россия… С. 301.

14 *Гросул В.Я.* Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 61.

15 Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. II. Вып. I. М., 1929. С. 103.

16 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 13. Л. 49об.–50.

17 Гросул В.Я. Российская революционная эмиграция… С. 130.

18 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

19 ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 86. Л. 50об.

20 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 12. Л. 1об.–2об.; Д. 14. Л. 107–108об., 117–118, 121–129.

21 Там же. Д. 110. Л. 77.

22 ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1234. Л. 161 (Верстка «Деятели революционного движения в России»); ГАРФ. Ф. 102. 3 дел. Оп. 82. Д. 91, Л. 141; *Гросул В.Я.* Российская революционная эмиграции… С. 131–132.

23 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 108 («Переписка с Департаментом полиции по вопросам организации агентуры на Балканах. 1889–890 гг.»).

24 Там же. Д. 13. Л. 11–14.

25 Там же. Д. 18. Л. 18.

26 Там же. Д. 43. Л. 3.

27 Там же. Д. 110. Л. 73, 77.

28 *Гросул В.Я.* Российская революционная эмиграция… С.183.

29 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 43. Л. 9.

30 *Крэсеску В.* Опере. Кишинэу, 1974. Паж. 7.

31 ГАРФ. Ф. 505. Оп. 1. Д. 11. Л. 77.

В. Н. Виноградов

Российские народники в Румынии во второй половине XIX в. Перипетии адаптации

В российско-румынских отношениях определенное место занимает и переселенческое движение. Особая страница в нем — эмиграция в Румынию народников. Эти люди, малые числом, были представлены личностями, наложившими свой отпечаток на общественную жизнь принявшей их страны, и прежде всего на развитие в ней социалистического движения.

Социализм «пришел из России в 1875 г. вместе с бессарабцем Зубку-Кодряну», — утверждалось в раннем, относившемся к 1883 г. обзоре развития в Румынии социалистического движения [1]. В докладе, подготовленном социал-демократами для Брюссельского конгресса Второго Интернационала (1891 г.), повторялось то же самое: «До 1874 г. социализма в стране не существовало, само слово „социализм“ было неизвестно. Европейский социализм был привнесен сюда не прямо с Запада, а при посредничестве России. Это важно, ибо указанной причиной объясняется тот факт, что румынский социализм нес на себе с самого начала отпечаток русского социализма той эпохи. Он представлял смесь марксизма, революционного бакунизма, анархистских теорий и метафизического морального сектантства. Как бы то ни было, эта амальгама оказалась способной завладеть воображением и чувствами университетской молодежи, возмущенной буржуазным либерализмом и разочаровавшейся в нем. Эти юноши, сплотившиеся вокруг русских изгнанников, положили начало румынскому социализму» [2].

В этих высказываниях явно сквозит односторонний подход и звучат ноты преувеличения. Слово «социализм» было знакомо и ведомо еще в Дунайских княжествах. Университетская молодежь, о которой говорилось в докладе, в немалой своей части проходила обучение на Западе и могла знакомиться с марксизмом, прудонизмом и лассальянством без российского посредничества, что и происходило. Существовали ростки социализма и в самой Румынии, но ясские и бухарестские кружковцы 70-х гг. о них как-то забыли. Но что имен-

но в семидесятых движение происходило в иных масштабах и на несравненно более высоком теоретическом уровне и что выходцы из России играли в нем достойную и важную роль — несомненно.

Революционные народники появились в Румынии не случайно, эта соседняя страна становилась первым этапом эмигрантской одиссеи многих из них. Не только жандармские преследования побуждали их переселяться в Румынию. Эта страна была важным транзитным пунктом переправки в Россию листовок, брошюр, газет и журналов, печатавшихся за рубежом. Яссы, Бухарест, Плоешти и Тулча служили своего рода почтовыми ящиками, через которые с тысячами предосторожностей «подрывная» литература поступала в царские владения. Немалое число изгнанников оседало в Румынии. Натуры деятельные, социально-активные, и поэтому процесс их адаптации включал не только признание законов, принятие обычаев страны, но и вовлечение в жизнь общества и переосмысление задач социалистического движения. Народническая доктрина в Румынии не имела корней. Народники верили, что в связи с наличием в России общинного землевладения, существованием крестьянского мира, артелей и кустарных промыслов возможен переход к социализму, минуя капиталистическую стадию. Они считали деревенскую общину зародышем и базисом социализма, революционной силой — крестьянство, возглавляемое демократической интеллигенцией.

Община в румынской деревне прекратила существование, некоторые общинные формы землепользования в резешских и мошнянских селах картины в целом не меняли. Крестьянство выступало с требованием наделения их помещичьей и государственной землей в форме собственности. Идея крестьянского социализма его не привлекала. Отправная точка всех народнических построений в Румынии отсутствовала. Отличными были и политическая обстановка, и идейный климат в стране. Самодержавия в Румынии не существовало, имелась конституционная монархия. Иллюзии всемогущества верховной власти не было, а потому не могла пустить корни и мысль о том, чтобы уничтожить эту власть путем устранения ее носителя, и надежда на то, что кровавая расправа над ним послужит сигналом к всенародному восстанию. Господарь А.И. Куза был свергнут путем верхушечного переворота. Он удалился в изгнание. В 1871 г. казалось, что его участь разделит «пруссак на престоле» Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген по причине своих прусских симпатий. Террористическая тактика народников не находила в Румынии симпатий, ее жестокая антигуманная сущность встречала осуждение. Вспомним один лишь акт, подготовленный и осуществленный С.Н. Халтуриным 5 февраля 1880 г.: взрыв в Зимнем дворце, приуроченный к большому обеду императорской семьи в честь родственни-

ков царицы Марии Александровны. Готовилась большая бойня, присутствовать должны были не только члены фамилии, но и немцы, уж совсем не причастные к гнету самодержавия. К счастью, Александр Второй опоздал, обед задержался. Но жертвами взрыва стали 37 солдат гвардейского Финляндского полка, находившиеся в караульном помещении этажом ниже.

Не программные и тактические установки народников определили их место в социалистическом движении Румынии — от них предстояло отказаться, — а их личные качества. Они представлялись рыцарями революции без страха и упрека, бесстрашными подвижниками, для которых Дело было всем, а личная жизнь — ничем, что соответствовало истине и вызывало глубокое уважение. Приведу один пример отрешения от всего земного — завещание М.Н. Ошанской: «Похороны должны быть из наиболее простых, погребальные дроги последнего разряда, общая яма… Я бы охотнее предпочла кремацию, но с условием, чтобы пепел был брошен, развеян, а не собран и хранился кем бы то ни было. Я не хочу ни речей, ни венков, ни приглашения на похороны» [3].

Бессарабец Николае Кодряну прошел суровую школу жизни, кончил Бухарестский университет, затем — практика врача в провинции и участие в войне 1877–1878 гг., служба в госпитале (он был награжден орденом «Звезда Румынии»»), знакомство с оборотной стороной боевых действий, со страданиями, смертью и кровью. Последние два года — должность волостного лекаря в Плоешти. Кодряну познал румынскую жизнь не с парадного подъезда и не обольщался ее конституционным фасадом. Его статьи, опубликованные в женевском народническом журнале «Община», проникнуты разоблачительным духом: «В Румынии, как и везде, есть работающая, страдающая и вымирающая эксплуатируемая масса, есть неработающее, эксплуатирующее меньшинство». Бедствия народные обострились в военную пору, власти получили право реквизировать урожай, скот, забрать у пахаря телегу и послать его самого с лошадьми или быками на перевозку грузов в обмен на записку, подлежавшую оплате после войны: «У мужика отнимали последние припасы — кукурузу, сыр, ячмень и прочее, тогда как в одном селе с ним паразитствовали землевладелец, арендатор или кулак, ведшие обширную торговлю продуктами», которые «могли вполне спокойно предаваться патриотическим восторгам по поводу выказанной мужиком-солдатом dorobanțom — военной доблести и неустрашимости». И защитить крестьянина некому. Прения в парламенте он описывал в сатирических тонах: «Сошлись, поболтали, зарекомендовали себя перед „образованным“ обществом сочувствием к делу крестьян, торжественно признали свое бессилие и перешли к болтанию о более важных, имеющих более важный, „государственный“ интерес вопросах» [4].

Н. Кодряну в середине 70-х — признанный лидер бухарестского социалистического кружка. Но сам он оценивал ситуацию и свою деятельность жестко и критически: «Социалистическая проповедь в Румынии еще не началась» [5]. Он — в мучительных раздумьях, старые, народнические постулаты рухнули, новые еще предстоит выработать, а это дело не одного года. Он признавал наличие в Румынии капитализма и подверг этот строй всестороннему критическому анализу в эссе «О государственности, собственности и семье» (1876 г.). Повторяя Энгельса, он считал государство заговором меньшинства человечества против его громадного большинства. Государство раскрывает производительные силы — но к выгоде этого меньшинства. Собственность, цитирует Кодряну Прудона, это кража. Но, в отличие от основоположника анархизма, он не делает исключения для мелкой собственности и не признает ее жизнестойкости — «весь ход нашей цивилизации и экономический прогресс свидетельствуют об исчезновении мелкой собственности и концентрации крупной». Со свойственной ему резкостью он писал, что лишь глупцы и подлецы могли отрицать существование в Румынии пролетариата, состоящего в большинстве своем из сельского населения. Крестьянство он продолжал считать носителем революционного начала, но вера во всесокрушающий взрыв в деревне исчезла. Значит, предстояла долгая просветительская работа, поначалу в кружках, надежда возлагалась «на наших детей» [6].

В 1877 г. кружковцы приступили к изданию газеты «Сочиалистул». Все статьи публиковались без подписи или под псевдонимом из опасения преследований, хотя на бумаге в стране существовала свобода прессы. Тон газеты — боевой: «Мы знаем, с кем нам надо бороться — со всем нашим миром. Повсюду звонкие и пустые фразы, бредовые идеи, заимствованные во времена метафизики и путаницы, борьба за жалкие частные интересы, и ничего больше». Но положительная, программная часть помещенных материалов выглядела небогато: призыв ко всем, не исключая промышленников, ученых, «священников, сеятелей добра», ко «всем страдающим» выступить под знаменем «свободы, равенства и братства»; ничего социалистического, помимо названия, в газете не было, и все же удалось выпустить всего три номера, и не только по причине финансовых затруднений.

В ночь на новый, 1879 год Николае Кодряну угас от чахотки. Остались его друзья, в том числе из российских изгнанников. В 1875 г. прибыли два незаурядных человека. Белорус Николай Константинович Судзиловский — личность, обладавшая самыми разнообразными дарованиями, неуемной энергией и жаждой приключений, граничившей с авантюризмом. Вечный странник, он покинул родину, побывал в Швейцарии, Великобритании, Франции,

Румынии, Болгарии, США, на Гавайских островах, в Японии и Китае. Врач высокой квалификации (он завершил образование в Бухаресте), он оставил высоко ценимые специалистами труды по медицине, но его же перу принадлежит более ста работ по философии, политической экономии и истории. И повсюду, куда его забрасывала судьба, он включался в революционное и национально-освободительное движение. В Румынии он принял фамилию Руссель (для чего достаточно было объявить о своем намерении в официальной газете).

В том же 1875 г. в страну с паспортом на имя Андреева приехал двадцатилетний Соломон Кац, превратившийся здесь в Константина Доброджану-Геря. В 1877–1878 гг., во время войны за независимость, трое вышеупомянутых вместе с З.К. Ралли-Арборе, пользуясь пребыванием в Румынии российских войск, развернули кипучую деятельность по распространению среди солдат и офицеров революционной литературы, впрочем, особых результатов не принесшую [7]. Проявились тогда и коммерческие способности Гери: он раздобыл паспорт на имя американца Роберта Джинкса и под носом у командования организовал в Плоешти прачечную при Красном Кресте (получив даже благодарность за стирку гор солдатского белья). А в санитарных поездах, не подлежащих таможенному досмотру, в город прибывали «подрывные» листки и брошюры. Его все же выследили и переправили в Россию. После краткого пребывания в тюрьмах Бендер, Киева, Орла, Тулы и Москвы он очутился в Петропавловской крепости, а из нее попал в ссылку на Мезень. Отсюда ему удалось бежать на рыбацком баркасе в Норвегию, и в сентябре 1879 г., после почти годичного отсутствия, он вернулся в Румынию [8]. С тех пор жизнь его стала раздваиваться. Он обнаружил цепкую деловую хватку: напрягши все финансовые возможности, он арендовал ресторан на самом бойком месте — железнодорожной станции Плоешти, и поставил его на образцовую ногу. Один взгляд на тогдашнее меню убеждает — то был приют гурманов. Позднее он приобрел, уже в собственность, ресторан в Бухаресте и превратил его в «высшее учреждение кулинарного искусства», завел виллу в Синае, стал обладателем солидных счетов в крупнейших банках, пакетов акций в солидных компаниях [9]. Справедливости ради надо сказать, что двери его дома были открыты для социалистов, а его кошелек — для товарищей по партии, а много позднее — для укрывшихся в Румынии матросов с броненосца «Потемкин». Его адаптация в румынскую жизнь включала и сферу культуры, он стал видным литературным критиком, фигурой национального значения, о предоставлении ему румынского подданства хлопотал сам Михаил Когэлничану. Не прекращал он и участия в социалистическом движении, став теоретиком его реформистского крыла.

А движение медленно, но верно утверждалось в стране. В Яссах после войны появился кружок «социальных исследований» во главе с братьями И. и Г. Надежде. Из бывших россиян значительную роль играл в нем доктор Н.К. Руссель, составивший «Программу коллективизации», которая предусматривала передачу средств производства в «коллективную собственность групп промышленных и сельскохозяйственных рабочих», в чем угадывались отзвуки народничества и прудонизма. Следующий пункт программы — «предоставление рабочему полного продукта его труда» — был списан у Лассаля. Программа включала много полезных положений — прекращение анархии производства и вражды между народами, освобождение женщин, политическая децентрализация общества, осуществление принципов федерализма и автономии коммун — все это значилось в документе. Что же касается путей достижения всех этих благ — автор предоставлял эту трудную задачу естественному ходу эволюции: «Развиваясь естественным путем, нынешнее цивилизованное общество… через несколько десятилетий (максимум) с необходимостью подойдет к тому принципиальному пункту эволюционного процесса, который именуется социальной революцией» [10].

Еще раньше, видимо, в 1878 г. (в свидетельствах упоминается «похищение Гери», тогда произошедшее) произошло некое совещание кружковцев, которое в воспоминаниях его участников (иных свидетельств о нем не сохранилось) именовалось конгрессом. Через 50 с лишним лет о нем поведала София Надежде. Из россиян на нем присутствовали З.К. Ралли-Арборе и Н.К. Судзиловский. «Пили, по русскому обычаю, чай, обсуждали теорию», спорили, в какой среде развертывать пропаганду: «Одни высказывались за работу в школах, чтобы завоевать молодежь. Другие выступали за просвещение рабочих, истинно заинтересованных в деле. Третьи требовали и того, и другого». Воспоминания содержат интересное свидетельство: румыны «настаивали на том, что они не могут быть придатком нигилистов. В Румынии существует свобода печати, мы не занимаемся конспирациями, нам нечего бояться» [11]. Произошел разрыв с народнической пуповиной.

В Румынии оставалось еще немало российских изгнанниковреволюционеров, но, во-первых, это были люди не того калибра, а во-вторых, в их услугах перестали нуждаться.

Н.К. Руссель был выдворен из страны весной 1881 г., и вот при каких обстоятельствах. Кружковцы решили 18 марта почтить память героев и мучеников Парижской коммуны. Но 13-го числа того же месяца произошло убийство Александра Второго, и мир содрогнулся. Телеграммы соболезнования в Петербург поступали не только от короля Карла и правительства, многие румыны сочли своим

долгом выразить свою скорбь. И «ясских нигилистов» заподозрили в том, что они собирались чествовать цареубийц; парламент спешно разрабатывал закон, предусматривавший высылку из страны нежелательных иностранцев. «Нигилисты» все же собрались 18 марта в Галаце в корчме (что свидетельствовало об их малом числе), вывесили красный флаг и почтили память коммунаров и борцов за свободу в России. Через несколько дней 6 политэмигрантов во главе с Н.К. Русселем были высланы из страны [12]. В Румынии остался один выдающийся политэмигрант, Константин Доброджану-Геря. Он стал теоретиком социалистического движения, но в повседневной жизни кружков не участвовал и «текучкой» не занимался. Он стал своего рода grand segneur, и был окружен почтением. Много лет спустя он вспоминал: „Шли годы, я жил и страдал, я работал, читал Спинозу, Гете, новую научную философию и классическую немецкую, изучал Маркса, — и пришло освобождение“» [13]. В 1884 г. появляется его статья «Карл Маркс и наши экономисты», знаменовавшая его переход на марксистские позиции. В 1886 г. он опубликовал большой труд: «Чего хотят румынские социалисты? Изложение научного социализма и социалистической программы» с анализом экономических и социально-политических проблем Румынии. В нем он отверг имевший тогда хождение тезис, что в отсталой стране социализм — «экзотический цветок», которому не удастся пустить корни [14].

Возникшая в 1890 г. Румынская социалистическая партия влилась в общий строй европейской социал-демократии. Из внешних влияний немецкое представлялось тогда решающим — успехи германской партии на выборах в рейхстаг впечатляли, ее парламентская деятельность представлялась многообещающей. Румынская партия объявила себя сторонницей легального пути И. Надежде говорил на ее втором съезде (1894 г): «Мы должны идти только легальным путем, поскольку наша конституция весьма либеральна и допускает эволюцию к социализму» [15]. Но агитация за всеобщее избирательное право успеха не приносила, представительство в Национальном собрании застыло на уровне двух депутатов, и Доброджану-Геря стал возлагать надежды на внешний фактор. Он разработал свою теорию развития социализма в отсталых странах [16]: «Учитывая характер нынешних международных отношений, связывающих все культурные нации Европы (и даже Америки), существующую между ними экономическую солидарность, приводящую к тому, что кризис в Лондоне может породить кризис в Румынии, принимая во внимание международные связи, наличие железных дорог, телеграфа и т. д., маленькую страну вроде Румынии должно считать европейским уездом. Поэтому Румыния не может не прийти к социализму, когда это сделает Европа» [17].

Гере не удалось убедить в своей правоте верхушку социал-демократической партии. В 1900 г. она почти целиком перебежала к либералам, не веря в светлое социалистическое будущее своей страны. Движение вновь раскололось на кружки, и так на целые 10 лет. Доброджану-Геря в дезертирстве не участвовал, оставшись верен социалистическому знамени.

В 1906 г. официальная Румыния пышно отметила 40-летие царствования Карла Гогенцоллерна. А социалисты встретили юбилей разящим разоблачительным памфлетом «Сорок лет рабства, нищеты и позора». Досталось всем эксплуататорам во главе с королем: его цивильный лист — 1,5 млн. лей, наследному принцу — еще 300 тыс., доход Карла от преподнесенных ему парламентом земель (130 тыс. га) — 5 млн. Капиталистический строй осуждался в памфлете сверху донизу, о достигнутых страной успехах в развитии экономики и культуры не говорилось ни слова. Последний раздел манифеста «Решение и призыв к борьбе» был, пожалуй, самым слабым. Раздел помещичьих земель отвергался в нем, как могущий нанести ущерб производству, мешающий «использованию в сельском хозяйстве машин и научных методов» обработки земли, обрекающий село на примитивное земледелие. Общественному труду должна соответствовать и общественная собственность на средства производства. И за нее предстоит упорная борьба: «как стачка является лучшим инструментом борьбы экономической, так всеобщее избирательное право является средством борьбы политической» [18].

Прошел всего год, и разразилось великое и страшное восстание крестьян, подавленное с чудовищной жестокостью. Доброджану-Геря был потрясен: ужасный год! Он взялся за перо и создал капитальный труд, которому дал многообязывающий заголовок: «Неокрепостничество. Экономическое и социальное исследование нашей аграрной проблемы» [19]. Учредительный съезд восстанавливаемой социал-демократической партии отложил принятие аграрной программы до выхода книги в свет, столь большое значение он ей придавал.

Сложившееся положение в сельском хозяйстве Румынии Геря считал трагическим. В стране утвердилась отработочная система в земледелии, важнейшим признаком которой, при всем разнообразии форм, являлась обработка помещичьих угодий руками крестьян и их же рабочим скотом и инвентарем, как то было раньше, при феодализме. Отсюда и заголовок книги — Neoiobagie (Неокрепостничество). Фактор принуждения крестьян к работе на помещика исчез лишь формально, фактически он остался — селянина гонит к «своему боярину» малоземелье, привязанность к своей парцелле. Над селом довлеет четверной гнет — помещика, арендатора-посредника, госу-

дарства и капитала, создающего «ножницы цен» на продукты промышленности и сельского хозяйства. «Это — не сельское хозяйство, а гротеск, карикатура». И все пути ведут царана к разорению.

Геря недооценивал развития в деревне, в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян, капиталистического производства. Революционный путь он отвергал, утверждая, что социал-демократия «единодушна в осуждении путчистской революционной тактики как дурной и смехотворной». Он надеялся на внешний фактор и вновь и вновь обращался к теории социализма в отсталых странах (статья «Пост-скриптум или забытые слова»). Путь бесконечно долог: «Нам предстоит еще развить производительные силы, преобразовать экономические отношения, изменить наши полувосточные нравы, полуфеодальные нормы морали, культуры, обычного права, чтобы достичь объективных и субъективных условий жизни буржуазного капиталистического общества» (не социалистического). Он возлагал надежду на то, что Румыния обзавелась передовой конституцией, не препятствующей, а способствующей развитию экономического базиса: «У нас, — писал он, — в противоположность тому, что говорит Маркс, базис следует за надстройкой» [20].

Свои взгляды он излагал в полемике с идеологами попоранизма, румынского варианта доктрин аграризма, получивших в Европе распространение на рубеже XIX–XX вв. К попоранизму примкнула плеяда выдающихся деятелей культуры — И.Л. Караджале, Д. Кошбук, А. Влахуце, М. Садовяну, Т. Аргезе, для которых понятие патриотизма воплощалось в заботе о сеятеле, защитнике и хранителе земли.

А на политическом фланге течения активно выступал Константин Стере, народник 70-х гг., пошедший в Румынии иным путем, нежели многие его товарищи по изгнанию. Он стал видным членом либеральной партии, в кровавом 1907 г. занимал пост префекта Ясского уезда и, как таковой, принимал участие в подавлении крестьянского восстания. В том же году он выступил в журнале «Вьяца ромыняска» с серией статей «Социал-демократизм или попоранизм». Само это выступление по вопросу, имевшему общенациональное значение, свидетельствовало о его полной адаптации в румынскую ауру.

Стере исходил из неопровержимого, как он полагал, постулата об отсутствии в Румынии перспектив развития крупной промышленности: «Лишь невежество и идея фикс маньяка могут породить грезы об индустриализации Румынии». Он признавал, что крестьянство докатилось до состояния самой черной нищеты, но причины этого усматривал вне деревни, будучи убежден, что в среде крестьянства эксплуатации не существовало, это — «особая категория, за счет которой поднялись все прочие социальные классы, включая в значительной степени и индустриальный пролетариат. Крестьянство же

остается «недифференцированной базой общества» [21]. Отсюда следовал вывод о стойкости и экономической эффективности мелкого производства в сельском хозяйстве.

И Геря, и Христиан Раковский в полемике с ним отвергали этот его тезис, будучи убеждены в неизбежности разорения основной массы крестьянства. История, однако, доказала жизнестойкость мелкого хозяйства в деревне по сложной сумме причин, не только чисто экономических. Далеко не всегда помещик — лэнд-лорд — юнкер — «боярин» стремился разорить селянина, ведь мелкий землевладелец, привязанный к своей парцелле, а через нее и к «своему» барину, продавал свой труд гораздо дешевле, чем безземельный рабочий, который мог, закинув котомку за плечо, искать по свету, где условия найма получше. В Румынии подобного взгляда придерживались младоконсерваторы-жунимисты, мечтавшие о мирном сосуществовании «боярина» с работником, обладавшим «разумным», с их точки зрения, земельным наделом. Гораздо убедительнее, нежели мрачные предсказания об участи крестьян, выглядели утверждения социалистов насчет того, что хоть и в скромных масштабах, но крупная промышленность в Румынии уже появилась. Нельзя игнорировать и призывы Стере к демократизации общественного строя. Так что дискуссия социалистов с ним завершилась не столь убедительной их победой, как им представлялось. (К. Раковский утверждал: Стере «вскормлен на русской народнической литературе периода самой большой путаницы», «Русское народничество капитулировало, и то же произойдет с нашим попоранизмом») [22].

А из России прибывали мигранты новой революционной волны — большевики, меньшевики, эсеры. И в процессе адаптации перед ними вставал мучительный вопрос — как поступать с духовным багажом — что сохранять, что отвергать и что перерабатывать?

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Dacia viitoare. 1883. N 1. Перепечатано: Viitorul social, noembrie 1907. P. 344.

2 Documente din mişcarea muncitoreasca 1872–1916. Buc., 1947. P. 169.

3 *Канн Г.С.* Народная воля. Идеология и лидеры. М, 1997. С. 144.

4 *Драгош Н.* Ромыния // Община. 1878. № 4. С. 46–48. В некрологе, посвященном Н.К. Зубку-Кодряну (Община. 1878. № 9. С. 561), указывается, что он выступал в журнале под псевдонимом Н. Драгош.

5 Там же. № 4. С. 48.

6 Socialistul 26.05.1877 — Presa muncitoretască şi socialistă din România. V. l. P. l. Buc.,1964. P. 38.

7 См.: *Тулбуре Г.* Замфир Ралли-Арборе (Активитатя револвуционарэ ши кончепцииле сочиал-политиче). Кишинэу, 1983. П. 125–127.

8 Биографические данные см.: *Dobrogeanu-Gherea C.* Din trecut indepartat. Buc.,1910; Vitner I. C.D. Gherea // Viața româneasca. 1956. N 11. *Hurezeanu D.* C. Dobrogeanu-Gherea. Buc., 1973.

9 *Atanasiu I.C.* Mişcarea socialistă 1878–1900. Buc., 1932. P. 57.

10 Documente din mişcarea…P. 30.

11 Viitorul social. Dec. 1907. P. 411–412.

12 Adevărul. 20.02.1835.

13 *Иосько М.И.* Судзиковский-Руссель. Минск, 1976. С. 116–119, 175–183.

14 *Atanasiu I.C.* Op.cit. P. 102.

15 В наиболее полном виде — Asupra socialismul in țărilte inapoiate. — *Dobrogeanu-Gherea C.* Scrieri social-politice. Buc., 1969. P. 255–285.

16 *Atanasiu I.C.* Op.cit. P. 68.

17 *Dobrogeanu-Gherea C.* Neoiobagia. Buc., 1910.

18 Ibid. P. 118

19 Ibid. P. 225.

20 Asupra socialismul…; предисловие к переводу книги К. Каутского: Bazele socialismului. Buc., 1911; Post scriptum sau cuvinte uitate — Viitorul social. Mai 1908; *Dobrogeanu-Gherea C.* Neoiobagia… P. 226–227.

21 *Stere C.* Social-democratism sau poporanism // Viata romaneasca. 1907. N 9. P. 31, 333, 334.

22 *Racovski C.* Poporanism, socialism si realitatea // Viitorul social. 1908. N 11–12. P. 334.

А. Ю. Скворцова

Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период

В 1918 г., в результате Первой мировой войны, политическая карта Центральной и Восточной Европы подверглась значительным изменениям. Распались Австро-Венгерская и Российская империи, появился ряд новых независимых государств. В то время как одни страны утратили суверенитет над традиционными территориями, другие же, напротив, приобрели новые земли. Национальные меньшинства составили в новой Великой Румынии почти треть населения, в то время как до войны их удельный вес не превышал 8% [1]. Наиболее многонациональными стали присоединенные земли Трансильвании и Бессарабии. В Трансильвании меньшинства были представлены в основном венграми и немцами, этническая же карта Бессарабии была более пестрой — здесь компактно проживали многочисленные группы украинцев, евреев, русских и немцев.

Все эти диаспоры сформировались в результате миграционных процессов, вызванных религиозными, политическими, экономическими, социальными явлениями, развивавшимися на Юго-Западных окраинах Российской империи на протяжении нескольких столетий. Миграционные процессы, оказавшие влияние на формирование русской диаспоры, как и их причины, достаточно подробно изучены и описаны исследователями [2]. Миграция русских на территорию Бессарабии происходила в несколько этапов, различавшихся характером переселения (стихийным или организованным) и социальной принадлежностью переселенцев. В XVII–XVIII вв. миграция была стихийной и носила протестный характер — Бессарабия была прибежищем для беглых крепостных крестьян и транзитным пунктом для церковных раскольников-старообрядцев. В XIX в., после присоединения Бессарабии к России, она носила в основном организованный характер, а переселенцы состояли из направляемых в край чиновников и военнослужащих, а также крестьян, предназначенных для освоения опустошенной войнами и татарскими набегами провинции. Одновременно продолжалось, вплоть до отмены крепост-

ного права в России, и стихийное переселение беглых крепостных, хотя и в ограниченном масштабе.

В результате данных перемещений к 1897 г. русское население Бессарабии составило четвертую по численности этническую группу, насчитывавшую 155 774 человека, что составляло 8% всего населения. Опережали русских по численности молдаване, составлявшие почти половину населения, а также украинцы и евреи [3].

В конце XIX — начале XX в., по мере включения Бессарабии в общероссийский процесс промышленного развития и создания единых транспортных сетей, в губернию стали направляться промышленные и транспортные рабочие и специалисты. Значительное численное увеличение русского населения в Бессарабской губернии имело место в годы Первой мировой войны, по мере приближения фронта военных действий к ее западным границам: здесь размещались военные соединения, части тылового обеспечения, госпитали, шло строительство железнодорожных веток, обеспечивавших нужды фронта. В результате распада царской армии в 1917 г. в Бессарабии осталась часть из 50 тысяч военных, служивших в частях и учреждениях Румынского фронта [4].

Несовершенство статистических источников первого десятилетия XX в. не позволяет с достоверной точностью определить количественные характеристики населения Бессарабии в начале исследуемого периода, в том числе и русского населения края. Исследователи лишь сходятся во мнении, что за 20 лет, прошедших после проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., численность русских в крае значительно увеличилась.

Советские демографы И. Брук и В. Кабузан расчетным путем определили, что в 1917 г. на территории нынешней Молдовы проживали 126 тысяч русских, что составляло 5,9% всего населения [5]. Однако эти цифры не могут стать опорными для исследуемого периода, потому что, во-первых, расчеты не способны в полной мере учесть стихийные процессы, а во-вторых, потому, что они не включают жителей Аккерманского, Измаильского и Хотинского уездов, в которых проживала значительная часть русского населения.

События, связанные с социалистической революцией и гражданской войной в России, активизировали центробежные миграционные процессы. Люди бежали на окраины, а по мере перемещения фронтов гражданской войны и за границу, спасаясь от ужасов и насилия, которыми сопровождалась борьба за власть в центре России, а также от голода, охватившего крупные города. Это движение положило начало процессу создания русской диаспоры.

Особенностью Бессарабии было то, что здесь наблюдалась не только миграция людей, но и, если можно так сказать, миграция границ. В январе 1918 г. губернию заняли румынские войска, и под дулами их орудий сформированный в революционные дни с целью создания автономии краевой совет «Сфатул цэрий» в марте проголосовал за вхождение Бессарабии в состав румынского королевства. Таким образом, русское население, проживавшее в крае, оказалось отрезанным от России границей, пролегшей по Днестру.

К «бессарабским» русским добавились приезжие: в ходе и после установления советской власти в России, а затем и на Украине, в Бессарабию направились эмигранты, которых эта власть по разным причинам не устраивала. Часть из них следовала через Бессарабию транзитом далее на Запад, часть оставалась здесь навсегда [6]. Одновременно навстречу им двигались эмигранты из Бессарабии, которых не устраивал режим, установленный румынской администрацией в крае [7]. К сожалению, количественный состав как первого, так и второго потоков установить на основе имеющихся источников невозможно.

Данные о составе населения Бессарабии в начале 20-х гг., которые приводят румынские исследователи, насколько противоречивы, настолько и недостоверны. Они, несомненно, отражали политические позиции авторов, которые в целях аргументации обоснованности присоединения Бессарабии к румынскому королевству преувеличивали или преуменьшали численность и удельный вес различных этнических групп. Так, составители изданного в Кишиневе в 1923 г. Статистического словаря [8] признали, что публикуемые ими данные, касающиеся численности населения, приблизительны, так как основаны на цифрах переписи, уточненных путем опроса соответствующих служб местных административных органов. Они подчеркивают, что полученные таким образом данные более точны применительно к сельскому населению, хотя и они не полны, так как не все местные чиновники одинаково добросовестно отнеслись к поручению. Что касается городского населения, то указанная его численность заведомо не соответствовала действительности, так как в сборник попали данные лишь о постоянном населении, к разряду которого были отнесены только прибывшие в Бессарабию до 1914 г., а ведь именно в последующие годы в Бессарабии осела значительная часть новых ее жителей, и в основном они обосновались в городах. Иммигранты избегали регистрации, опасаясь высылки, и поэтому указанный источник не мог отразить их реальной численности.

По данным этого издания, в 1919 г. в Бессарабии проживало 134 тысячи русских, или на 20 тысяч меньше, чем в 1897 г. [9], а их доля

в общем составе населения равнялась 5,1%, в то время как в 1897 г. русские составляли 8% населения края.

Молдавские исследователи по-разному относятся к этой цифре. Если И.В. Табак считает ее достоверной [10], то В.С. Зеленчук указывает, что румынские статистики намеренно завысили данные о численности молдаван, которых они называли румынами, за счет искажения сведений о численности русских и украинцев [11]. Мы склонны согласиться с выводами В.С. Зеленчука о том, что приведенные в указанном сборнике данные о численности русского населения не соответствуют действительности и преуменьшены, как намеренно, так и вследствие невозможности определить численность незарегистрированного городского населения вне всеобщей переписи. В нормальных условиях только естественный прирост, который в начале века в Бессарабии составлял примерно 10%, должен был дать определенное увеличение русского населения, не говоря уже о прочих упоминавшихся источниках его пополнения.

Некоторые данные о национальном составе населения городов Бессарабии на 1925 г. приводятся в сборнике «Бессарабия» [12]. Авторы опираются на информацию городских примарий, которые были не в состоянии вести учет подвижного и вновь прибывшего населения. Кроме того, в сборнике отсутствуют данные о составе населения таких городов, как Кишинев и Измаил, где к концу XIX в. проживало более половины русских края. Достаточно сказать, что в 1897 г. в Кишиневе проживала половина русского населения края, а в Измаиле русские составляли более 2/3 всех жителей города.

Всеобщая перепись населения Румынии, проводившаяся в 1930 г., подтверждает мнение о значительном количественном росте русского населения в Бессарабии в начале XX в. Согласно этой переписи, к 1930 г. русские стали в Бессарабии второй по численности этнической группой после молдаван, опередив украинцев и евреев. Их абсолютное количество за 33 года увеличилось более чем вдвое, а удельный вес увеличился до 12,3% [13], и не только за счет естественного прироста. Важную роль сыграли миграционные процессы первых десятилетий XX в.: эмиграция евреев после печально знаменитых кишиневских погромов, исход более 50 тысяч участников Хотинского восстания, в основном украинцев, за Днестр в 1919 г. [14], а также то обстоятельство, что в ходе проведения переписи 1930 г. жители десятков украинских сел были зарегистрированы как русские [15]. В итоге, если в конце XIX в. в абсолютном выражении русское население Бессарабии по численности уступало украинцам в 2,5 раза, то по данным переписи 1930 г. численно превосходило их (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Бессарабии в 1897 и 1930 гг. *

	1897		1930	
	абс.	в %%	абс.	в %%
Все население	1 935 412	100,0	2 864 402	100,0
В т. ч.: Молдаване	920 919	47,6	1 610 757	56,2
Украинцы	379 698	19,6	314 211	10,9
Евреи	228 168	11,8	204 858	7,2
Русские	155 774	8,1	351 912	12,3
Прочие	250853	12,9	382 664	13,4

* Все таблицы составлены на основании опубликованных материалов переписей 1897 и 1930 гг.

Активные миграционные процессы, вызванные установлением советской власти в России, гражданской войной, переделом территорий между государствами после окончания Первой мировой войны, затормозились во второй половине 20-х гг. Перемещения из одного государства в другое стали регулироваться законами, направленными на максимальное усложнение процесса иммиграции: европейские страны не могли справиться с экономическими трудностями, последовавшими за Первой мировой войной, уровень жизни в них оставался низким, а безработица росла. В этих условиях иммигранты становились дополнительным бременем для государств, которые стремились ограничить их приток.

Все эти факторы действовали и в Румынии, однако здесь сказывались и другие обстоятельства, характерные преимущественно только для этой страны. Так как иммигранты потенциально увеличивали численность национальных меньшинств в стране, законодательство и подзаконные акты делали их легализацию, а тем более натурализацию, практически невозможной. Румынская администрация старалась максимально ограничить въезд в страну мигрантов из России. Генеральный комиссар Бессарабии направлял в пограничные пункты на восточной границе многочисленные приказы о необходимости принимать меры для сокращения притока переселенцев из-за Днестра, строже проверять их документы. Подобные распоряжения отдавала и местная сигуранца [16]. Румынские пограничники не пропускали беженцев в Бессарабию, а тех, кто пытался перейти рубеж нелегально и был замечен пограничниками, расстреливали [17]. В то же время отдавались приказы всех желающих беспрепятственно пропускать из Бессарабии за Днестр, за исключением военнообязанных бессарабцев и румынских граждан [18].

Эмигранты из Советской России, которые искали в Бессарабии убежища от большевистских репрессий, попадали в сложную ситуа-

цию. В глазах потенциальных русских эмигрантов Бессарабия выглядела привлекательно, так как в их понимании это была русская земля, там жили соотечественники, там говорили на русском языке и ходили в православную церковь. Однако после того, как им удавалось попасть в Бессарабию, оказывалось, что жить здесь совсем нелегко, как экономически, так и из-за массы законодательных и политических ограничений. Поэтому Румыния стала своеобразной перевалочной базой для эмигрантов из Советской России, покинувших родину во время и сразу после окончания гражданской войны, а также для военнослужащих армии Врангеля, которых Румыния вынуждена была принять по требованию международной комиссии после их интернирования в Константинополе. Различные источники называли противоречивые цифры, характеризующие количество эмигрантов в Румынии. Согласно отчету, представленному Румынией в Лигу Наций в 1921 г., их было более 100 тысяч, Красный Крест указывал на наличие 60 тысяч, включая репатриантов в Бессарабию.

Иммиграция, как фактор, оказавший значительное влияние на численность русских бессарабцев, заслуживает особо детального рассмотрения. Иммигранты, прибывавшие в Бессарабию после Первой мировой войны, оседали в основном в городах. Так, из 38 116 человек, прибывших в Бессарабию с 1 января 1918 г. по 1 апреля 1920 г. и официально заявивших о своем прибытии, 34 725 обосновались в городах, в основном в Кишиневе и Бельцах, и только 3391 поселились в селах [19]. Большинство прибывших из-за Днестра (33 449) были евреями, спасавшимися от ужасов петлюровских погромов. Русские в этом списке занимали второе место — их было 2273 [20]. При этом специалисты-статистики считали, что истинное число иммигрантов из-за Днестра более чем в два раза превышало число официально зарегистрированных [21]. Это обстоятельство, среди прочих, также объясняет увеличение доли русских среди горожан. Есть основания считать, что абсолютное большинство незарегистрированных иммигрантов были русскими. Евреи-беженцы регистрировались в различных еврейских благотворительных организациях, так как это давало им право на получение финансовой и материальной поддержки и помощи в эмиграции в другие страны. Последнее обстоятельство — использование Бессарабии в качестве промежуточного пункта для дальнейшей миграции — влияло на поддержание стабильного удельного веса евреев в составе горожан, несмотря на активную их иммиграцию в Бессарабию в годы гражданской войны в России). Русским же регистрация не сулила ничего, кроме опасности быть высланными назад за Днестр, и поэтому они избегали заявлять о своем прибытии.

В 20-е гг. приток иммигрантов в Бессарабию сократился. В 1924 г. из России в Бессарабию прибыло (официально) 3476 беженцев, мно-

гие из которых проследовали дальше, в страны Западной Европы [22]. В 1924 г. правительство опубликовало правила, согласно которым имели право на возвращение в Бессарабию из России те, кто здесь родился, кто имел близких родственников, готовых взять иммигрантов на содержание, те, кто до 1918 г. постоянно проживал в губернии. Как факт рождения в Бессарабии, так и факт постоянного проживания здесь необходимо было подтвердить документально. Не подходившие под перечисленные категории подлежали высылке. Впрочем, те, кто отвечал предъявленным условиям, но перешли Днестр нелегально, подлежали допросу специальной комиссией. Если комиссия определяла, что они соответствуют вышеперечисленным требованиям, дающим право на въезд в Бессарабию, их освобождали, но тут же предавали военному суду «за нелегальный переход границы», а иного способа попасть в Бессарабию из России в то время просто не существовало [23].

Исследователи считают, что в начале 20-х гг. из России в Румынию в общей сложности прибыло 45 тысяч эмигрантов [24]. Однако вследствие дальнейшего передвижения на запад одних и натурализации других их численность в 30-е гг. значительно уменьшилась. Если в 1924 г. представитель Нансеновской комиссии в Румынии оценивал количество эмигрантов русского и украинского происхождения в 15 тысяч человек, то в 1936 г. в Румынии проживало 6417 владельцев нансеновских паспортов, в которые были внесены, согласно существовавшим правилам, также жены и дети, то есть российская эмигрантская община насчитывала в Румынии в те годы примерно 11 тысяч человек [25]. Если сравнить эту цифру с числом бессарабцев, не имевших румынского подданства в середине 30-х гг. (это десятки тысяч человек), становится очевидным, что в категории лиц без гражданства продолжали оставаться люди, имевшие полное право на обретение румынского гражданства.

Ассимиляторская политика по отношению к нерумынскому населению делали жизнь иммигрантов в этой стране малокомфортной, а экономические трудности поддерживали ее непривлекательность для потенциальных переселенцев. В то же время политический режим и кризисное состояние экономики стимулировали эмиграцию из страны. По расчетам В.С. Зеленчука, с 1922 по 1930 г. Бессарабию покинули 300 тысяч жителей [26]. Ежемесячно по нескольку сотен бессарабцев получали паспорта с целью выезда за границу [27]. Практически во всех крупных европейских государствах — Франции, Германии, Австрии, Италии — в эти годы создавались союзы бессарабских эмигрантов, что также является косвенным свидетельством активной эмиграции из Бессарабии.

Румынские статистические ежегодники 30-х гг. публиковали сведения об эмигрантах, однако без указания провинций страны, из которых они выезжали. Так, в 1935 г. с территории Румынии русское население направлялось в Северную Америку, Аргентину, Бразилию,

Уругвай, в 1936 г. — в Аргентину и Парагвай, в 1937 и 1938 — в Парагвай и Канаду. Можно предполагать, что значительное число их уезжало из Бессарабии, так как русские в основном жили в Бессарабии, а не в других провинциях Румынии [28]. Эмиграция из Бессарабии была намного выше, чем в целом из Румынии. По данным министерства труда Румынии, за 1925 г. из Бессарабии эмигрировало 12 240 человек, в то время как из всех остальных провинций страны — 595 [29].

Значительное распространение имела трудовая миграция из Бессарабии в другие районы Румынии, где рынок труда был более емким. По переписи 1930 г., только в провинциях Старого Королевства проживало 75 292 уроженца Бессарабии. Экономически более развитые румынские города поглощали дешевую рабочую силу из Бессарабии [30]. По сведениям Инспектората труда Бессарабии, с 1931 по 1939 г. местные биржи труда отправили в другие румынские провинции более 40 тысяч зарегистрированных безработных [31]. К ним следует прибавить неизвестное, но тоже, очевидно, значительное число тех, кто искал работу в Румынии самостоятельно.

Впечатляющие масштабы имела эмиграция за Днестр, которая в 20-е гг. приобрела нелегальный характер. Только с июля по сентябрь 1918 г. Бессарабский директорат внутренних дел выдал переселенцам более 1000 пропусков для выезда на Украину [32]. С 1919 г. переселение бессарабцев в Советскую Россию было официально запрещено, но тем не менее продолжалось, и довольно активно. Бежали за Днестр более 50 тысяч участников Хотинского восстания с семьями. Предполагается, что часть участников Бендерского восстания 1919 г. также спасались от репрессий за Днестром [33].

Большая часть служащих в Бессарабии не считали возможным присягать на верность румынской короне, так как видели в этом акте недопустимое нарушение уже принесенной клятвы на верность российской монархии [34]. Из-за отказа принять присягу были уволены тысячи железнодорожников, сотни учителей и служащих земства и многие другие [35]. Сотни служащих почт и телеграфа, железной дороги, санитарных, медицинских и ветеринарных учреждений, лесного хозяйства, органов охраны правопорядка по этой причине покинули Бессарабию [36].

Через Днестр в СССР уходили участники коммунистического подполья, когда дальнейшее пребывание в Бессарабии становилось для них опасным, молодые люди, спасавшиеся от призыва в румынскую армию, а также экономические эмигранты [37]. Так, по сводкам сигуранцы г. Аккермана, в феврале 1937 г. исчезли из дома, предположительно бежали за Днестр, пятеро молодых людей, в июле того же года — еще 16 жителей города [38]. Наблюдался и встречный поток беженцев из Советского Союза в Бессарабию, активизировавшийся в начале 30-х гг. в связи с коллективизацией и голодом на Украине, однако пограничные

службы как с одной, так и с другой стороны успешно справились с поставленной перед ними задачей прекратить эти перемещения.

Естественно, что нелегальные переходы не могли регистрироваться, особенно те, что совершались из Бессарабии за Днестр. Количество эмигрантов из Бессарабии, вероятно, в те годы, когда многие стремились выехать из СССР, явилось феноменом для страны. В 1924 г. было создано «Общество бессарабцев», ячейки которого действовали в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Одессе, Баку и на территории Молдавской АССР [39].

В 1934 г., в связи с установлением дипломатических отношений с Россией, румынская администрация провела новую проверку иностранных подданных и лиц без подданства или находящихся в процессе ходатайства о получении румынского подданства. Большинству бывших граждан Российской империи было отказано в румынском подданстве, так как румынская администрация рассчитывала, что таким образом вынудит их оптировать в пользу советского гражданства и выехать в Советский Союз. На совещании высших полицейских чинов в Бухаресте даже было принято решение о насильственной высылке за Днестр всех принявших советское гражданство [40]. После обнародования в Кишиневе распоряжения министерства внутренних дел Румынии об обязательном обмене русских паспортов на советские для бывших российских подданных, не принявших румынского гражданства, за один день 300 русских подданных из 500, официально зарегистрированных в городе, заявили в органах полиции свой отказ от советского гражданства. По данным министерства внутренних дел, в Бессарабии проживало около 3500 человек, которые в свое время отказались от румынского подданства, но не собирались принимать советское [41].

В 1937 г. под эгидой Лиги Наций было проведено социологическое обследование с целью выявления количества эмигрантов из Советской России в 25 европейских странах, в том числе и в Румынии. Согласно полученным в ходе обследования данным, количество эмигрантов из России в Румынии уменьшилось за 15 лет более чем в 3 раза: с 35–40 тысяч в 1922 г. до 11 тысяч в 1937 [42].

Миграционные, а также экономические и политические процессы, протекавшие в Бессарабии в межвоенный период, значительно повлияли на соотношение городского и сельского русского населения провинции. Если в 1897 г. в городах жила почти половина русских, то в 1930 г. — только треть. Как уже указывалось, значительный рост доли русских жителей села объяснялся тем, что многие украинцы назвали себя русскими в ходе переписи 1930 г. Можно назвать и другие причины данного явления — миграцию из города в село по экономическим причинам [43], уклонение иммигрантов, которые жили в основном в городах, от регистрации, а также неопределенное положение части

коренного русского населения городов, по тем или иным обстоятельствам не оформивших румынского подданства и избегавших регистрации из-за опасения быть высланными из Румынии. Сыграла свою роль и более высокая миграционная активность городских жителей, а также уменьшение общей численности городского населения в Бессарабии в межвоенные годы. Следствием стало то, что при уменьшении доли горожан в составе русского населения доля русских в составе городского населения несколько повысилась (с 24,4% до 26,8%).

Немаловажными причинами увеличения доли русского населения среди горожан были эмиграция евреев, которые в основном проживали в городах, из Бессарабии в начале XX в. и то, что часть горожан, принадлежавших к другим этническим группам (поляков, немцев, армян, греков и др.), постепенно ассимилировались в русской атмосфере бессарабских городов и называли себя во время переписи русскими.

Число русских и их удельный вес в составе всех жителей городов значительно варьировались. В большей степени «русскими» были Измаил, Килия, Вилков, Бендеры, где русские составляли половину населения и более (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Удельный вес русского населения в составе городского населения Бессарабии

Города	1897		1930	
	абс.	в %%	абс.	в %%
Аккерман	5 524	20,2	12 273	36,9
Бельцы	3 627	19,6	5 426	17,7
Бендеры	10 984	34,5	15 116	48,2
Измаил	7 797	34,7	14 485	59,4
Болград	1 391	11,3	1 444	10,1
Килия	2 200	18,9	8 652	50,2
Рени	1190	17,1	3 472	20,1
Кишинев	29 299	27,0	19 631	17,1
Кагул	1 225	17,1	3 472	29,1
Оргеев	1 273	10,3	680	4,4
Сороки	2 235	1,5	1 297	8,6
Хотин	4 676	25,4	5 619	36,6
Комрат*	–	–	454	3,7
Калараш *	–	–	206	4,3
Вилков*	–	–	5 506	74,3
Тузлы*	–	–	911	28,9
Леово*	–	–	501	7,7

* Данные населенные пункты получили статус городов после присоединения Бессарабии к Румынии.

Около трети жителей составляли русские в Аккермане, Рени, Кагуле, Хотине, Тузлах. Во всех этих городах удельный вес русских жителей значительно вырос за 30 лет. Однако одновременно резко снизилось число русских жителей как в абсолютном выражении, так и по той доле, которую они составляли в массе жителей, в столице провинции — с 29 тысяч до 19 тысяч человек, или с 27% до 17% всех кишиневцев. Вероятно, это произошло из-за массовых увольнений русских чиновников, сокращения количества русских школ, лишения пенсий отставных военных и служащих. Именно представители этой группы активнее эмигрировали из Бессарабии по политическим мотивам или переезжали в сельскую местность по мотивам экономическим.

Сразу же после принятия краевым советом депутатов Сфатул Цэрий Декларации об условном присоединении Молдавской Республики к Румынии 27 марта 1918 г. румынское правительство приняло Закон о национализации, согласно которому все жители Бессарабии должны были принять румынское подданство, перейти на румынский язык в публичной сфере и подчиняться румынским законам. Лица, отказавшиеся от «национализации», вносились в особые списки, именовались «иностранцами», подвергались особому контролю со стороны полиции и теряли, по существу, все политические и гражданские права. Однако по разным причинам, десятки тысяч жителей городов и сел Бессарабии отказались принять подданство Румынии [44].

Особенно сильным сопротивление смене подданства было в первые годы после присоединения, так как многие бессарабцы были против этого акта и надеялись на то, что Бессарабия будет возвращена России. Многие, особенно государственные служащие и служащие земства, предпочитали выезд из Бессарабии принятию румынского подданства [45].

Несмотря на значительное сокращение общей численности и удельного веса в составе населения города, кишиневцы по-прежнему составляли самую крупную русскую колонию: здесь проживала пятая часть всех русских горожан. Но следует отметить, что в конце XIX в. в Кишиневе проживала почти половина всех русских горожан. Большие группы русских, составлявшие от 12 до 15% всех русских горожан, были зарегистрированы в Аккермане, Измаиле, Бендерах. В остальных уездных городах они были представлены несколькими тысячами, а в заштатных — и несколькими сотнями человек, хотя в таких заштатных городах, как Болград, Килия, Вилков, Рени, проживало от 3 до 11 тысяч русских.

Миграция из городов в села обусловила быстрый рост численности сельского населения русского происхождения в 20-е гг. Число

русских жителей села к 1930 г. выросло в 3 раза по сравнению с концом XIX в., составив десятую часть всего сельского населения Бессарабии. Косвенным свидетельством активной миграции из города в села служат данные переписей, свидетельствующие об увеличении числа русских, занятых сельскохозяйственным трудом, и об уменьшении числа тех, кто был занят в сугубо городских отраслях, таких как торговля и кредит или государственная и частная служба. В сельском хозяйстве и сельскохозяйственных промыслах оказались занятыми 74,3% всех русских, проживающих в Бессарабии, в то время как на государственной и частной службе было занято лишь 3,5% русских. В 1897 г. сельским хозяйством занимались 41,4%, а служили — 25,4% русских. Уменьшилась также доля русского населения, занятого в промышленности и строительстве, торговой и кредитной сферах (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Удельный вес русского населения среди занятых в отдельных сферах деятельности *

Отрасли	1897			1930		
	Всего занятых	В т. ч. русских	в %%	Всего занятых	В т. ч. русских	в %%
Сельскохозяйственное производство и промыслы	1 464 946	64 442	4,4	2 363 707	261 702	11,1
Промышленность, строительство и ремесло	104 934	21 582	20,6	131 463	24 491	18,6
Торговля и кредит	116 272	12 476	10,7	109 078	9 678	8,9
Транспорт и связь	22 296	6 118	27,4	38 855	11 332	29,2
Гос. и частная служба**	168 288	39 607	23,5	131 211	17 060	13,0

* Так как доля активного населения и доля всего населения (активное население плюс члены семей), занятого в отрасли, практически совпадают, в таблице используются данные, характеризующие все население.

** В т. ч. прислуга.

В абсолютном выражении число занятых в сельском хозяйстве русских выросло в 4 раза, в процентном — в 2,5 раза. Горожане были

вынуждены переезжать в село из-за продолжающегося упадка в промышленности, на транспорте и в связи, в финансово-кредитной деятельности, то есть в отраслях, которые служили основными сферами занятости русских бессарабцев в условиях царской России. Одновременно шло искусственное вытеснение русских из государственных учреждений и системы образования, а большое число бывших военнослужащих русской армии так и не смогли найти себе применения на рынке труда. Утратив прежние позиции, бывшие военнослужащие, чиновники, учителя вынуждены были искать иные средства существования. В связи с этим в 20-е гг. происходило перераспределение русского населения Бессарабии между городом и селом. Если в 1897 г. в селах проживала половина русских бессарабцев, то в 1930 сельские жители составляли более двух третей русского населения края.

Мы не имеем возможности сравнить население отдельных сел по переписям 1897 и 1930 гг., так как опубликованные итоги переписи 1897 г. не дают таких сведений. Цифры, опубликованные В. Бутовичем [46] в годы Первой мировой войны, значительно занижают численность русского сельского населения. Если по переписи 1897 г. в селах губернии проживало 84 153 русских, то на 1907 г. В. Бутович дает вдвое меньшую цифру. Материалы переписи 1930 г. предоставляют возможность выяснить реальный этнический состав населения каждого бессарабского села, однако при работе с этими материалами следует помнить, что перепись отразила политические задачи составителей, а во многих селах украинцы назвали себя русскими. В этих селах несоответствие между числом представителей определенного этноса и числом людей, считавших родным язык данного этноса, очевидно. Данная ситуация не отслеживается в материалах переписи 1897 г., так как в ней присутствовал вопрос о родном языке, но отсутствовал вопрос об этнической принадлежности.

Во время проведения переписи 1930 г. сыграло свою роль и то обстоятельство, что официально все подданные румынской короны считались румынами (по признаку гражданства). Эта идея настойчиво пропагандировалась в населении, так как способствовала достижению формальной моноэтничности румынского государства и ассимиляции национальных меньшинств. В результате определенная часть населения намеренно или по незнанию была зарегистрирована как румыны, родным языком которых были русский, украинский и др.

Удельный вес русских в составе сельского населения значительно вырос во всех уездах по сравнению с 1897 г. (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Удельный вес русского населения в составе сельского населения Бессарабии

Уезды	1897		1930	
	абс.	в %%	абс.	в %%
Аккерманский	19 799	8,4	45 288	14,9
Бельцкий	10 479	5,4	41 143	11,6
Бендерский	7 523	4,7	29 419	11,2
Измаильский	26 432	14,4	33 068	22,1
Кишиневский	4 040	2,4	9 933	3,3
Оргеевский	4 395	2,2	10 066	3,8
Сорокский	8 379	4,1	24 439	8,1
Хотинский	13 106	4,5	47 834	12,7
Кагульский	–	–	11 222	6,3

Особенно высоким удельный вес русского сельского населения был в Аккерманском и Измаильском уездах, где достиг пятой части всего сельского населения. В этих уездах русские крестьяне обосновались целыми селами еще в первой половине XIX в. Это были села Успенское, Введенское, Вознесенское, Павловка Аккерманского уезда, крупные старообрядческие села Измаильского уезда — Старая и Новая Некрасовка, Муравлевка, Жебриены, Карячка и др.

В Хотинском, Сорокском и Бельцком уездах долю русского населения, очевидно, завысили те украинцы, которые назвали себя русскими. В конце XIX в. в этих уездах доля русского населения составляла 4–5%, а так как массовых организованных переселений русских в сельскую местность Бессарабии в первые десятилетия XX в. не наблюдалось, то доля русского населения во всем сельском населении не могла увеличиться втрое, а их абсолютная численность — в 4 раза. В этих уездах было лишь несколько этнически однородных русских сел — небольшие по численности Новая Грубна и Липованка в Бельцком уезде, а также более крупные Грубно Хотинского уезда и Покровка и Кунича в Сорокском уезде.

Во всех остальных селах этих уездов русские жили небольшими группами, соседствуя с другими этносами, численно преобладавшими над ними, и поэтому подвергались массированному ассимиляционному воздействию. По данным переписи 1930 г., русские проживали практически во всех селах, например, Бельцкого уезда. В 175 селах этого уезда число русских жителей превышало 10 человек, то есть в каждом из них проживало более двух русских семей.

Наряду с изменением общей численности русского сельского населения в определенной степени изменилось и его распределение по

уездам, оно стало более равномерным. Если в конце XIX в. высоким удельным весом русских жителей села выделялись Аккерманский, Измаильский и Хотинский уезды, в которых проживало почти 60% русского сельского населения, то к 1930 г. доля русских жителей сел во всех уездах уменьшилась, но стало наблюдаться более равномерное их распределение по уездам. В названных трех уездах уже проживала половина всего русского сельского населения, еще около 40% проживали в Бельцком, Бендерском и Сорокском уездах. Попрежнему мало русских было в селах Кишиневского и Оргеевского уездов (по 4%), однако их абсолютная численность здесь выросла более чем в два раза.

В 30-е гг. основным фактором изменения численности жителей Бессарабии был естественный прирост. На протяжении всего исследуемого периода из-за роста смертности естественный прирост населения Бессарабии был ниже, чем в целом по Румынии. Если в 20–30-е гг. смертность в Румынии составляла 20,1%, то в Бессарабии она достигала 23,6%. Согласно некоторым данным, естественный прирост населения Румынии в 30-е гг. составил в среднем 1,22% в год, варьируясь для разных этнических групп населения. Если базироваться на этом показателе, то число русских в Румынии за 10 лет, с 1930 по 1940 г., могло увеличиться на 10,2% [47] и составить к 1940 г. 387 807 человек. Так как перепись населения в 1940 г. не проводилась, а миграционные процессы в связи с передачей Бессарабии Советскому Союзу активизировались, исследователи противоречат друг другу, логике, а часто и сами себе, в оценке количества русского населения в Бессарабии накануне Великой Отечественной войны. Так, в статье, опубликованной в «Revista de istorie», В. Стэвилэ на стр. 9 приводит расчетные данные о том, что в январе 1940 г. в Бессарабии проживало 132 тысячи русских, а уже на следующей странице утверждает, что русских в Бессарабии в июне того же года насчитывалось 247 456 [48]. Ни та, ни другая цифра не представляются достоверными, так как они указывают на значительное, в 1,5 и даже более чем в 2 раза, уменьшение количества русских в крае за 10 лет, что в отсутствие массового исхода было невозможно.

Представляется, что расчетные данные, основанные на учете естественного прироста, более соответствуют реальной численности русского населения. При этом, однако, следует учитывать, что уровень естественного прироста в Бессарабии по сравнению со всей Румынией был значительно ниже. В 1935–1940 гг. здесь наблюдался отрицательный баланс между числом родившихся и числом умерших [49]. Тем не менее количество русских в крае в начале 1940 г. не могло быть меньше их числа в 1930 г. и составляло, с учетом эми-

грации, снижения темпов естественного прироста и ассимиляции, никак не менее 350 тысяч человек.

События лета 1940 г. также оказали влияние на численность русских в Бессарабии. Среди 50 тысяч бессарабцев, которые предпочли жить в Румынии, а не в Советском Союзе, и выехали за Прут, несомненно, определенную часть составляли русские. Сколько их было, определить сегодня невозможно. С другой стороны, русские были и среди 150 тысяч репатриантов из Румынии в Бессарабию [50], вернувшихся до 26 июля 1940 г. По некоторым данным, к 16 декабря 1940 г. из-за Прута прибыло более 200 тысяч бессарабцев [51]. Некоторые из них, вернувшись в Бессарабию, проследовали дальше на восток, но уже не по своей воле: среди 13 875 выселенных советской администрацией в 1940–1941 гг. бессарабцев было 6 тысяч русских – бывших солдат и офицеров белых армий, а также других «классово чуждых элементов». Одновременно из других районов СССР в Бессарабию прибыли 11 580 человек — в основном это были специалисты народного хозяйства, совпартработники и военные [52]. Так как все эти перемещения совершались в обоих направлениях, как в Бессарабию, так и из нее, они не могли существенно сказаться на общей численности населения края, в том числе и русского.

Более ощутимое влияние на этнический состав населения оказало создание Молдавской Советской Социалистической республики и волевое отделение от Бессарабии Аккерманского, Измаильского и основной части Хотинского уездов. Как известно, в этих уездах удельный вес русского населения был высок. В 1930 г. только в этих трех уездах было зарегистрировано более 126 тысяч русских, то есть более трети всего русского населения края [53]. В районах Бессарабии, вошедших в состав МССР, в октябре 1940 г. было зарегистрировано 150 300 тысяч русских [54]. На январь 1941 г. источники дают уже цифру 191,5 тысячи [55].

На протяжении практически всего межвоенного периода русское население Бессарабии находилось в постоянном движении. На его численность и демографические характеристики оказали влияние политические и экономические процессы, проходившие в Румынии и в России, а также этнические процессы, проходившие в среде бессарабского населения и выразившиеся в изменении этнической идентичности некоторой части различных этнических групп, проживавших на территории края.

Русская община края пополнялась эмигрантами и беженцами из Советской России и теряла своих членов за счет тех, кто уезжал в Россию после присоединения Бессарабии к Румынии, а также тех, кто пытался найти лучшие условия жизни на Западе. Изменение местных политических и экономических условий способствовало

также перераспределению русского населения между городом и селом в пользу последнего. В результате миграционных процессов и естественного прироста русское население Бессарабии в межвоенный период значительно выросло количественно. За три десятилетия XX в. численность русского населения увеличилась более чем в 2 раза. Русские стали самой крупной этнической группой в крае после молдаван.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Georgescu V.* Istoria romanilor. De la origini pîna în zilele noastre. Bucureşti, 1995. P. 207; Anualrul statistic al României, 1939 si 1940. Bucureşti, 1940. P. 41; *Manuila S., Gerogescu D.* Populaţia României. Bucureşti, 1937. P. 90.

2 *Анцупов И.А.* Русское население Бессарабии и Левобережного Приднестровья в конце XVIII–XIX в. Кишинев, 1996; *Зеленчук В.С.* Население Молдавии: демографические процессы и этнический состав. Кишинев, 1973; *Он же.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979; *Кабузан В.М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII — первая половина XIX в.). Кишинев, 1974; *Табак И.В.* Русское население Молдавии. Численность, расселение, межэтнические связи. Кишинев, 1990.

3 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 21.

4 *Загородная Е.М., Зеленчук В.С.* Население Молдавской ССР (Социально-демографические процессы). Кишинев, 1987. С. 6.

5 *Брук И., Кабузан В.* Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // Советская этнография. 1982. № 5. С. 7.

6 *Cazaci P.* Zece ani de la Unire: Moldova între Prut şi Nistru, 1918–1940. Bucureşti, 1928. P. 9; *Giurgea E.* Din trecutul şi prezentul Basarabiei. Bucureşti, 1928. P. 113.

7 См.: *Giurgea E.* Op. cit. P. 113.

8 Dicţionarul statistic al Basarabiei. Chişinău, 1923.

9 Подсчитано по: Dicţionarul statistic al Basarabiei. P. 11.

10 *Табак И.В.* Русское население Молдавии. С. 68.

11 *Зеленчук В.С.* Население Молдавии. С. 26.

12 Basarabia. Monografie. Chişinău, 1926. P. 87–100.

13 Recensâmîntul general al populaţiei României din 29 decembrie 1930. Vol. I. Bucureşti, 1938. P. XXVIII.

14 См.: История Молдавской ССР. Т. II. Кишинев, 1968. С. 98; *Загородная Е.М., Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 20.

15 *Табак И.В.* Указ. соч. С. 70.

16 Национальный Архив Республики Молдова (далее — НАРМ). Ф. 680. Оп. 1. Д. 3194. Л. 5; Ф. 742. Оп. 1. Д. 45.

[17] Там же. Л. 134.
[18] Там же. Ф. 742. Оп. 1. Д. 45. Л. 857.
[19] *Giurgea E.* Op. cit. P. 146.
[20] Ibid. P. 145.
[21] *Smadu N.* Contribuţia studiului demografic la progresul igienei în Basarabia. Chişinău, 1927. P. 6.
[22] Бессарабское слово. 1925. 28 ноября.
[23] Бессарабская почта. 1924. 10 мая.
[24] *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. London, New York, Toronto: Oxford Univ. Press, 1939. P. 413.
[25] Curentul. 1937. 3 martie.
[26] *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 29.
[27] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 60. Л. 32.
[28] *Табак И.В.* Указ. соч. С. 67.
[29] *Кустрябова С.Ф.* Города Бессарабии. 1918–1940. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 32.
[30] Anuarul statistic al României. 1939–1940. Bucureşti, 1941. P. 100–115.
[31] *Кустрябова С.Ф.* Указ соч. С. 32.
[32] *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 28.
[33] История Молдавской ССР. Т. II. С. 98, 102–103.
[34] *Erbiceanu V.* Naţionalizarea justiţiei şi unificarea legislativă în Basarabia. P. 65.
[35] *Лунгу В.Н.* Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918–1920 гг. Кишинев, 1979. С. 145–149; *Фулга И.* Страницы истории // Коммунист Молдавии. 1971. № 10: *Лунгу В.Н.* Указ. соч. С. 149, 151; Борьба трудящихся украинских Придунайских земель за социальное и национальное освобождение, 1918–1940 гг. Сб. документов и материалов. Одесса, 1967. С. 47; НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 75. Л. 29; Ф. 1712. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–27. *Mateiu I.* Renaşterea Basarabiei. Bucureşti, 1921. P. 203.
[36] *Mateiu I.* Op. cit. P. 202–205.
[37] Много молодежи бежит в Советскую Россию // Бессарабская почта. 1934. 10 сентября.
[38] НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3797. Л. 123, 124.
[39] *Копанский Я.М.* Общество бессарабцев в СССР и союзы бессарабских эмигрантов (1924–1940). Кишинев, 1978. С. 5.
[40] Бессарабская почта. 1934. 23 августа.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] См.: *Кустрябова С.Ф.* Указ. соч. С. 33.
[44] *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 32.
[45] *Giurgea E.* Op. cit. P. 113.
[46] *Бутович В.* Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии. Киев, 1916.
[47] *Golopeniţa A.* Populaţia teritoriilor româneşti desprinse în 1940 // Geopolitica şi geoistoria: Revista română pentru sudestul european. 1941. № 3. P. 3.

48 *Stavila V.* Populația Basarabiei // Revista de istorie a Moldovei. 1993. Nr. 3. P. 10.

49 *Кустрябова С.Ф.* Указ. соч. С. 34.

50 *Шорников П.* Сколько было мигрантов в Молдавской ССР в 1940–1941 годах // Советская Молдавия. 1991. 15 марта.

51 *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1972. С. 471.

52 Там же.

53 Recensământul general al populației României din 20 decembrie 1930. Vol. . P. XXVIII.

54 *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 40.

55 *Шорников П.* Указ. соч.

К. Иордан

Румыния и армия барона Врангеля

В октябре 1920 г. армия барона П.Н. Врангеля была последней опорой антибольшевистского сопротивления на Юге бывшей Российской империи. Глава большевистского правительства В.И. Ленин, принимая во внимание угрозу, которую армия Врангеля представляла для советской власти, в середине октября дал указания командующему Красной армией на южном фронте М.В. Фрунзе блокировать отход белогвардейских войск в Крым. Согласно подсчетам некоторых специалистов, преимущество в силах было на стороне Красной армии — 3 к 1 в кавалерии и 4 к 1 в пехоте. Помощь из Франции, подоспевшая к концу октября (теплая одежда, патроны, артиллерийские боеприпасы), а также нелегальные поставки оружия из Болгарии, были уже слишком запоздалыми для Врангеля. В начале ноября его армия потерпела поражение в зоне Перекопа. Тем самым Красная армия получила зеленый свет в Крым, но не была способна одним ударом реализовать свою главную цель, т. е. уничтожить белогвардейскую армию. Осознавая этот факт, Фрунзе предлагал 11 ноября барону Врангелю прекратить противостояние, объявив общую амнистию всех солдат обеих армий. Но Врангель в ответ на это приказал прервать все телефонные связи с командованием Красной армии.

29 октября, за день до начала наступления Красной армии, Врангель попросил главу французской дипломатической миссии при «правительстве Юга России» графа Мартела и военных представителей США, Италии и Японии в Севастополе поинтересоваться в представительствах своих государств в Константинополе, могут ли те предоставить свои корабли для эвакуации Белой армии с Юга России. Но так как ответ запаздывал, командование начало подготовку эвакуации, рассчитывая на собственные силы, хотя внешняя поддержка была абсолютно необходима. 11 ноября Врангель вновь попросил у Франции корабли, а также деньги, необходимые для эвакуации армии и гражданского населения, предлагая взамен военный

и торговый флот Южной России. В этот же день происходили последние заседания «правительства Юга России», после чего премьер А.В. Кривошеин сел на английское судно «Кентавр», направившись в Константинополь для того, чтобы обсуждать проблемы эвакуации с высокопоставленным французским представителем генералом Пеле.

12 ноября под командованием адмирала Кедрова началась эвакуация армии и гражданских лиц. Граф Мартел и адмирал Дюмеснил (командующий французским флотом в Средиземном море) заверили Врангеля в том, что Франция берет на себя оборону Крыма, заключив предложенную сделку. По подсчетам, число эвакуируемых должно было составить примерно 30 тысяч человек, не все они могли быть приняты в Константинополе. Командующий французским корпусом в Средиземноморских проливах генерал Шарпи информировал Париж о трудностях, усугубившихся вследствие того, что Великобритания и остальные союзники, сдержав свой нейтралитет, устранились от оказания помощи в эвакуации армии Врангеля. Французы, однако, сохраняли надежду, что страны-союзницы возьмут на себя часть забот в отношении беженцев уже в Константинополе. Генерал Пеле утверждал, что французские органы, находящиеся в Константинополе, не могут нести ответственности за столь большой поток эмиграции; ситуация может стать критической, если не прибудет в срочном порядке помощь от французского правительства, союзников и балканских государств. Премьер-министр Франции Дж. Лейгес в срочном порядке сообщил генералам Шарпи и Пеле о том, что Париж призвал все балканские государства принимать русских беженцев и в свою очередь был готов временно взять на себя основные расходы, касающиеся пропитания, организации убежищ и т. д. Шарпи информировал дипломатического представителя «правительства Юга России» в Константинополе Л.А. Нератова о действиях французского правительства, выразив надежду на то, что и соседние страны примут хотя бы 20 тыс. беженцев.

Однако последующая эволюция событий превзошла все ожидания французских военных властей. 16 ноября в Константинополь прибыло 45 судов, на которых, согласно информации, предоставленной русскими эмигрантами, находилось свыше 40 тыс. человек, из которых три четверти составляли военные. Однако в реальности людей было на 30 тыс. больше. На второй день адмирал Дюмеснил сообщил Шарпи, что, по предположениям Врангеля, количество эмигрантов достигнет 110 тыс. человек. Но уже 18 ноября их было в Константинополе 100 тыс., 19 ноября 120 тыс., ждали еще 30 тыс. Было очевидно, что в зоне проливов в самое ближайшее время найдут убежище свыше 150 000 человек. Однако, по оценкам французских властей, провизии хватило бы только на 10 дней.

Позже, выступая в Брюсселе в 1926 г., барон Врангель говорил, что из Крыма в Константинополь прибыло 126 судов, на которых эвакуировали 100 тыс. солдат, офицеров и казаков (среди них 6 тыс. раненых и инвалидов) и 50 тыс. гражданских лиц (в том числе 13 тыс. мужчин, 30 тыс. женщин и 7 тыс. детей). Согласно данным советских агентов, из портов Крыма было эвакуировано 15 тыс. казаков, 12 тыс. боевых офицеров, 4–5 тыс. солдат действующей армии, 10 тыс. кадетов, 7 тыс. раненых военнослужащих (в основном офицеров), 30 тыс. офицеров и служащих интендантской службы, 60 тыс. гражданских лиц.

Тяжелое положение, сложившееся в конце месяца, побудило Нератова сообщить в Париж о том, что среди балканских государств только Румыния и Югославия согласились принять беженцев — Румыния 4 тыс. гражданских лиц, а Югославия 10–15 тыс. человек (как военных, так и штатских). Нератов от имени «правительства Юга России» обратился к французскому правительству с просьбой оказать влияние на другие страны, в частности Болгарию, Турцию, Венгрию, Грецию, чтобы те приняли беженцев. Важно было также быстро переселить 40 тыс. казаков, солдат и офицеров в Югославию, так как Великобритания считала неприемлемым их присутствие в проливах.

20 ноября правительство Франции разработало позицию по отношению к проблеме российских эмигрантов:

1. Требовать с государств региона, чтобы они приняли большее количество беженцев;

2. Обратиться к российским организациям во Франции с призывом к созданию благотворительной структуры для поддержки эмигрантов;

3. Информировать Врангеля о том, что из бывшего российского правительства и армии Париж будет делать ставку только на некоторые выдающиеся личности;

4. Французским властям в Константинополе следует объяснить беженцам, что если они хотят вернуться в Россию, то Франция ничего не имеет против и даже может помочь им репатриироваться. Французское правительство не считало желательным использование армии Врангеля в военных целях.

6 декабря барон Врангель выразил огорчение по поводу решения Франции квалифицировать солдат и офицеров его армии как гражданских беженцев. В результате они превратились бы, по его мнению, в огромную (70 тыс. человек) неуправляемую силу. Врангель просил сохранить структурную организацию Белой армии. Ситуация сложилась весьма деликатная и все закончилось компромиссом. Правда, генералы армии Врангеля все равно остались недовольны, пола-

гая, что французские власти последуют за британским премьером Д. Ллойд-Джорджем, разрешившим начать переговоры об установлении торговых отношений с Советской Россией. Речь шла в конечном итоге об отказе от идеи восстановления старой России.

Существуют различные данные относительно масштабов эвакуации из Крыма. Согласно подсчетам от 27 ноября 1920 г., 62 тыс. солдат, офицеров и казаков были расквартированы в военных лагерях в Хадинкей-Чаталджа (21 тыс. человек), в Галлиполи (22 тыс.), на о-ве Лемнос (18 тыс.). Кроме того, 9 тыс. беженцев находились в гражданских лагерях около Константинополя, 3600 в самом городе, 4300 в больницах, 6 тыс. на суднах, на которых они прибыли в порт Мода. 10 тыс. 900 были приняты балканскими государствами.

Вторая сводка, относящаяся к январю 1921 г., указывала на тот факт, что в зоне проливов оставалось еще свыше 100 тыс. эмигрантов: 64 707 в военных лагерях, 6641 в гражданских лагерях, 2824 в больницах, 5182 в районе порта, 622 нанялись на службу в иностранные легионы, 16 тыс. были разбросаны по разным местам без разрешения властей, 34 473 были дислоцированы в балканских государствах и Тунисе.

Следует напомнить, что 10 января 1921 г. британский посол в Париже лорд Хардинг говорил об опасности дислокации войск Врангеля в проливах, а новый премьер-министр Франции Аристид Бриан 19 января повторно выступил с призывом ко всем европейским странам, чтобы те принимали русских беженцев. С другой стороны, Врангель хотел, чтобы Белая армия сыграла роль сплотителя русской эмиграции, поэтому 12 марта 1921 г. на борту яхты «Лукумос» он провозгласил создание нового Русского совета как органа, который должен был сохранить Белую армию. В окружении Врангеля наблюдалось недоверие к Франции, особенно потому, что 17 апреля 1921 г. Бриан заявлял, что материальные затраты его страны не могут быть неограниченными. Он отмечал, что месячные затраты Франции на русских беженцев составляют 40 млн. франков, всего же Франция потратила с начала операции по приему эмигрантов 200 млн. франков, тогда как материальные компенсации, предложенные Врангелем, составили только 30–50 млн. франков. Правда, согласно другим источникам, эти компенсации достигали 100 млн. франков, если присоединить сюда еще увезенные из России ценности на сумму 3,7 млн. фунтов стерлингов, которые были переданы командованием белогвардейцев французскому правительству.

По мнению специалистов, причина прекращения финансирования беженцев носила не экономический, а политический характер. 16 марта Великобритания уже подписала торговую конвенцию с

Советской Россией, и ее примеру последовали через некоторое время Германия, Италия, Норвегия, Дания, Австрия, Чехословакия. Отсюда следует, что на Францию давила Англия. В этих условиях для Врангеля существовали лишь две альтернативы:

Во-первых, согласиться с возвращением части беженцев в Россию (а надо сказать, что в это время в Константинополе действовала группа большевистских агентов и в результате в период с 16 февраля по 17 сентября 1921 г. репатриировалось свыше 15 тыс. эмигрантов из района проливов).

Второй вариант не исключал перемещения некоторых эмигрантов в Перу, Бразилию, Мадагаскар и Францию, при этом армия потеряла бы свое военное значение. В Бразилию выразили желание поехать 2 тыс. человек. В конечном итоге пребывание белогвардейцев в балканских странах было единственной возможностью сохранить армию. Сербия выразила готовность приютить в Сремски-Карловаце войска и командование армии барона Врангеля; военные части предполагалось принять и в Болгарии.

В декабре 1920 г. в Болгарию было перевезено 3500 русских беженцев из зоны проливов, кроме того, большое количество беженцев использовало болгарскую территорию для транзита в другие европейские страны. В Югославию в это время прибыло 1906, в Тунис 4585, в Грецию 1742, а в Румынию 1800 человек [1].

Не углубляясь в детали отношений правительств Болгарии и Сербии к врангелевским беженцам, находившимся в зоне проливов, сосредоточим внимание на анализе точки зрения правительства Румынии по поводу русских эмигрантов. На позицию Бухареста в отношении проблемы русских беженцев влиял целый ряд факторов (заметим при этом, что речь идет о периоде с осени 1920 г. до конца 1922 г., когда в Лозанне открылась мирная конференция, сумевшая изменить измерение проблемы беженцев):

1. Эволюция румыно-французских отношений после окончания советско-польской войны и относившаяся к ноябрю 1920 г. просьба Парижа о том, чтобы румынское правительство приняло русских беженцев;

2. Разногласия между Лондоном и Парижем относительно судьбы барона Врангеля;

3. Динамика переговоров между Румынией и Советской Россией, касавшихся нормализации двусторонних отношений, до и после подписания Парижского договора (28 октября 1920) о присоединении Бессарабии;

4. Контакты между правительствами Бухареста и Софии до и после визита болгарского премьера А. Стамболийского в Румынию в январе 1921 г.;

5. Давление правительств Румынии, Югославии, Греции на Западе во время Парижской мирной конференции, а также через послов на Болгарию по поводу соблюдения военных пунктов договора в Нейи;

6. Последствия двусторонних договоров, заключенных между Югославией, Чехословакией и Румынией (август 1920 и июнь 1921 г.), выразившиеся в образовании Малой Антанты. Одним из пунктов этих договоров было сохранение территориального статус-кво этих стран, обусловленного в том числе договором в Нейи;

7. Внутренние и внешнеполитические последствия переговоров Болгарии с Советской Россией; двойственность дипломатии Софии и восприятие ее в Бухаресте;

8. Позиции Москвы, Коминтерна и Балканской коммунистической федерации, включавшей компартию Румынии, в отношении присутствия армии Врангеля на Балканах и проблемы репатриации русских беженцев;

9. Существовавшие планы военных атак армии Врангеля против Советской России с использованием баз на территории Румынии; участие в этих планах правительства Бухареста, которое противоречило решениям конференции в Женеве (апрель–май 1922 г.), на которой Москва сделала первый шаг к сближению с системой европейских государств;

10. Деятельность секретных служб белогвардейцев и некоторые проблемы внешних связей Румынии.

Некоторую информацию о судьбе русских беженцев в Румынии, условиях их жизни и позиции бухарестских властей в отношении русской эмиграции можно почерпнуть из двух оригинальных документов румынских архивов.

Первый документ — письмо из управления исполнения договоров МИД Румынии от 26 декабря 1922 г., подписанное генеральным секретарем МИД Румынии Н. Филодором и адресованное послу Румынии в Париже В. Антонеску. В нем было сказано: «в ответ на пожелание французского посольства наше правительство решило в ноябре 1920 г. приютить в стране 3000 русских беженцев, прибывших в Константинополь на военных и торговых судах ген. Врангеля. Это решение было принято нашим правительством после того как представитель Французской республики заверил нас в том, что компенсирует затраты на прием русских беженцев, и в том, что в числе беженцев будут только гражданские лица, женщины и дети. Хотя помимо всех прочих сложностей надо было принимать меры в связи с катастрофическим гигиеническим положением, в котором находились эмигранты, мы после неоднократных просьб французского посольства разрешили их въезд в страну и в

ноте от 28 ноября 1920 г. французское посольство сообщало МИД Румынии, что первые беженцы были направлены в Констанцу с помощью французских властей из Константинополя. В первых числах декабря 1920 г. Дашнер (посол Франции в Бухаресте. — *К.И.*) поручил морскому атташе Франции расквартировать беженцев в лагере около Текергела, где они должны были оставаться первое время. Среди них большинство составляли офицеры и солдаты врангелевской армии. С начала высадки этих беженцев и до настоящего времени наши власти считали, что как сами беженцы, так и военные и коммерческие суда генерала Врангеля находятся под протекторатом Франции согласно ноте посольства Франции от 29 ноября 1920 г.

Так как начиная с зимы 1920 г. и до сегодняшнего дня все затраты, сделанные румынским правительством, достигли суммы 10 млн. лей, которая росла изо дня в день, и ввиду того, что Румыния приняла на себя соответствующее обязательство только после многочисленных просьб французского посольства, просившего нас принимать беженцев из Крыма, прошу Вас найти выход из положения, созданного русскими беженцами, и попросить у Франции компенсировать наши затраты, отдав деньги наличными или списав нам наши долги в соответствии с юридически установленным порядком. Как только Вы установите вместе с французским правительством форму возврата наших затрат, я Вам пошлю счета».

15 января 1923 г. В. Антонеску информировал Бухарест через телеграф о результатах полученной просьбы. Французская сторона отрицала, что обещала румынскому государству вернуть все затраты на русских беженцев. Она утверждала, что французское правительство просило все страны-союзницы принимать солдат Врангеля только из гуманных соображений. Единственное временное исключение было сделано для сербского правительства, которое, согласившись принять 30 тыс. беженцев, получило от французского правительства деньги, необходимые для их обеспечения в течение 1–2 месяцев. После того как эти два месяца истекли, беженцы остались на попечении Сербии, которая использовала их для выполнения разных видов труда. Посол Антонеску просил Бухарест поискать документы, подтверждающие обязательства французского правительства, данные Румынии, и выслать ему копии этих документов[2].

Вопрос о том, давало ли правительство Франции обязательства оказать румынскому государству материальное и финансовое содействие в приеме беженцев, нуждается в дальнейшем изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 При изложении материала автор опирался на работы, вышедшие в Болгарии: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България. София, 1999; Бялата эмиграция в България. Материалы от научна конференция. София, 23–24 сентября 1999.

2 Переписка между МИД Румынии и послом в Париже В. Антонеску находится в архиве Национальной библиотеки Румынии. См.: Arhiva Bibliotecii Naționale a României. Fond Saint Georges, Pachet CCCLXVII, Dosar 1, nepaginat.

Перевод с румынского А. Стыкалиной-Колин

Т.А. Покивайлова

Проблемы адаптации русской белой эмиграции в Румынии. Виктор Богомолец — агент румынских секретных служб

Впервые заметки о Викторе Богомольце появились в журнале «Магазин историк», издаваемом в Румынии [1]. В 2002 г. в Бухаресте были опубликованы мемуары Н.Д. Стэнеску, который во времена, о которых здесь идет речь, был вице-директором румынской Секретной службы информации, возглавляемой генералом М. Морузовым. Один из разделов своей книги Стэнеску посвятил деятельности российского белоэмигранта Виктора Богомольца [2].

После бегства из России в Константинополь Виктор Богомолец стал агентом английских спецслужб «Интеллидженс-сервис». Будучи направленным англичанами со спецзаданием в Румынию, он был завербован румынскими секретными службами. Кстати говоря, подобных агентов в Румынии в 20-е гг. прошлого века было не мало. Можно упомянуть, например, сотрудника «Интеллидженс-сервис» Ростовцева-Брюхатова, который в России воевал в составе белогвардейской «Дикой дивизии», Богдана Аксакова, Измайлова, М. Народунагяна, капитана Потоцкого, а также экономиста В. Рота, в прошлом зав. кафедрой одного российского университета, царского прокурора Сергея Набокова, майора царской армии Александра Можайского, который стал главным информатором как румынских спецслужб, так и румынской полиции, генерала Херца, ранее служившего в Генштабе царской России, капитана морского флота Николая Саблина, который имел тесные связи с белогвардейскими организациями во Франции и представлял белогвардейцев, находившихся в Румынии, в Русском общевоинском союзе. Среди этой разношерстной российской эмиграции был даже советский военнослужащий, бывший слушатель одной из военных советских школ, который нелегально пересек советско-румынскую границу, используя переправу через реку Днестр [3]. Вместе со своим приятелем, также агентом «Интеллидженс-сервис» Ростовцевым-Брюхатовым он создал сеть информаторов, в основном из русских белогвардейцев, занимавшихся сбором сведений антисоветского характера.

Кто же такой Виктор Богомолец? Родился в 1895 г. в Киеве, окончил в Киеве факультет права, изучал медицину. Служил в царской армии в качестве военного врача. В 1920 г. был сотрудником белой контрразведки в России. Бежал в Константинополь. В тот же год перешел на службу в английскую разведку («Интеллидженс-сервис»). Получил английский паспорт и английское гражданство. С целью сбора информации он был направлен в Румынию, имевшей общую границу в Советской Россией, и в промежутке между 1922–1931 гг. некоторое время жил в Румынии, был женат на румынке. Хорошо знал румынский язык, хотя говорил с некоторым славянским акцентом. В 1931 г. находился во Франции, затем в Англии. С 1931 по 1933 г. проживал в Берлине, затем снова в Париже, но по-прежнему периодически посещал Румынию. В 1937 г. Богомолец возглавил румынский разведывательный центр в Париже, который вел наблюдение за деятельностью во Франции, Англии и Швейцарии, а также в других странах румынской политической оппозиции королю Румынии Каролю и румынскому правительству. В румынских спецслужбах проходил под кличкой «Доктор» [4]. По воспоминаниям современников, Виктор Богомолец был статный мужчина, блондин, веселый и общительный, наделенный особой интеллигентностью, умевший вызвать симпатии у окружающих. Эти качества помогали ему легко устанавливать контакты и связи с нужными людьми и добывать необходимую информацию. Однако, судя по документам и воспоминаниям современников, он был весьма жаден до денег и не особенно щепетилен в средствах их добывания. В Париже за свою работу от румынских спецслужб он получал весьма солидную сумму (9000 франков ежемесячно, помимо оплаты его служебных расходов). Это позволяло ему довольно безбедно жить. Он снимал 4-комнатную квартиру в центре Парижа, около Триумфальной арки, имел служанку и гувернантку для своего ребенка. На деньги мужа его жена могла элегантно одеваться, они часто посещали дорогие рестораны и кафе, летом отдыхали на элитных курортах Западной Европы [5].

Руководил работой и финансировал деятельность Богомольца непосредственно вице-директор румынской секретной полиции Еуджен Бьяну (по кличке «Холмс») [6]. Еуджен Бьяну передавал Богомольцу задания, а Богомолец пересылал через курьеров, по почте и другими способами подробную информацию в Бухарест. Е. Бьяну и Н.Д. Стэнеску переправляли в Париж деньги. Их прежде всего интересовала оппозиционная деятельность румынского политика князя Барбу Штирбея * и его окружения, а также отправленного в отставку

* Князь Барбу Штирбей в 20-х гг. XX в. в течение короткого периода (менее месяца) был премьер-министром Румынии. Он являлся приближенным

в 1936 г. министра иностранных дел Румынии Н. Титулеску, и левой группировки румынских оппозиционеров, издававшей во Франции с 1937 по 1940 г. «Bulletin du Comite Romain d'Action Republicaine» (Бюллетень румынского комитета «Республиканское действие»).

В одной из бесед с наркомом иностранных дел СССР Максимом Литвиновым Н. Титулеску пожаловался, что за ним установлена постоянная слежка. Об этом он также говорил своим друзьям и коллегам. Некоторые из близко знавших его людей относили это на счет мнительности Титулеску и его болезненной подозрительности. Однако документы, которыми мы в настоящее время располагаем, показывают, что опасения Титулеску имели под собой основания. Он был на заметке у нацистов. О нем собирала сведения польская разведка; за ним и людьми, близкими к нему, такими как Барбу Штирбей, принц Кантакузино, бывший посол Румынии в США Кароль Давила, Савел Рэдулеску и др., а также оппозиционными республиканскими группировками, находившимися за границей, выступающими против румынского короля Кароля II, велась слежка возглавляемых Богомольцем румынских агентов, которые одновременно занимались также сбором внутриполитической и внешнеполитической информации об СССР и Коминтерне.

Среди прочих заданий, полученных В. Богомольцем от румынских спецслужб относительно деятельности Б. Штирбея и Н. Титулеску, были и такие, которые касались дат и мест их встреч, связей с другими румынскими политическими деятелями и представителями румынской оппозиции, находившимися за границей, выявления источников и каналов финансирования оппозиционных группировок, выступавших против румынского монарха. Как считал Богомолец, через Б. Штирбея и его секретаря англичанина Вотсона оппозиционеры связывались с Н. Титулеску и близким к нему дипломатом К. Давилой. 11 мая 1937 г. Богомолец сообщал в Бухарест: «Штирбей находится под наблюдением постоянно, т. е. каждый день его наши агенты водят». При сем прилагались каждодневные отчеты о том, звонил ли Штирбей по телефону, встречал ли кого-нибудь

румынского короля Фердинанда, отца наследного принца Кароля и, по некоторым данным, фаворитом королевы Марии, матери Кароля. Активно добивался отречения Кароля от права престолонаследования и изгнания его из страны из-за «аморального поведения» и порочащих его любовных связей с румынской еврейкой, «рыжей бестией» Еленой Лупеску. В 1925 г. Кароль отрекся от престола и вместе со своей возлюбленной выехал за рубеж. После его возвращения в страну в 1930 г. и восхождения на престол Б. Штирбей эмигрировал в Швейцарию, откуда продолжал деятельность, направленную против румынского короля. См.: Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987; История Румынии. Национальная история. Координаторы Поп Иоанн Аурел, Болован И. Москва, 2005.

или посылал письма… [7] «Активность же Титулеску, — писал далее Богомолец, — будет точно разработана, но исключительно в ее главных направлениях, т. е. в задачах, которые поставил себе Титулеску сейчас…» [8]. Ранее, 5 мая 1937 г. Богомолец информирует Бухарест, что им проверена целая цепочка знакомых, чтобы определить активность Титулеску. Слежка Богомольцем велась прежде всего через его постоянных агентов. Платными информаторами Богомольца являлись служащие гостиниц, где останавливались или проживали интересующие его румынские деятели, телефонистки, а также работники некоторых посольств, журналисты и т. д. По некоторым данным, одним из источников информации являлся сам секретарь Барбу Штирбея Вотсон, которого Богомольцу якобы удалось завербовать [9]. В мае 1937 г. из Бухареста последовал запрос о встрече лидера Национал-царанистской партии Ю. Маниу и Титулеску, и Богомолец дал подробную информацию о поездке Ю. Маниу во Францию, его встречах сначала проездом в Лозанне с Б. Штирбеем, а затем в Кап-Мартэне с Титулеску, на которых якобы Н. Титулеску ставил вопрос о своем возвращении на пост министра иностранных дел Румынии.

После встречи с Титулеску (май 1937 г.) и обвинений, брошенных в адрес Ю. Маниу со стороны румынских политиков, обвинивших его в выступлениях против Кароля II, Маниу, оправдываясь, заявил (по информации В. Богомольца), что встреча носила частный характер и что он не видит реальной возможности для возвращения Н. Титулеску на пост министра иностранных дел [10].

Оценивая информацию Богомольца, куратор его деятельности «Холмс» в свою очередь отметил, что «сведения о Титулеску и Штирбее он нашел весьма интересными» [11]. Сами же руководители румынских спецслужб не раз отмечали, что наряду с достоверной информацией Богомолец поставлял им дезинформацию [12]. (Безусловно, документы, исходящие от В. Богомольца, нуждаются в проверке, а факты в подтверждении другими документами.)

Как следует из сообщений В. Богомольца, он утверждал, что Титулеску вместе с князем Б. Штирбеем и И. Кантакузино участвовал в деятельности оппозиционной организации «Республиканское действие». Во внешнеполитической деятельности эта организация ориентировалась на Францию и Англию и противодействовала экспансии Германии. Но главное, к чему стремились руководители этой организации — укрепить оппозицию Каролю II в самой Румынии, воспрепятствовать его тоталитаристским устремлениям. По мнению Виктора Богомольца, роль Титулеску в этом направлении была весьма важной. Он выступил как бы объединяющим центром различных социальных групп румынской оппозиции, среди которых наиболее

влиятельной была аристократическая оппозиция во главе с князем Б. Штирбеем и И. Кантакузино. Как отмечал В. Богомолец, Штирбей переехал из Румынии в Швейцарию, но постоянно интересовался делами в Румынии через призму личной ненависти к королю [13]. Через Штирбея умеренные оппозиционеры были связаны с Н. Титулеску и К. Давилой и группировавшимися вокруг них журналистами. Кроме того, эта организация включала в себя и группу лиц, весьма далеких по своему политическому положению и политическим взглядам от первых двух (Штирбея и Титулеску), а также деятелей, близко находившихся к радикальным социалистам [14].

(Не удивительно, что ряд политиков из этой организации во время Второй мировой войны занимали антигерманские и просоюзнические позиции, представляли оппозицию режиму Антонеску, выступая посредниками между внутренней оппозицией и странами антигитлеровской коалиции на переговорах о выходе Румынии из войны.)

Как уже говорилось выше, после своей отставки в 1936 г. Н. Титулеску не ушел с политической арены и не отказался от мысли вернуться в Румынию на пост министра иностранных дел. В этом своем стремлении он добивался поддержки со стороны Франции, Англии и Советского Союза. И не случайно Бухарест интересовало все, что касалось визитов Н. Титулеску и его доверенных лиц в Англию, встреч с политическими деятелями Франции, отношений с журналистами и контактов с советским посольством во Франции, а также личных отношений с наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым. Обо всем этом в течение трех лет посылал свою информацию в Бухарест Виктор Богомолец. 18 мая 1937 г., например, Богомолец информировал Бухарест о том, что он располагает данными о предстоящих поездках Н. Титулеску в Париж и Лондон (Н. Титулеску находился в это время в Кап-Мартэне), а также о том, что после этого он выедет в Прагу, куда приглашен на конференции и встречу с чешскими политическими деятелями [15].

Весьма интересным представляется донесение В. Богомольца от 1 июня 1937 г. о встрече (29 мая) Н. Титулеску и М. Литвинова в местечке Таллуар, на чем мы остановимся более подробно [16].

По одним источникам, например воспоминаниям Вальтера Романа о встрече Н. Титулеску с Литвиновым, инициатором беседы выступил сам Литвинов, который искал у Н. Титулеску поддержки в переговорах с западными державами. По другим — инициатива свидания принадлежала Н. Титулеску [17], который во время одного из своих посещений Парижа поставил перед сотрудниками советского посольства вопрос о встрече с Литвиновым, и НКИД дал на эту просьбу положительный ответ. Каковы же причины

встречи? Советское правительство, безусловно, было заинтересовано в возвращении Н. Титулеску на пост министра иностранных дел Румынии, т. к. Н. Титулеску был противником включения Румынии в орбиту Германии. В свою очередь, для возвращения Н. Титулеску в Румынию нужен был крупный козырь, и таким козырем могло бы стать заявление советского правительства о том, что оно согласно урегулировать вопрос о Бессарабии (оккупацию которой в 1918 г. румынской армией Советский Союз никогда не признавал) при условии, что к власти в Румынии придет правительство, в которое войдет в качестве министра иностранных дел Н. Титулеску. Однако подобных обещаний Литвинов Н. Титулеску дать не мог, поскольку это противоречило бы официальной позиции советского правительства в отношении Бессарабии.

Во время встречи, как это следует из записи беседы, направленной Богомольцем в Бухарест, Н. Титулеску не раз настаивал на выяснении некоторых вопросов, все время затрагивая вопрос о Бессарабии, пытаясь получить от Литвинова по этому поводу заверения, которые он мог бы впоследствии использовать в своих переговорах с румынскими политическими кругами. Однако Литвинов не только уклонялся от такого заверения, но и вообще избегал говорить с Н. Титулеску на эту тему, считая, что последний сможет затем истолковать эту неофициальную беседу как согласие со стороны Литвинова. Выдерживая максимально дружеский тон, Литвинов все время был настороже, опасаясь, вероятно, что в случае каких-либо заявлений с его стороны они могут быть истолкованы Н. Титулеску по-своему. Поэтому даже намеков на возможность признания со стороны советского правительства вхождения Бессарабии в состав Румынии не последовало. В то же время собеседники сошлись во мнении о необходимости создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе. Вот что пишет В. Богомолец в Бухарест:

«Из донесений агентов о завтраке
М.М. Литвинова и Н. Титулеску в Таллуаре

1 июня 1937 г.

Наш источник сообщает:

Еще во время своего посещения Парижа, когда Титулеску поставил перед Гиршфельдом * вопрос о необходимости для него встретиться с Литвиновым для важных политических переговоров, НКИД сразу же не ответил на эту просьбу, передав Титулеску, что ответ будет дан через Соколина, постоянно пребывающего теперь в Женеве. Соколин вообще является агентом связи между Титулеску и Москвой, так как Титулеску знает его еще со времени работы в Бухаресте и считает человеком надежным. Не надо, однако, забывать, что Соколин — не только работает

* Е.В. Гиршфельд — советник полпредства СССР во Франции.

формально при Лиге Наций как представитель СССР, но что он в то же время является резидентом ИНО ГПУ, политически руководящим всей работой этого органа в Европе.

Финансовые контакты Титулеску с Москвой идут также через Соколина. В частности, финансирование последней поездки Титулеску в Париж, проведенное, главным образом, Москвой, шло через агентуру Соколина (Соколин имеет большую агентурную сеть, работающую автономно и имеющую базу при посольстве СССР во Франции. В Швейцарии к Соколину перешла агентура Багоцкого)».

Литвинов не нашел возможным встретиться с Титулеску до окончания основной части своей работы в Женеве, причем, по обоюдному желанию, встреча эта произошла на французской территории, под внимательной охраной службы французской Сюртэ, не подпускавшей близко к месту встречи никого из посторонних, так как Титулеску очень жалуется на то, что за ним следят агенты нынешнего румынского правительства Татареску. Завтрак и разговор продлился гораздо больше обычных норм, положенных для этого дипломатическими правилами этикета и попросту нормальной работы, что, как передают из советских кругов, очень утомило Литвинова, привыкшего к системе в работе и не любящего длинных разговоров с постоянным пережевыванием одной и той же темы.

Служба наблюдения констатировала, что длительность встречи дошла до шести часов, побив всякие рекорды в этой области.

По сообщению из советских кругов, Литвинов несколько раз пытался уходить, но каждый раз Титулеску его удерживал, настаивая на необходимости выяснить до конца все поставленные им вопросы. Литвинов вообще вел себя сдержанно во время беседы и давал говорить Титулеску, очевидно боясь, что в случае каких-либо заявлений с его стороны Титулеску их использует для собственных надобностей и создаст затем для него щекотливое положение в Москве.

Дело в том, что во время своей встречи с Соколиным и Гиршфельдом в Париже Титулеску наметил ту платформу своего контакта с Москвой, которая сделалась теперь основной линией для этой связи.

Платформа эта (она разделяется частично и Москвой) состоит в том, что смена правительства Татареску и появление Титулеску в качестве министра иностранных дел гарантировало бы СССР от перехода Румынии на ось Рим–Берлин, а на ближайший период сорвало бы сотрудничество Бухареста с Варшавой, очень тревожившее Москву. В качестве одной из мер, которая могла бы дать козыри в руки Титулеску, последний все время внушал через Соколина, что советское правительство должно было бы твердо заявить, что оно согласно урегулировать вопрос о Бессарабии, признав в ясной и недвусмысленной форме ее присоединение к Румынии в том случае,

если к власти придет новое правительство с Титулеску в качестве министра иностранных дел.

Во время своего завтрака и разговора с Литвиновым Титулеску все время возвращался к этому вопросу, настаивая на том, что Литвинов должен сделать ему по этому поводу ясное заявление, которое он использует затем в своих переговорах с румынскими политическими сферами, выставляя перед ними возможность раз и навсегда покончить с бессарабским вопросом в случае смены правительства Татареску и появления его, Титулеску, на посту министра иностранных дел.

Те же советские круги сообщают, что Литвинов категорически уклонился от такого заявления и вообще избегал говорить на эту тему с Титулеску, опасаясь, что последний может превратить простой разговор на эту тему в СОГЛАСИЕ со стороны Литвинова. Тем не менее Титулеску несколько раз настойчиво возвращался к этой теме, делал из нее как бы ось всего разговора.

Передают, что Титулеску очень утомил Литвинова своей настойчивостью и необходимостью для последнего держаться все время настороженно, соблюдая, однако, и выдерживая максимально дружеский тон беседы [18].

Через несколько дней после встречи В. Богомолец направляет Е. Бьяну «Холмсу» в Бухарест подробный отчет о деятельности Н. Титулеску и результатах встречи.

«Встреча Титулеску с Литвиновым, — писал Богомолец, — не способствовала укреплению позиций Титулеску в Париже, поскольку Литвинов ясно себе представляет, что позиция Титулеску исходит из его стремления вновь занять пост министра иностранных дел, и вся деятельность Титулеску вертится вокруг этой проблемы… Литвинов достаточно хорошо понимает, что, если даже Москва признает публично, без просьбы Бухареста, аннексию Бессарабии, то и в этом случае Титулеску не станет министром иностранных дел».

Анализируя запись разговора М.М. Литвинова с Н. Титулеску, сделанную В. Богомольцем, достаточно трудно, на наш взгляд, определить, насколько она полно и достоверно отражает содержание диалога двух выдающихся дипломатов 30-х гг. XX в. Тем более, что сопоставление этой записи с недавно опубликованным документом из АВП РФ, представляющим информацию о встрече Литвинова и Титулеску, направленную 13 июля 1936 г. советскому посланнику в Румынии М.С. Островскому [19], особой ясности в этот вопрос не вносит. Во-первых, официальный документ опубликован с сокращениями; во-вторых, он содержит просьбу Литвинова Островскому «часть письма, касающуюся встречи с Титулеску, по прочтении обрезать и уничтожить» [20]. По крайней мере, в пись-

ме к Островскому никакой информации по поводу разговора о Бессарабии не дается.

И все же запись беседы, представленная В. Богомольцем, на наш взгляд, отражает, помимо личных доверительных отношений двух политиков, изменения, происшедшие в советско-румынских отношениях после отставки Н. Титулеску с поста министра иностранных дел Румынии, и тот накал страстей, которые бушевали в 30-е гг. вокруг вопроса о Бессарабии.

«Для Москвы бессарабский вопрос не является лишь международным вопросом, а и внутренним вопросом и точкой зрения партии», — писал В. Богомолец.

По информации В. Богомольца, Литвинов не хотел, чтобы на Западе знали о его встрече с Н. Титулеску, и был недоволен тем, что было поднято столько шума вокруг его встречи с Н. Титулеску в Таллуаре. Литвинов был недоволен также тем, что Н. Титулеску обратился к французскому правительству с просьбой оказать содействие в организации его встречи с Литвиновым и тем самым привлек внимание журналистов. «Варшава, — как сообщал далее В. Богомолец, — все время следит за деятельностью Титулеску. Мы имеем очень надежные источники информации о том, что польское правительство считает действия Титулеску направленными против Польши и против Бекка персонально. Организации секретной информации и самая сильная из них 2-е Бюро Генштаба Польши имеют весьма секретные инструкции информировать постоянно о деятельности Титулеску… Мы считаем, — писал В. Богомолец, — что Варшава настроена против Титулеску. Ясно, что назначение Титулеску на пост министра иностранных дел могло бы разорвать хорошие отношения между Польшей и Румынией…» [21].

В 1938 г. В. Богомолец по заданию своего бухарестского шефа разрабатывает связи Н. Титулеску и К. Давилы с французскими журналистами, находившимися во Франции, а также информирует Бухарест о деятельности Н. Титулеску в международных организации. Из донесений В. Богомольца за первую половину 1938 г. можно сделать вывод об активизации деятельности Н. Титулеску. «Париж и Швейцария, — пишет В. Богомолец в 1938 г., — превратились в центры концентрации активности против Бухареста и его Величества» [22]. «До марта 1938 года, — сообщает он, — Титулеску трижды приезжал в Париж. Он дает рекомендации политическим деятелям левого толка, направляет своих сподвижников, в частности К. Давилу, на встречи с английскими, американскими деятелями. Развивает тему германофильства Бухареста… Однако Титулеску пытается соблюдать максимум конспирации, но продолжает говорить, что его, в конце концов, призовут в Бухарест…» [23].

После Мюнхена у Титулеску на какое-то время наступает спад, однако, по сообщениям В. Богомольца, весной 1939 г. его деятельность резко активизируется. В информации от 6 июля 1939 г. Богомолец сообщает, что «Титулеску продолжает развивать активную деятельность в связи с англо-франко-советскими переговорами. Он три раза посетил в Париже советского посла, имел встречу с французским послом в Лондоне, сам был в Лондоне, встречался с журналистами, участвовал вместе с Кантакузино в конференции в Женеве [24].

В сообщении от 24 октября 1939 г. говорилось о встрече Н. Титулеску с румынским министром иностранных дел в Берне, на которой, возможно, речь шла о возвращении Н. Титулеску в Румынию. Но Титулеску скрывал эту встречу, мало говорил о ней даже со своими ближайшими друзьями [25]. Вообще, как считает В. Богомолец, позиция Титулеску является противоречивой. В одних случаях он говорит, что болен и собирается покинуть политику, в других случаях он считает, что наступил подходящий момент для его активной политической деятельности, хотя шансы возвращения к руководству внешней политикой Румынии в таких странах, как Англия и Франция, где он пользуется активной поддержкой, считаются маловероятными [26]. В то же время, по наблюдениям В. Богомольца, Титулеску «стал очень сдержан, мало говорит, как это было раньше, о необходимости поиска в лице Советского Союза защиты от Германии…». Как сообщал В. Богомолец, контакты Титулеску с советскими дипломатическими представителями резко пошли на убыль, особенно после отставки М.М. Литвинова и после того, как многие «женевцы» были отозваны в СССР и отправлены в Сибирь [27].

С 1940 г. корреспонденция Виктора Богомольца из Парижа прекращается. По некоторым данным в 1940 г., после падения Парижа и оккупации Франции немецкими войсками, он перебрался в Лиссабон, а там снова перешел на службу к англичанам. Затем его следы теряются. Интересно, что в 1964 г. его бывший шеф Н.Д. Стэнеску в итальянском журнале, в рекламе одной фармацевтической фирмы под названием «Др. Виктор Богомолец» разглядел на эмблеме фирмы подпись «доктор», очень похожую на ту, которой подписывался его старый знакомый, что дало ему основание предположить, что фирма принадлежит Виктору Богомольцу [28]. Значит, в конце концов он обосновался в Италии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Pokivailova T.A.* Titulescu sub lupta serviciilor secrete // Magazin istoric. Bucureşti, 1997. № 5.

2 *Stănescu N.D.* Întâmplări şi oameni din Serviciul Secret. Bucureşti, 2002. P. 206–230.

3 Ibid. P. 52–53.
4 РГВА. Центр историко-документальных коллекций. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1. Л. 199.
5 *Stănescu N.D.* Op. cit. P. 226.
6 РГВА. Центр историко-документальных коллекций. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1.
7 Там же. Д. 5. Л. 50.
8 Там же.
9 Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.
10 Там же. Д. 1. Л. 235–236.
11 Там же. Л. 199.
12 *Stănescu N.D.* Op. cit. P. 226.
13 РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1. Л. 199.
14 Там же. Д. 80. Л. 31–33.
15 Там же. Д. 5. Л. 52.
16 Там же. Д. 4. Л. 210–211.
17 См.: Там же.
18 Там же.
19 Советско-румынские отношения. Документы и материалы. Т. II. 1935–1941. М., 2000. С. 148–149.
20 Там же. С. 149.
21 РГВА. Ф. 221. Д. 4. Л. 128–129.
22 Там же. Д. 80. Л. 33.
23 Там же. Д. 5. Л. 32.
24 Там же. Д. 1. Л. 12; Д. 58. Л. 19–20.
25 Там же. Д. 68. Л. 20.
26 Там же.
27 Там же. Д. 68. Л. 20.
28 *Stănescu N.D.* Op. cit. P. 230.

ВЕНГРИЯ

Аттила Колонтари

К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период

Русская эмиграция в Венгрии по своей численности и по своему значению несопоставима с русским зарубежьем в Париже, в Праге, в Белграде или в Софии, если назвать наиболее крупные центры белой эмиграции в Европе. Поэтому не удивительно, что исследователи до сих пор не уделяли большого внимания изучению ее истории. Повышенный интерес российской историографии к белому движению, начало которого восходит к эпохе перестройки, как будто бы миновал венгерский аспект истории белой эмиграции из-за его второстепенного характера. Однако изучение этой малосущественной, на первый взгляд, темы может добавить к общей картине весьма любопытные детали. В данной статье затрагиваются два взаимосвязанных друг с другом вопроса: положение русской эмиграции в Венгрии и политические отношения венгерского правительства с различными кругами белой эмиграции.

По архивным данным, на территории Венгерского Королевства в 1920–1930-е гг. проживало от 3 до 5 тысяч подданных бывшей царской империи. Каким образом сформировалась русская колония в Венгрии? Первую группу составляли те бывшие военнопленные, которые по политическим мотивам или по личным соображениям не хотели возвращаться в Советскую Россию. По сводке Отделения по делам военнопленных Министерства иностранных дел от 26 марта 1920 г., в Венгрии находился 671 зарегистрированный военнопленный. Из них примерно половина (334 человека) заявила о своем намерении вернуться на родину. Остальная часть сделала выбор в пользу жизни в эмиграции [1]. Сегодня уже невозможно сказать, сколько из них осталось в Венгрии и сколько было тех, кто переселился в другую страну. Особую категорию составляли те женщины, которые в России вышли замуж за венгерских военнопленных и вместе с ними (часто с детьми) приехали в Венгрию. Их точное число тоже невозможно установить, в архивных документах и на страницах прессы их жизнь чаще всего находила отражение в тех случаях, когда муж их бросил и они остались в чужой среде без помощи и поддержки.

Но основная часть русских (российских) эмигрантов, как военные, так и гражданские лица, бежали от большевизма. Что касается их юридического положения, в начале 1920-х гг. их интересы представляла дипломатическая миссия в Будапеште во главе с князем Петром Волконским, который до войны руководил генеральным консульством в Будапеште [2]. В марте 1921 г. в венгерскую столицу прибыл полковник Алексей Александрович фон Лампе в качестве официального представителя генерала П.Н. Врангеля. Оба они были признаны венгерским правительством полуофициальными дипломатическими представителями и им было обеспечено право экстерриториальности. Полковник Лампе с 1922 г. был аккредитован по совместительству и в Германии. С этого времени он больше пребывал в Берлине, чем в Будапеште. В германской столице он поддерживал тесные, дружеские отношения с бароном Ференцем Абеле, тайным военным атташе венгерского правительства (по Трианонскому договору 1920 г. Венгрии было запрещено иметь военных атташе в составе дипломатических представительств). Абеле был одним из постоянных информаторов Лампе. В первой половине 1924 г. и князь Волконский, и генерал Лампе [3] были исключены из списка дипломатов, но с молчаливого согласия венгерского правительства они могли продолжать свою деятельность и в дальнейшем пользовались дипломатическим иммунитетом. Осенью того же года генерал Лампе, ссылаясь на нехватку денежных средств, ликвидировал свое будапештское представительство. Он окончательно переместился в Берлин, в венгерской столице оставив одного офицера связи, капитана барона Владимира Розена. По российским архивным документам, помощником Лампе после его отъезда из Будапешта был есаул Иловайский [4].

Раскол в монархическом движении между великими князьями Николаем Николаевичем и Кириллом Владимировичем отразился и на представительстве русских эмигрантов в Венгрии. Упомянутый выше Лампе был ярым сторонником Николая Николаевича, а группой «кирилловцев» в начале 1920-х гг. руководил князь Голицын-Муравлин. Когда в августе 1924 г. Кирилл Владимирович провозгласил себя императором, он назначил Андрея Николаевича Шмемана, бывшего статского советника, своим политическим представителем, а генерала Шульгина военным атташе в Венгрии [5]. Это означало, что в Венгрии обострилась внутренняя борьба в рядах российской эмиграции, что было, пожалуй, единственным «результатом» их деятельности. Характерно, что официальный представитель Кирилла Владимировича жил не в Будапеште, а в маленьком городишке Хедервар, на западной границе Венгрии, у графа Кун-Хедервари, брат которого был одним из ведущих чиновников Министерства иностранных дел [6]. Это обстоятельство в принципе могло обеспечить Шмеману и его кругу определенный до-

ступ к официальным политическим кругам, но для эффективной дипломатической деятельности этого уже было мало и кроме нескольких встреч вежливости никакого результата не давало.

К середине 1920-х гг. параллельно с ликвидацией дипломатической миссии в политических кругах Венгрии стало преобладать убеждение, что в создании нового представительства белого русского движения нет никакой надобности. Подобное решение может быть связано с тем, что в 1924 г. начались переговоры об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Первая статья договора гласила, что дипломатические миссии в Москве и в Будапеште считаются единственными официальными представительствами Венгерского Королевства и Союза Советских Социалистических Республик [7]. Но в итоге венгерское правительство так и не внесло подписанные договоры на ратификацию в Национальное Собрание, и через несколько месяцев, весной 1925 г. советское руководство сообщило венграм, что считает договоры утратившими силу. Венгерская историография достаточно много занималась причинами такого исхода событий. Объяснения чаще всего сводятся к тому, что ратификации препятствовал сам регент Хорти, один из главных противников «соглашения с большевиками», с мнением которого правительство должно было считаться. К этому сюжету в Государственном Архиве Российской Федерации среди материалов РОВСа недавно был обнаружен мною очень любопытный документ. Его автором является генерал фон Лампе, представитель Главнокомандующего П.Н. Врангеля в Венгрии по совместительству. 2 октября 1924 г. он был принят адмиралом Хорти. В ходе сорокаминутной беседы они затрагивали практически только одну тему — заключенное в Берлине соглашение об урегулировании дипломатических отношений между Венгрией и Советским Союзом и ожидаемое прибытие официального советского представителя в Будапешт. Регент Хорти в очень резких выражениях отозвался о большевиках, относительно подписанного соглашения заявил, что «я этого не хочу, я никогда не подам руку коммунисту», и прибавил, что сегодня ему предстоит «большая борьба по этому вопросу». «Я совершенно определенно почувствовал, — пишет Лампе в своей сводке, — что либо судьбе угодно было дать мне, белому представителю, возможность хоть и в очень небольшой степени повлиять на ликвидацию торжества коммунистов в центре Европы, либо сам адмирал Хорти, чтобы проверить свои личные выводы, назначил мне прием у себя именно в тот день, когда он должен был иметь „большую борьбу“ за свою идею, ни в коем случае не соглашаться на признание большевиков страной» [8]. Воспользовавшись случаем, Лампе стал подробно описывать подрывную и преступную деятельность большевиков в тех странах,

где они только появляются, и чувствовал, что его слова попадают на хорошо подготовленную почву. Когда он говорил о тревоге в рядах эмигрантов по поводу прибытия большевиков, Хорти его прервал и решительно заявил: «Они не придут» [9]. Со следующего дня Лампе уже констатировал усиление голоса противников договора в венгерской прессе и в парламенте. Отказ от ратификации договора со стороны венгерского правительства нельзя, конечно, приписать одному генералу Лампе, но он, несомненно, сделал свое, в решительный момент сыграв на антибольшевистских чувствах регента.

Вся эта неопределенность, безусловно, влияла на положение русских эмигрантов в Венгрии. С 1924 г. они официально считались беженцами без подданства и защиту их интересов взяла на себя Специальная комиссия Лиги Наций, т. н. Бюро Нансена. Фритьоф Нансен, известный норвежский полярник, прилагал немало усилий, чтобы помочь беженцам как экономически, так и в урегулировании их юридического статуса. В результате его деятельности более 30 государств решили снабдить русских эмигрантов т. н. нансеновским паспортом. Этот документ способствовал тому, чтобы его владелец мог поселиться и устроиться на работе в данной стране [10]. В 1924 г. венгерское правительство договорилось с венским представителем Бюро Нансена Генри Раймондом о том, что в дальнейшем оно будет поддерживать связь с проживающими на территории Венгрии русскими эмигрантами только через него. Раймонд со своей стороны заявил, что он может провести в Будапеште лишь 4–5 дней в месяц, но обещал назначить своего постоянного заместителя из членов русской колонии. Венгры в качестве такого контактного лица предложили будапештского представителя Российского Красного Креста, В.В. Маламу [11]. Венгерские власти впредь придерживались этого соглашения. В марте 1925 г. они отклонили просьбу генерала Лампе, чтобы его и в дальнейшем считали официальным представителем проживающих в Венгрии россиян, обратив его внимание на то, что обязанности по защите русских эмигрантов взял на себя г. Генри Раймонд, как представитель Лиги Наций [12]. Лампе был явно недоволен назначением Раймонда. Он считал, что этот молодой (25–28-летний) человек несомненно еврейского происхождения весьма плохо разбирается в вопросах русской эмиграции, да и не проявляет особых устремлений, чтобы оказать ей помощь. Вся его деятельность — по словам Лампе — ограничивалась тем, что он обеспечивал льготные билеты переезжающим из Венгрии во Францию эмигрантам и, кроме того, выдвинул идею переселения русских беженцев в Мексику, что вызвало резкий протест почти всех группировок эмиграции [13]. Таким образом, к началу 1925 г. вопрос учреждения белоэмигрантского дипломатического представительства в Венгрии

был снят с повестки дня. Это, с одной стороны, было общее явление, которое в разных странах сопровождалось признанием власти большевиков и установлением дипломатических отношений с ними (1924 год вошел в советскую историографию как год международного признания СССР). С другой стороны, для венгерского правительства это означало освобождение от материальных и моральных обязанностей по отношению проживающих на территории страны российских эмигрантов в условиях острого экономического кризиса и международной изоляции, возложение их на Лигу Наций.

Каков был реальный политический вес разных групп русских эмигрантов, могли ли они играть какую-нибудь роль в политических комбинациях венгерских правительств в первой половине 1920-х гг.? При изучении этого вопроса перед нами вырисовывается весьма пестрая картина. Нам необходимо начать с того, что Трианонский договор, расчленение исторической Венгрии по-настоящему шокировали политические силы и общественное мнение страны. С этого момента в основе внешней политики любого венгерского правительства лежало стремление к изменению условий Трианонского договора. Также следует учесть, что после крушения Венгерской Советской республики к власти пришли правые силы, что определило политическую атмосферу в стране на четверть века. Регент Миклош Хорти, как победитель венгерских «большевиков» и убежденный противник революции и советской власти, пользовался определенным авторитетом среди участников белого движения и русских эмигрантов-монархистов [14]. Генерал Петр Врангель в своем письме к адмиралу Хорти от 14 июля 1920 г. выразил свое уважение и признание за успешную антибольшевистскую деятельность Правителю Венгрии. Хорти ответил Врангелю в таком же вежливом тоне. Оба выразили надежду на то, что в будущем эти два враждебных до сих пор друг другу народа могут сотрудничать [15]. На этом венгерско-врангелевские контакты не закончились.

Политический курс, политическая атмосфера в той или иной стране в известной степени влияли на состав местной русской (российской) колонии. Так, в Праге собрались главным образом представители левого фланга эмиграции, социалисты и т. д., в Берлине было много германофильски настроенных монархистов и балтийских немцев, в Белграде — монархистов и т. д. Что касается Венгрии, то там преобладали эмигранты-монархисты пронемецкой ориентации. Многие из них в дальнейшем пойдут на сотрудничество с Гитлером. В качестве примера можно привести уже упомянутого генерал-майора А.А. фон Лампе, генерал-майора В.В. Бискупского, который в 1920 г. играл активную роль в венгерско-русских контактах, или генерал-лейтенанта П.В. Глазенапа. Распад Российской империи и

приход к власти большевиков эти лица считали исторической катастрофой. Ориентация на восстановление прошлого, довоенного положения, на первый взгляд, создала благоприятную почву для сотрудничества венгерских политических деятелей и русских эмигрантов-монархистов. В документах мы часто встречаемся с лозунгом «восстановление трех держав в Центральной и Восточной Европе в своих прежних, довоенных границах». Особенно в самом начале 1920-х гг., когда Версальская система казалась нестабильной, когда часть политиков и военных была склонна считать, что достаточно одной смелой акции и вся система мирных договоров рухнет. Именно в это время и родились весьма фантастические планы сотрудничества немецких и венгерских кругов с русской эмиграцией. Следует отметить, что политическую активность проявили не столько поселившиеся в Венгрии эмигранты (хотя о их полной пассивности мы говорить не можем), сколько приезжавшие временами из Германии политики и офицеры бывшей царской армии. Несмотря на малочисленность русской эмиграции в Венгрии, Будапешт в документах так называемого Административного Центра (близкой к социал-революционерам пражской организации эмигрантов) фигурирует как один из важнейших центров русских монархистов [16].

В эту сложную историю попыток политического сотрудничества в той или иной степени были вовлечены совершенно разнообразные, иногда весьма колоритные фигуры: от крупных политиков, генералов до простых авантюристов и мелких жуликов. С венгерской стороны связь с ними держали не только в Будапеште, но и через венгерские дипломатические миссии за рубежом.

С весны 1920 г. венгерский поверенный в делах в Берлине Пал Форстер держал постоянный контакт с немецкими и русскими военными и монархистами. С немецкой стороны главными организаторами разного рода совместных проектов были ген. Людендорф, полковник Макс Бауер, Фриц фон Стефани, командующий прусскими добровольческими отрядами, с русской стороны генерал Василий Бискупский и его адъютант Миллер. Окончательной целью этой группировки — судя по их высказываниям — было создание великих Германии, России, Венгрии и Болгарии и их господство в Европе. Лидеры этой группы, в том числе и Василий Бискупский, в первой половине июля тайно ездили в Будапешт. Были они приняты на самом высоком уровне регентом Хорти, премьер-министром графом Телеки и начальником генерального штаба генералом Берзевици. Практическую сторону дел они обсудили с Тибором Экхардтом (МИД), с Дьюлой Гембешем (председателем МОВЕ — организации бывших офицеров-фронтовиков). Суть венгерско-русского сотрудничества сводилась к тому, что в Венгрии надо создать сильную

антибольшевистскую базу. Главной задачей Бискупский считал подготовку военных и политических кадров на случай возможного консервативного переворота в России. Местом подобной подготовки, по его мнению, могла бы служить только Венгрия, как единственное консервативное государство в Центральной Европе [17]. Чтобы обеспечить финансовую сторону дела, было предложено учредить русский банк в Венгрии для эмиссии дореволюционных («романовских») рублей [18]. Точный ход переговоров еще неизвестен, но в дальнейшем стороны дали противоположное толкование произошедшему. Немцы и русские считали, что в Будапеште был создан союз угнетенных наций, и упрекали венгерское правительство в отклонении от условий договора, старались его побудить к исполнению взятых якобы на себя обязанностей. Особенно обиделись из-за недоверия венгерского правительства к ген. Бискупскому. В Будапеште граф Банффи, ведущий сотрудник МИДа, заявил, что поскольку Бискупский не является официальным представителем барона Врангеля, его не следует поддерживать. Когда подполковник Янки, представитель венгерского генштаба в Мюнхене, доложил своему начальнику об упреках со стороны немцев и русских, ему ответили, что в Будапеште на самом деле никакого «союза угнетенных наций» в упомянутой немцами и русскими форме создано не было, в этой якобы существующей организации венгерское правительство не желает и не будет себя представлять. Что касается Бискупского, то его адмирал Бубнов, уполномоченный представитель Врангеля, дезавуировал [19].

Здесь следует сказать несколько слов о мотивах поведения венгерского правительства. Вполне естественно, что оно относилось к этому сотрудничеству намного осторожнее, чем остальные участники. Ведь со стороны немцев и русских в это дело были вовлечены частные лица и разные неправительственные организации. Таким образом, венгерское правительство стало бы единственным участником проекта, обладающим явной политической ответственностью, а значит, любой скандал мог бы серьезно пошатнуть не только его позиции, но и без того тяжелое международное положение страны. Поэтому оно в данных условиях хотело ограничить свои действия ни к чему не обязывающими консультациями. Однако полностью отказаться от сотрудничества не намеревалось. На это указывает тот факт, что на поддержку Бискупского было выделено 6,5 миллиона венгерских крон. Из предназначенной ему суммы Бискупский получил 2,75 миллиона в середине октября 1920 г. [20]. О судьбе остальной части денег мы пока не располагаем сведениями. В условиях ускоренной инфляции данную сумму нельзя считать значительной.

Независимо от Бискупского, но примерно с такой же целью, хотела вступить в контакт с венгерскими политическими деятелями

группа Комиссарова. Имеется, по всей вероятности, в виду Михаил Степанович Комиссаров (1870–1933), один из бывших руководителей царской жандармерии. С 1904 г. он возглавлял Секретное отделение по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами, потом был начальником разных губернских управлений жандармерии. Комиссаров в Берлине и в Белграде неоднократно встречался с дипломатическими представителями Венгрии. 21 апреля 1920 г. он имел беседу с Палом Форстером, о чем последний подробно информировал венгерский МИД. Комиссаров дал общий обзор о положении белого движения, подчеркнул, что в России есть две сильные группировки, которые при зарубежной поддержке могут свергнуть большевизм: Врангель в Крыму и атаман Семенов в Сибири. От немцев и венгров он хотел получить обещания поддержки на тот случай, если после занятия Москвы и изгнания большевиков белые силы начнут свое наступление против Польши и Румынии. До наступления этого момента белые рассчитывали на моральную поддержку Берлина и Будапешта и кроме того хотели покупать у них оружие и снаряды. Платить за это они собирались сырьем из Южной России. (Это было ключевым моментом в предложении Комиссарова.) Со своей стороны в письме министру иностранных дел Форстер призывал к особой осторожности во избежание международного скандала [21].

Комиссаров был членом комиссии, которая в июле 1920 г. прибыла в Будапешт с целью изучения дальнейших возможностей сотрудничества и посылки делегации в Крым. В состав комиссии с русской стороны вошел еще бывший градоначальник Одессы Борис Александрович Пеликан, а с немецкой стороны представители промышленности и военные специалисты. В Будапеште их приняли (в отличие от Бискупского) уже не на правительственном уровне, в переговорах с ними участвовали члены Объединенной Христианской Национальной Лиги, то есть представители общественной организации. Однако нельзя считать случайным, что среди них мы находим и чиновника венгерского МИДа, Тибора Пезела. Сдержанность венгерского правительства при приеме Комиссарова только отчасти объясняется конспиративными соображениями. Из архивных документов выясняется, что оно не доверяло ему, считало его скомпрометированным лицом. В записи Пезела о встрече, где впервые упоминаются фамилии Комиссарова и Пеликана, имеется помета от руки: «полученные информации не положительные» [22].

Щекотливость положения Комиссарова, по мнению официального Будапешта, заключалась в том, что он как бы завис в воздухе между Врангелем и венгерским правительством. В Будапеште его не принимали всерьез, пока он не получит полномочий от Врангеля, а Врангель ждал подтверждения со стороны венгерского правитель-

ства, чтобы вступить в переговоры с Комиссаровым [23]. Что же касается зависимости отношения Врангеля к Комиссарову от позиции венгерского правительства, то здесь сотрудник венгерского генштаба, сделавший упомянутую помету на обложке документа, явно преувеличивает роль и возможности правительства Венгрии. Более вероятным кажется, что пребывание в Будапеште Комиссарова явилось причиной отсрочки приезда в Венгрию официального представителя Врангеля, полковника Бормана, который в сентябре ждал в Вене подходящего для своего прибытия момента [24].

Что касается политических представлений Комиссарова, то из венгерских архивных документов вырисовывается весьма пестрая картина. В Венгрии он хотел создать антибольшевистский центр и разведбюро. Подобно Бискупскому, он тоже хотел напечатать в Венгрии дореволюционные, «романовские» рубли. Но при этом он ставил особый акцент на сохранении внешней законности. Поэтому — по его мнению — в Крыму надо было создать правительство, которое объявило бы себя правопреемником царской России, и в качестве такого оно имело бы право выпускать свои деньги. Клише для напечатания денег — как он утверждал — имелись в его руках. Конечной целью своих политических устремлений он назвал создание блока России–Германии–Венгрии–Японии. Комиссаров — по свидетельству цитированного документа от 12 июля 1920 г. — выразил свое недоверие к Врангелю, так как он дружит с Антантой. Но если Врангель не пойдет за ним, то он (Комиссаров) «сотрет его в порошок». Судя по венгерским архивным документам, у Комиссарова были весьма смутные представления и по другим вопросам, он, например, был убежден, что царь и его семья живы и здоровы. Николай II должен был, по его мнению, отречься от престола в пользу своего сына. Когда в Европе все уладится, он поедет в Японию и возьмет оттуда с собой наследника престола [25]. Имеющиеся в наших руках документы не дают нам возможности судить о том, насколько серьезно сам Комиссаров воспринимал все то, о чем говорил.

На июльском совещании в Будапеште было решено включить в делегацию, направлявшуюся в Крым, Комиссарова и представителя упоминавшейся венгерской Лиги с целью ознакомления с ситуацией [26]. Это путешествие тоже достойно внимания историков. Так как об официальной, открытой поездке в Крым не могло быть и речи, решили послать туда профессионального разведчика нелегальным образом. В Крым был откомандирован известный разведчик Герман Покорни, по происхождению немец из Моравии, который после распада Австро-Венгерской монархии выбрал венгерское гражданство. Ездил он с фальшивыми документами под псевдонимом Александр Циммерманн. Хотя официально его делегировала Христианская

Лига, свои задания он получил от венгерского генштаба: в его задачи входило изучение военно-политического положения в Крыму, боеспособности врангелевской армии, отношения ее командования к зарубежным странам, в частности к Антанте и Германии, возможностей сотрудничества. В своих воспоминаниях Покорни подробно пишет о том, как ему удалось добраться отдельно от остальных членов группы до Севастополя. В Варне в порту ему пришлось спрятаться на борту корабля, так как французы строго контролировали отбывающие в Крым суда. Когда Покорни 12 августа прибыл в Севастополь, он узнал, что Комиссаров не получил транзитную визу даже через Сербию, он был явно нежелательным человеком в Крыму. Остальные же члены делегации признались, что на самом деле у них никакой связи с Врангелем нет, и быстро исчезли. В Севастополе Покорни искал связь с руководящими кругами. Его принял глава правительства, А.В. Кривошеин, к нему также прикомандировали офицера связи, капитана Штухлмана. Покорни находился в Крыму в сентябре–октябре, когда до окончательного поражения Врангеля и знаменитой эвакуации оставались считанные дни. Поэтому не удивительно, что в своих донесениях и воспоминаниях он констатирует разложение войск и полную безнадежность ситуации, изобразив картину местами весьма апокалиптическими красками. Вернулся он домой не менее авантюрным образом, на паруснике по бурному морю уже после того, как англичане и французы прервали морское сообщение с Крымом. В Софии Покорни получил новые фальшивые документы от представительства Врангеля и ехал до венгерской границы в качестве торговца хлопка из Балтии. В Будапеште он поддерживал контакт с генералом фон Лампе, через которого он и в дальнейшем получал информацию и материалы от генерального штаба Врангеля. Покорни не забыл упомянуть и о том, что за свою деятельность он был награжден орденом Св. Владимира [27].

По документальным сведениям, во время пребывания Покорни в Крыму Комиссаров сидел в Белграде и Софии и, между прочим, продолжал убеждать венгерские политические круги в выгодности сотрудничества с ним. О своей белградской встрече с Комиссаровым советник венгерского посольства Мадьяри пишет, что Комиссаров на этот раз отрекомендовался ему как один из руководителей белого движения, сторонник Врангеля, хотя раньше он резко критиковал проантантовскую ориентацию барона. Более того, он явно солгал своему собеседнику, утверждая, что только что вернулся из Крыма, хотя его туда на самом деле не впустили. Комиссаров, по мнению Мадьяри, был хорошо информирован в венгерских делах, произвел на него впечатление энергичного и ловкого человека [28]. Но еще до этого времени венгерские политики и военные полностью потеряли

свое доверие к Комиссарову. Последний в Будапеште часто встречался с полковником Бессоновым (Иннокентий Клавдиевич). Что касается личности последнего, в венгерских архивных документах мы находим противоположные оценки. С одной стороны, в июне он получил агентурные задания от венгерского генштаба. Он должен был разведывать ситуацию в Восточной Галиции и на Украине [по маршруту Лемберг (Львов), Проскуров, Винница, Умань, Киев], изучить соотношение сил, политические условия, особенно состояние польско-украинских отношений [29]. Пока еще нам неизвестно, выполнил ли Бессонов поручения или нет. С другой стороны, венгерское правительство получило информацию о том, что Бессонов в Белграде предложил свои услуги французской миссии и командованию сербской армии [30]. В том числе он подробно рассказывал о планах Комиссарова, в результате чего и сербы, и французы были хорошо осведомлены о поездке русско-немецкой делегации в Крым. Комиссаров — нарушая элементарные правила конспирации — на первых же встречах посвятил Бессонова во все детали своих действий, не воздерживаясь и от пустого хвастовства [31].

В связи с политической деятельностью русской эмиграции в Венгрии следует упомянуть еще один малоизвестный момент. По данным советской контрразведки, в Будапеште в течение 1920–1921 гг. под командованием упомянутого уже генерал-лейтенанта Глазенапа существовала хорошо организованная вооруженная группировка в составе 1500 человек. В нее входили 2 пехотных батальона, артиллерийский отряд и кавалерия. Ее штаб находился на улице Фехервари, и эта структура якобы финансировалась венгерским правительством [32]. Г.М. Ипполитов в своей биографии генерала Деникина даже пишет о том, что Глазенап при помощи венгерского правительства создал 15-тысячный корпус [33]. Хотя поддержка со стороны венгерского правительства вовсе не исключена, но до сих пор в венгерских архивах не найдены документы, подтверждающие его причастность к этому делу. Более того, о Глазенапе венгерские власти были весьма плохого мнения. Они считали его политическим авантюристом, сожительствовавшим с баронессой Фредерикс, муж которой «служил советам». В венгерских документах упоминается, что ранее он, находясь на службе в армии Юденича, якобы похитил 25 тысяч фунтов у Северо-Западного Правительства [34]. Так что, по имеющимся сведениям, особой причины доверять Глазенапу у венгерского правительства не было. Таким образом, указанную в книге Ипполитова цифру относительно численности «корпуса Глазенапа» можно считать явно преувеличенной. К этому можно еще прибавить, что по Трианонскому договору Венгрии было разрешено держать 30-тысячную армию на наемных началах без современных видов оружия (авиация, артиллерия, танки и т. д.).

В начале 1920-х гг. даже этот низкий контингент не мог быть полностью укомплектован. В этих условиях венгерское правительство вряд ли согласилось бы на то, чтобы в стране были дислоцированы военные части, которые по своей численности и вооружению могли конкурировать с венгерской армией. Да и державы-победительницы, строго контролировавшие Венгрию в экономическом и военном отношениях, не позволили бы существование армии такого размера в Венгрии, стране с явной пронемецкой ориентацией. Нам представляется, что ближе к истине сообщение агента Иностранного отдела ОГПУ из окружения Глазенапа, в котором действительно говорилось о том, что Глазенап хотел создать в Венгрии «Гражданскую Армию», но в этом деле ему помешал ген. Врангель, и наконец, «венгерцы запретили ему эту организацию» [35].

Осторожность венгерского правительства кроме его тяжелого международного положения объясняется и тем, что иногда в качестве представителей русской, российской эмиграции в Венгрии выступали весьма сомнительные, никому не известные лица. В качестве примера можно привести некоего Д-ра Константина Бегичёва. Его личность идентифицировать пока еще не удалось, но он фигурирует во многих архивных документах. В Будапеште он представился как председатель международной организации, созданной для помощи русским беженцам. В венгерской столице он вел переговоры с премьер-министром Каройем Гусаром и с начальником генштаба ген. Берзевици. Он два раза был принят регентом Хорти [36]. Это, несомненно, серьезное внимание к данной персоне позволяет нам полагать, что на переговорах речь шла не только о помощи беженцам. Да, известно, что венгерское правительство в феврале 1920 г. распорядилось выделить кредит в 1 миллион венгерских крон Бегичёву для помощи российским беженцам в Венгрии. Тогда же к Бегичёву прикомандировали офицера связи (Карой Костич, лейтенант запаса), но, скорее всего, не для сотрудничества, а для того, чтобы проконтролировать его действия. С венгерской стороны вскоре приостановили перечисление денег, потому что Бегичёв отказался отчитываться о том, куда шли полученные им суммы. Ответить на этот вопрос мы можем с помощью материалов ИНО ОГПУ. В агентурном сообщении от 2 ноября 1923 г. отмечается, что Бегичёв со своим сообщником, неким Вячеславом Нейманом, вели «дикую спекуляцию», пока не истратили всю сумму [37]. На запросы венгерского правительства он давал уклончивые ответы, никакой расписки или квитанции предъявить не мог и не хотел, зато настаивал на скорейшем получении целой суммы. Наконец, он был объявлен персоной нон грата в Венгрии и скоро покинул страну. Через несколько месяцев он был арестован в Берлине за мошенничество [38].

Значение подобных переговоров между венгерскими политическими кругами и представителями русской эмиграции вряд ли стоит переоценивать. Упомянутые в статье генералы и офицеры почти без исключения были людьми без какого-либо политического веса. После поражения Врангеля интерес венгерского правительства к различным группам эмиграции значительно упал, хотя, по инерции, контакты полностью не были прерваны. К этому следует добавить, что и в самой Венгрии одержали верх более умеренные политики — их главнейшим представителем был сам Иштван Бетлен, с 1921 г. глава правительства — что означало отход от авантюристских стремлений во внешней политике.

С этими событиями связан еще один из малораскрытых до сих пор аспектов контактов между венгерским правительством и бароном Врангелем. После эвакуации из Крыма остатки врангелевской армии были сосредоточены в районе Галлиполи, в Турции. Перед ними со всей остротой встал вопрос, как быть на чужой земле. «Голое Поле» — как назвали беженцы Галлиполи — было негодным для человеческого существования. Во время поиска выхода из этого положения шли переговоры, в том числе и с венгерским правительством, чтобы оно дало согласие на размещение «галлиполийских» частей на венгерской территории. Со стороны Врангеля переговоры велись его представителем, полковником Лампе. Пока еще неизвестны все детали событий. В сводке ИНО ГПУ от 4 апреля 1921 г. отмечается, что премьер-министр Бетлен будто бы в принципе дал согласие на это [39], тем не менее переговоры все же не увенчались успехом. По архивным документам, однако, кажется, что Врангель довольно долго носился с идеей организационной переброски частей своей армии в Венгрию. С этой целью приехал в Будапешт весной 1922 г. его уполномоченный, генерал-лейтенант Марушевский. В информационной сводке ИНО ГПУ, относящейся к осени 1922 г., мы уже читаем, что Венгрия якобы готова поставить русские части на охрану своих границ [40]. На самом деле в Венгрии в организованной форме, тем более с оружием, части врангелевской армии дислоцированы не были, в стране была размещена без особой поддержки венгерского правительства лишь небольшая группа военных галлиполийской армии под командованием полковника Лукина [41].

Видимо, с этим стремлением было связано то, что в течение 1922 г. венгерский поверенный в делах в Софии Шандор Кишш констатирует новые попытки со стороны представителей русской эмиграции вступить в контакт с венгерским правительством. Его тогдашний собеседник, Константин Иванович Щегловитов, был уже знаком венгерскому МИД. В 1920-м г. в Вене он якобы зондировал венгерское правительство, не намерено ли оно установить хорошие

отношения с Крымским правительством. Он в свою очередь изложил, что Людендорф готов передать так называемую «Железную дивизию» и одну морскую бригаду в распоряжение Врангеля. По плану эти 20–40 тысяч человек, переодев в рабочую одежду, перевезли бы в Венгрию, где они были бы вооружены [42]. Совершенно ясно, что подобный план имел не менее авантюристический характер, чем выдумки Комиссарова (от которого, кстати, как от человека вспыльчивого, неспособного к серьезной политике, Щегловитов предостерегал венгерское правительство). Венский военный представитель несколько раз встречался с Щегловитовым, имел с ним длительные беседы, характеризовал его как человека здравомыслящего, разделяющего «нашу точку зрения», с кем можно поговорить [43]. Однако ему было сказано, что «венгерское правительство по отношению к русским военным и политическим лицам проявляет большую осторожность и даже на формальные переговоры с ним пойдет только в том случае, если он является человеком легитимированным (так в тексте. — *А.К.*), если его личность можно установить без всякого сомнения, и если точно известно, от имени кого он ведет переговоры». Создание антибольшевистских лагерей в Венгрии было признано нежелательным, поэтому предложение Щегловитова было решено отклонить в вежливой форме [44].

Этот самый Щегловитов в 1922 г. уже выступал как доверенное лицо Алексея Павловича Кутепова, командующего остатками врангелевской армии в Болгарии. Согласно записи венгерского поверенного в Софии, Кутепов в эмигрантских кругах пользовался непререкаемым авторитетом, как очень умный, честный и популярный русский генерал, который доблестно сражался в крымских операциях. О Щегловитове он высказывается уже менее положительно. Это, согласно автору документа, хитрый и умный человек, не скрывающий своего интереса к дислоцированию и организационному построению венгерской армии. По сравнению с прежними неудачными попытками (со стороны Бискупского, Комиссарова и т. п.) Кутепов и его окружение, как подчеркивает Киш, денег от венгерского правительства не просят, наоборот, в определенной степени готовы покрывать расходы. Они хотят покупать в Венгрии лошадей. Кроме этого Щегловитов передал просьбу Кутепова, чтобы венгерское правительство делегировало к нему в Софии военного специалиста и политического представителя, с кем можно обсудить дальнейшие формы сотрудничества. Ко всему этому Щегловитов прибавил, что Кутепов питает особую симпатию к венграм и что Венгрия может только выиграть, если выйдет из состояния политической пассивности [45]. Для того, чтобы дать ответ на эту инициативу, венгерский поверенный в делах был инструктирован следующим образом: ни Министерство

обороны, ни МИД не собираются послать в Софию своих специалистов, поэтому Шандор Кишш был уполномочен вступить в контакт с Кутеповым в болгарской столице. О деталях дальнейшего развития событий мы опять-таки не располагаем сведениями, но конечный результат ничем не отличался от результатов прежних попыток. Предполагаемый прорыв Красной армии на Венгрию весной 1922 г. с целью отрезать друг от друга Польшу и Румынию и белое восстание на Украине в тылу нападающей Красной армии, которые в феврале предсказал «хорошо информированный» Щегловитов в ходе встречи со своим венгерским собеседником, оказались плодом фантазии. Сам Константин Щегловитов в феврале 1925 г. — как об этом докладывает советник венгерского посольства Шандор Кишш — застрелился в одной из софийских гостиниц, оставив за собой крупные непогашенные долги [46].

В эти годы на отношения венгерских политических кругов с отдельными группами русских (российских) эмигрантов бросили тень внутренние споры в кругах эмиграции. В венгерских архивных документах мы часто встречаемся с описанием борьбы и интриг внутри эмиграции, члены которой дезавуировали друг друга, обвиняли в шпионаже, мошенничестве иногда обоснованно, иногда без всяких оснований. В качестве примера мы приведем здесь случай с ген. Лампе. В конце 1923 г. некоторые лица из русской эмиграции в Венгрии и в Германии стали его обвинять в шпионаже в пользу Франции. В качестве доказательства они предъявили якобы компрометирующее Лампе письмо. В ходе дальнейшего следствия никаких прямых или косвенных улик против него добыть не удалось, хотя в Германии даже произвели обыск на его квартире. Более того, относительно письма выяснилось, что это простая фальшивка. Упомянутый уже генерал Шульгин, военный представитель великого князя Кирилла Владимировича, приложил немало усилий, чтобы дискредитировать Лампе в Венгрии, распространив информацию о том, что он якобы находится на службе французских спецслужб [47]. Вся эта внутренняя борьба в эмиграции — по мнению автора сводки генштаба по делу Лампе — объясняется тем, что среди монархистов произошел раскол в вопросе престолонаследия. Одна группа поддерживала великого князя Кирилла Владимировича, который провозгласил себя императором России. Вторая группа (к ней относились в том числе Врангель и Лампе) выступала за великого князя Николая Николаевича, который в принципе признал права Кирилла на престол, но до освобождения России считал преждевременным поднятие вопроса о престоле [48]. Лампе считал необходимым ответить на этот вызов. В мае 1925 г. он отправил два письма: одно из них было адресовано советнику венгерского посольства в Берлине Валдемару

Алту, второе — полковнику Стояковичу, представителю венгерского генштаба в Берлине (это не кто иной, как Деме Стояи, возглавивший венгерское правительство в 1944 г. после немецкой оккупации страны, казненный как военный преступник в 1946 г.). Лампе, конечно, опровергал все обвинения и при этом не забыл упрекать распространителей слухов, сторонников великого князя Кирилла Владимировича в Венгрии, капитана Тер-Матеузова и некоего капитана Пфеила, в том, что они агенты большевиков [49].

Обострение борьбы в первой половине 1920-х гг. между двумя группировками монархической эмиграции подтверждается и российскими архивными документами. По словам Лампе, это было связано с тем, что «кирилловцы» одновременно с ликвидацией представительств князя Волконского и Лампе хотели взять в свои руки руководство русской колонией, находившейся в Венгрии, и при этом они старались воспользоваться своими связями с венгерским МИД через графа Кун-Хедервари. Точные детали этой борьбы пока еще неизвестны. Высказывания самого Лампе по этому поводу противоречивы. В одном месте он пишет, что вся колония на их стороне, при этом на них сочиняются доносы, потом через два предложения он констатирует, что «вся эта гнусность особенного успеха даже у легкомысленных венгров не имела». В итоге «кирилловцы» добились лишь того, что в состав делегации при представителе Лиги Наций Г. Раймонде, возглавляемой А. Маламой, был включен и их человек [50].

Еще более интересно, как на все это смотрит сотрудник генштаба, полковник Янки, который был в свое время в Мюнхене и сам вел переговоры с русскими эмигрантами. Он является автором сводки об отношениях венгерского правительства с различными группами белой русской эмиграции. Янки констатирует, что все эти группировки представляют панславизм, поэтому сотрудничество с ними не соответствует венгерским интересам.

«С точки зрения Венгрии русские всегда оказывались врагами венгров, и таковыми они останутся. Возможные дружественные чувства по отношению к венграм со стороны отдельных лиц в эмиграции это изменить не может.

С точки зрения безопасности страны я считаю крайне желательным, чтобы ко всем проживающим в Венгрии русским без исключения одинаковым образом относились с большим подозрением.

После долгих лет лишения и нужды большая часть эмиграции морально настолько опустилась, что за деньги они готовы на все.

Поэтому считаю крайне вредным, что наиболее интеллигентные элементы русской эмиграции пользуются особой поддержкой и вниманием верхних слоев венгерского общества, и они, воспользовавшись своими общественными связями, могут развернуть шпионскую дея-

тельность против Венгрии» [51]. В документе все эти предложения подчеркнуты карандашом и на полях бумаги имеется пометка заместителя министра иностранных дел Калмана Кани: «совершенно верно».

Перед нами вырисовывается вся противоречивость ситуации. Тут были и перспективы сотрудничества, и опасения шпионской или просто недружелюбной деятельности, и мелкое мошенничество, и, наконец, осознание того, что при данной международной обстановке подобные рискованные планы имеют очень мало шансов на успех.

* * *

Одним из заслуживающих внимания эпизодов истории русской эмиграции в Венгрии было, несомненно, пребывание Антона Ивановича Деникина в стране с 1922 по 1925 г. Получив гонорар в Бельгии за первый том «Очерков русской смуты», генерал узнал, что французские франки наиболее выгодно меняются в Венгрии. С этого «чисто экономического соображения» начались венгерские годы в жизни Деникиных. Разрешение на постоянное жительство они получили довольно легко с помощью венгерского посланника в Брюсселе [52]. При поездке Деникин отказался ехать через вражескую ему Германию, поэтому он в отдельности от семьи следовал через Париж и Женеву. Первый приют они нашли в маленьком городишке Шопрон на западной границе Венгрии, но через несколько месяцев переселились в Будапешт. Оттуда в 1924 г. из-за экономического кризиса и дороговизны семья перебралась в небольшую деревню Балатонлелле, на берегу Балатона. В Венгрии Деникин вел уединенный образ жизни, работал над своими «Очерками», рукописи 2–4-го томов пятитомного труда были написаны именно здесь. Деникин держал себя вдали от интриг и борьбы внутри эмиграции. Как Петр Волконский отметил про него: «держит себя с достоинством и большой простотой» [53]. С другой стороны, и генерал Лампе констатировал невозможность опираться на Деникина как политического лидера той или иной группы эмиграции, несмотря на то что он был, безусловно, самым авторитетным из проживавших тогда в Венгрии 7 генералов [54]. Такую же сдержанность проявил он и по отношению к венгерской политической элите. Когда князь Волконский советовал ему нанести визит регенту Хорти, Деникин ответил, что после того, как он уже целый год живет в Венгрии, ему кажется неудобным появиться у регента [55]. Таким образом, встреча двух авторитетных вождей белого движения не состоялась.

Однако это не означало, что во время своего пребывания в Венгрии Деникин относился безразлично к текущим проблемам белой эмиграции. Он вел широкую переписку с генералом П.А. Кусонским по по-

воду доставки ему дел из архива Добровольческой армии. Он переписывался с генералом А.П. Кутеповым. Здесь, в деревне Балатонлелле, он изложил свои соображения о положении и задачах белого движения в условиях эмиграции. Из этого документа уже ясно вырисовываются те основные принципы, которых Деникин придерживался за все время его эмигрантской жизни. Он предостерегал эмиграцию от того, чтобы возлагать надежды на ту или иную иностранную державу при свержении большевистской власти. «Не следует отдавать ключей от родного дома, захваченного разбойниками, людям, из коих многие имеют намерение не выдворить разбойников, а ограбить и их, и остатки нашего скарба» [56]. Более того, Деникин считал, что активное выступление большевиков переплетется «с путями воссоединения России — будь то открытие выходов в Балтийское море, исправление западных и юго-западных рубежей или возвращение Бессарабии» [57]. Но это, по его мнению, вовсе не означало, что эмигранты могут сотрудничать с большевиками. Наоборот, он считал, что на это пойдут только беспринципные и беззастенчивые люди, которые подкуплены большевиками, но они будут, непременно, уничтожены, когда большевики перестанут нуждаться в их услугах. Поэтому эмиграции в данный момент ничего другого не остается, кроме как «терпеть, учиться и работать», сохраняя свои организации, дух и традиции, не потеряв веру в возрождение России [58].

Здесь, в Венгрии, посетил Деникина в марте 1924 г. А.П. Кутепов, чтобы посоветоваться с ним о плане создания тайной организации с целью свержения власти большевиков. Деникин хотя и назвал этот план полезным, но одновременно предупредил своего собеседника, что без значительных финансовых средств и необходимого опыта подобное мероприятие обречено на провал [59]. Он оказался прав. За якобы существовавшей в СССР «сильной монархической организацией» стояло ОГПУ, его Иностранный отдел через венскую агентуру был между прочим осведомлен и о факте посещения Деникина Кутеповым [60]. В 1930 г. вся эта история кончилась для Кутепова трагически, его похищение агентами ОГПУ и загадочные обстоятельства смерти по сей день занимают исследователей.

В начале осени 1925 г., после трехлетнего проживания в Венгрии семья Деникиных покинула страну. О причинах отъезда мы можем высказывать только предположения, хотя они кажутся обоснованными. Закончив работу над 4-м томом «Очерков», Деникин, по всей вероятности, уже хотел быть поближе к крупным центрам эмиграции — по словам его дочери, «в ожидании больших событий» [61]. Жизнь в Венгрии, которая обеспечила для работы необходимый покой, постепенно превратилась для него в своего рода изоляцию, в оторванность от мира русских эмигрантов. Материальное положе-

ние Деникина благодаря полученным гонорарам улучшилось, и это позволяло ему переселиться сначала в Брюссель, а затем в Париж.

* * *

Что касается бытовой, общественной жизни эмигрантов, то мы находимся в более трудном положении, ведь в архивных документах она отражается в намного меньшей степени, нежели политические аспекты эмиграции. Некоторые круги, особенно в столице, старались сохранить свою идентичность, у них были своя школа и православный храм на улице Лендваи в Будапеште, устраивались традиционные русские балы. Верхние слои эмиграции имели связи с венгерской элитой [62].

О социальном и религиозном составе русской эмиграции мы можем создать более подробную картину с помощью сводки Министерства внутренних дел о проживающих в Венгрии иностранцах [63]. По этим сведениям, в Венгрии в 1934 г. находилось 4034 «русских гражданина» (так в тексте. — *А.К.*), в том числе 1851 глава семьи и, следовательно, 2183 члена семьи. В дальнейшем статистика берет за основу только глав семьи. Из них зарабатывающими считались 1689 лиц, не зарабатывающими — 138, а 24 человека находились под полицейским надзором. 448 человек работали в сельском хозяйстве как поденщики, 362 как самостоятельные земледельцы. 394 человека устроились наемными рабочими в промышленности, 190 были самостоятельными кустарями, а 40 лиц работали торговцами. Что касается места жительства, то 459 семей проживали в Будапеште, 649 в остальных городах, а 743 в других населенных пунктах. То есть можно констатировать, что русская колония не концентрировалась в столице и что большинство оставшихся в Венгрии русских эмигрантов адаптировались к венгерскому быту, старались заботиться о содержании семьи. По религиозному составу больше половины составляли православные христиане (886 семей), далее следовали греко-католики (446). Примерно в одинаковой мере были представлены католики и иудеи (210 и 206 семей). Следует отметить, что подобные цифры — несмотря на их кажущуюся точность — могут считаться только приблизительными, позволяя оценить порядок, но не всегда точное количество выходцев из России. В упомянутом документе в рубрике «1933 год» указывается 3635 эмигрантов, применительно к 1935 г. называется цифра — 4220. К сожалению, сводка не дает нам возможности сделать выводы относительно общественно-организационной жизни русских эмигрантов, для этого мы должны обращаться к другим документам. Столь же проблематично на основе документов точно сказать, что стоит за употреблением тер-

минов «русский–российский–россиянин». В большинстве случаев в архивных документах эмигранты из России называются русскими, хотя нам известно, что среди них были и представители других национальностей. Венгерские власти особое внимание уделяли в течение всего межвоенного периода выявлению евреев, приехавших с территории бывшей царской империи, присутствие которых считали нежелательным в Венгрии.

В совокупности можно констатировать, что, несмотря на сдержанность и даже недоверчивость со стороны политического руководства, в венгерской среде русские эмигранты были приняты отнюдь не враждебно. Об этом свидетельствуют воспоминания Деникина: «Общее явление: ни следа недружелюбия после войны (враги!?). Чрезвычайно теплое отношение к русским... Каждый третий комбатант побывал в плену в России, и невзирая на бедствия, перенесенные в большевистский период, все они вынесли оттуда самые лучшие воспоминания — о русском народе...» [64]. «Маленький венгерский городок Сопрон (Шопрон. — *А.К.*), в котором остановилась семья, поначалу показался раем... — пишет в своих мемуарах дочь Деникина. — Какими милыми и симпатичными казались местные жители!» А в связи с отъездом семьи из страны она констатирует: «Деникину нелегко было расставаться с Венгрией, где с такой теплотой относились к русским» [65]. Или, как пишет Ю.И. Лодыженский в своих мемуарах о брате, который жил в городе Дьер на положении эмигранта: «Несмотря на свое незавидное положение, он, благодаря венгерскому гостеприимству, создал себе быстро круг друзей, которые приглашали его на охоты и к себе и старались всячески облегчить его заботы» [66].

Что касается организационной жизни эмиграции, то в начале 1920-х гг. проявили активность в первую очередь военные. В апреле 1922 г. упомянутым уже А.А. Лампе был воссоздан Союз русских офицеров в Королевстве Венгерском, который в зачаточной форме существовал и раньше, под руководством ген. Глазенапа [67]. Лампе прилагал немало усилий, чтобы Союз был подчинен генералу Врангелю (это не представляло особых трудностей, поскольку организация финансировалась почти исключительно Главным командованием через Лампе) и чтобы во внутренней борьбе в рядах эмиграции его члены поддержали великого князя Николая Николаевича. «Кирилловцы» тоже имели свою организацию в Венгрии под названием «Монархическое объединение».

Старались создавать свою организацию и казаки. Нам известно, что в 1924 г. в состав «Комитета казачьих организаций», созданного в Париже, вошла и «одна венгерская». В Будапеште существовала малочисленная Венгерская общеказачья станица под руководством

атамана — полковника Ершова, затем Звездина [68]. Казаки в начале 1920-х гг. подобно галлиполийцам планировали даже организованное заселение в Венгрии. Летом 1923 г. группа казачьих генералов обратилась с письмами к князю Голицыну-Муравлину, представителю великого князя Кирилла Владимировича в Венгрии, генералу Врангелю и донскому атаману, генерал-лейтенанту Богаевскому, чтобы они всеми средствами содействовали переселению находившихся в Константинополе казаков в «монархическую земледельческую» Венгрию, «где донские казаки были бы не в тягость государству, оказавшему им приют, сохранив свое единство и сплоченную организацию с тем, чтобы по слову блюстителя государева престола в счастливый час пойти за ним в желанную Россию» [69]. Пока еще неизвестны все детали этой инициативы, но результат ничем не отличался от исхода попытки переселения «галлиполийцев» в Венгрию. По имеющимся сведениям, в первой половине 1920-х гг. в Венгрии жили всего 400 казаков, большинство из них в весьма трудных условиях. Работали они в основном на местных предприятиях в окрестностях Будапешта, но их низкой заработной платы едва хватало на самое необходимое [70].

И здесь мы подошли к тому обстоятельству, которое больше всего затрудняло положение российских эмигрантов. Расчлененная Трианонским миром, разграбленная оккупационными войсками Венгрия в начале 1920-х гг. переживала острый экономический кризис, что сказывалось и на жизни эмигрантов. Многие из них долгое время жили на положении нищих. Поэтому численность эмиграции в 1920-е гг. быстро сократилась до 4–6 тыс. человек.

* * *

В нашем обзоре необходимо затронуть еще одну деталь, основательное изучение которой является задачей будущего. Когда в конце 1930-х гг. в кругах российской эмиграции со всей остротой встал вопрос о сотрудничестве с Гитлером, столкнулись с этой проблемой и эмигранты в Венгрии. В это время в стране появились немецкие, русские и украинские агенты с целью вести прогитлеровскую агитацию среди эмигрантов. Действовали они, по венгерским архивным данным, под руководством ведомства Альфреда Розенберга («Ауссенполитиш Амт» — Внешнеполитическое ведомство). Особую активность в этом деле в Германии проявили генерал Краснов и гетман Скоропадский. После долгих споров было решено, что венгерская колония русской эмиграции не пойдет на сотрудничество с Гитлером. Она встала на позицию прокламации Деникина и великого князя Владимира, в которой было четко заявлено, что они

не сотрудничают с немцами и русская эмиграция не позволит отторжения ни пяди территории России [71]. Примерно такой же неудачей кончилась и попытка привлечения казаков на сторону немцев. Приехавший с этой целью в Будапешт генерал Попов — опять-таки по сведениям венгерских архивных документов — сумел завербовать 4–5 лиц. Нам еще предстоит установить, о каком точно Попове идет речь. Имя и отчество не указаны в документе, а фамилия довольно распространенная. Если имеется в виду избранный донским атаманом в 1938 г. П.Х. Попов, то информацию венгерских властей можно считать вполне ошибочной. Он не только не сотрудничал с немцами, но был одним из наиболее ярых противников этого, некоторое время он был даже под арестом в гестапо.

В данной статье освещены лишь отдельные фрагменты истории русской эмиграции в Венгрии в межвоенный период. Создание более или менее полноценной картины требует дальнейших исследований, привлечения к анализу новых групп источников как из венгерских, так и из российских архивов. В ходе этой работы мы можем уточнить детали событий, отдельные выводы нашей статьи могут стать более тонкими, некоторые из них даже модифицированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 MOL (Magyar Országos Levéltár − Венгерский Государственный Архив) K-73-1920-89-IV-t/6835/ Л. 7–8. Столь низкая цифра объясняется тем, что в 1918–1919 гг. правительство Каройи под влиянием революционного энтузиазма, охватившего общество, отпустило из лагерей всех военнопленных, основная масса которых разъехалась по домам. В момент составления вышеупомянутой сводки в лагере Чот находилось 39 интернированных русских военнопленных.

2 MOL K-64-1925-24/196.

3 В декабре 1923 г. Лампе был произведен Врангелем в генерал-майоры.

4 MOL K-64-1925-24/196 и ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации), Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 102. Важнейшие документы и указания Главного командования были адресованы Иловайскому.

5 MOL K-64-1925-24/196. Более подробные биографические данные указанных лиц нам не удалось установить. Генерал Шульгин, по всей вероятности, был генерал-майором Борисом Шульгиным, который в начале 1924 г. приказом генерал-майора Лампе был исключен «из числа зарегистрированных чинов Русской Армии, на основе его собственного желания». (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.).

6 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 10. Адмирала Хорти действительно тревожила мысль о том, что он, как глава государства, по дипломатическому этикету, при вручении верительных грамот должен был принять советского посланника и подать ему руку.

7 MOL K-64-1924-24/ 405.

8 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 15–16.

9 Там же.

10 Halász, Iván: Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a húszas évek elején. In: Ezredforduló, századforduló, hetvenedik évforduló: tanulmányok Zimányi Vera tiszteletére. Szerk. Újvári Zsuzsanna, Budapest, Oziris, 2001. C. 535.

11 Halász, Iván. Op. cit. 547.old. Раймонд подчеркнул, что данный человек ни в коем случае не может рассматриваться как самостоятельный представитель здешних русских, он является только его заместителем (в венгерских документах фамилия Маламы пишется: Маламонт).

12 MOL K-64-1925-24/ 196

13 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 77–78 и 120.

14 Halász, Iván. Op. cit. 538.old.

15 MOL K-64-1920-41/ 300.

16 Halász, Iván. Op. cit. 548.old.

17 MOL K-64-1922-24/ 153.

18 HL (Hadtörténeti Levéltár – Архив Военной Истории) ВКФ Б/161. 3052/1987. № 23.152 Запись подполковника Янки о встрече со Стефани, Бауером и Бискупским от 16.09.1920 г.

19 HL ВКФ Б/161. 3052/1987. № 23.130 Проект телеграммы подполковнику Янки. Упомянутый в тексте адмирал Бубнов — это, видимо, контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов (1883–1963). В июле по поручению Врангеля он передал уже упомянутое письмо русского Главнокомандующего регенту Хорти. Информация для венгерского правительства относительно Бискупского, по всей вероятности, исходит от него.

20 HL ВКФ Б/161. 3052/1987. № 23.152 и MOL K-64-1920-41/ № 300.

21 MOL K-64-1922-24/ № 2341.

22 MOL K-64-1922-24/ № 189.

23 HL ВКФ B/160. 3005/1987. № 712/405.

24 MOL K-64-1922-24/ № 334. Мы не располагаем сведениями о том, прибыл ли полковник Борман вообще в Венгрию, вступил ли в контакт с венгерскими политическими деятелями.

25 HL ВКФ B/160. 3004/1987. № 712/405.

26 MOL K-64-1922-24/ № 189.

27 Pokorny Hermann: Emlékeim: A láthatatlan hírszerző. Bp. 2000. 102–111.old.

28 MOL K-64-1922-24/ № 334.

29 HL ВКФ B/160. 2993/1987. № 612/402.

30 HL ВКФ B/161. 3031/1987. № 21621.

31 HL ВКФ B/161. 3031/1987. № 21621. О деятельности группы Комиссарова ВЧК была довольно хорошо информирована через свою агентуру. См. об этом: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Исход. Т. 1. Кн. 1. (Составители: Басик И.И. и др.) Москва, 1998. С. 175–178.

32 Halász, Iván. Op. cit. 548–549.old.; Русская военная эмиграция 20–40-х годов. На чужбине. Т. 1. Кн. 2. (Составители: Басик И.И. и др.) Москва, 1998. С. 517–518.

33 *Ипполитов Г.М.* Деникин. М., 2006. С. 516.
34 К-64-1920-41/ Л. 33–34.
35 Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 2. 1923. Несбывшиеся надежды. (Составители Басик И.И. и др.) Москва, 2001. С. 29.
36 HL ВКФ B/160. 2960/1987. № 321/401, 325/402.
37 Русская военная эмиграция. Т. 2. 2001. С. 309.
38 HL ВКФ B/161. 3046/1987. № 22.892.
39 Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 2. 1998. С. 28–29.
40 Там же. С. 273–274, 320.
41 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 34–35. Численность данной группы с абсолютной точностью еще не удалось установить, но она даже и в начале 1920-х годов едва ли достигла двухсот человек.
42 HL ВКФ B/160. 2996/1987. № 701/401. Донесение венгерского военного представителя начальнику Генштаба от 19 июня 1920 г.
43 Там же.
44 HL ВКФ B/160. 2996/1987. № 701/401. Инструкции начальника Генштаба венгерскому военному представителю в Вене.
45 MOL К-64-1922-24/ № 674.
46 MOL К-64-1925-24/ № 66.
47 MOL К-64-1924-24/ № 196.
48 MOL К-64-1924-24/ № 196.
49 MOL К-64-1924-24/ № 196.
50 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 10–13.
51 MOL К-64-1924-24/ № 196.
52 *Лехович Д.* Белые против красных. М., 1992. С. 285. По некоторым сведениям, посланник даже предложил Деникину перевезти его архив венгерской диппочтой, но мы пока не располагаем сведениями о том, воспользовался ли генерал этой возможностью.
53 Лехович, 1992. С. 287.
54 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 282–283. Деникин отказался быть почетным членом Союза русских офицеров в Королевстве Венгрии в силу подчиненности его Врангелю.
55 Лехович, 1992. С. 287.
56 Русская военная эмиграция 20–40-х годов. У истоков «Русского Обще-Воинского Союза». Т. . (Ред. колл.: Кольтюков А.А. и др.) М., 2007. С. 210.
57 Там же.
58 Там же. С. 212–213.
59 *Деникина М.А.* Генерал Деникин. М., 2005. С. 233–234. Иностранный отдел ОГПУ через свою венскую агентуру был осведомлен о факте посещения Деникина Кутеповым.
60 Русская военная эмиграция. Т. 4. 2007. С. 82–83.
61 Деникина, 2005. С. 234–235.
62 Halász, Iván. Op. cit. 550–551.old.
63 MOL K-63-377. cs.-37/f./ 18.old.
64 Лехович, 1992. С. 286.

65 Деникина, 2005. С. 231, 235.

66 *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом. М., 2007. С. 378.

67 ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. . Л. 47.

68 Русские без отечества. Очерки Антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов / Отв. ред. С.В. Карпенко. М., 2000. С. 211. Биографические данные вышеупомянутых лиц пока еще неизвестны.

69 Русская военная эмиграция. Т. 2. 2001. С. 46–49. Письма были подписаны следующими генералами: Греков, Калинин, Миров, Горбачев.

70 Русские без отечества… С. 206.

71 MOL K-28-1939-225/ № 15418.

Ф. Е. Лукьянов

Венгерские дни генерала Деникина. «Очерки русской смуты» писались на берегах Балатона

Недавнее перезахоронение праха Антона Ивановича Деникина на кладбище московского Донского монастыря поставило точку в земной биографии одного из лидеров Белого движения. Однако в самой биографии боевого русского генерала, увы, еще немало «белых пятен». Мало, например, кто знает и помнит, что первые годы эмиграции генерал Деникин провел вовсе не во Франции, как многие считают, а в Венгрии. Здесь же, в деревушке на берегах озера Балатон, был в основном написан главный труд жизни генерала — «Очерки русской смуты».

«Нравится мне Венгрия...»

В Венгрию судьба занесла семью Деникиных в начале 1922-го. Позади была новороссийская катастрофа, отставка с поста главкома Добровольческой армии, отъезд к семье в Константинополь, а затем в Англию. В Лондоне, однако, чета Деникиных не задержалась. Попытки англичан уговорить генерала встать во главе русского правительства в изгнании успехом не увенчались. Вскоре, в знак протеста против начала переговоров англичан с Советами, Деникин вообще покидает туманный Альбион. Хотели было остановиться в Бельгии, но жизнь местная оказалась очень дорогой, а тут знакомые посоветовали перебраться в Венгрию. К тому времени по заказу парижского издательства уже вовсю шла работа над мемуарами, получившими позднее название «Очерки русской смуты». Деникину требовалось уединиться и сосредоточиться, чтобы закончить работу в определенные сроки.

Венгрия в этом плане подходила идеально. Страна недорогая. Соотечественников-эмигрантов не так много, как во Франции. Никто не мешает работать. К белой эмиграции отношение благосклонное. После разгона Венгерской советской республики Бела Куна «венгерский Колчак» — адмирал Хорти с симпатией относится к офицерам Белой гвардии. Лидер венгерского Белого движения никогда не забу-

дет, что именно деникинский поход на Москву в 1919-м помешал соединиться в Карпатах частям венгерской и советской Красной армии, шедшей на подмогу «братьям по классу». Если бы это произошло, то история самой Венгрии, да и Европы в целом, могла бы сложиться совсем по-иному. На подходе ведь была и Баварская советская республика, и в Австрии все шло по тому же сценарию…

По воспоминаниям генерала Павла Шатилова, начальника штаба Добровольческой армии при Деникине, занимавшегося в начале 20-х гг. вопросами размещения частей эвакуированной Белой армии в странах Восточной Европы и Балкан, Будапешт одним из первых, в одно время с Прагой, дал добро на прием первых сотен русских эмигрантов. Таким образом, первая волна белой эмиграции появилась в Венгрии уже в конце 1920-го, вскоре после ухода армии Врангеля из Крыма. Будапештские газеты тех дней описывают, как в местных гостиницах появились первые русские. Листаю газеты тех дней. «Пешти напло» сообщает, что в отеле «Ритц» на Бульварном кольце поселился генерал Владимир Маркушевский с семьей, включая пятимесячного ребенка, генерал Глазенап, князь Леонид Урусов, баронесса Фридерикс в форме лейтенанта Добровольческой армии. «Русская колония отеля „Ритц“, — как отмечает венгерская газета, — живет достаточно скромно и есть что-то очень грустное в том, как они с замиранием сердца ловят любую весть с родины, как ждут того дня, когда смогут вернуться домой»…

К моменту приезда Деникиных в Венгрию, к началу 1922 г., местная колония русских эмигрантов насчитывала уже несколько тысяч человек. Надо сказать, что настроения у колонистов были самые разные и отношение к бывшему главнокомандующему тоже было, скажем так, неоднозначное. Многие офицеры-врангелевцы считали его ответственным за провалы Белой армии на Юге России, памятуя о его серьезных разногласиях с Врангелем. Однако, судя по всему, после произошедшего, после «русской катастрофы» Деникину меньше всего хотелось выяснять с соотечественниками, кто был прав, а кто виноват в те дни. Для него главным в этот момент была книга. «„Очерки русской смуты“, — писал в это время сам генерал, — я считаю самым важным делом моего эмигрантского житья. На работу эту я смотрел как на свой долг в отношении „белого движения“ и перед памятью павших в борьбе, как на добросовестное показание перед судом народным, судом истории». Надо было осмыслить произошедшее, понять причины неудач, да и деньги надо было зарабатывать. Других доходов, кроме гонорара от книги, пока не было, а семью надо было кормить.

Первым пристанищем в Венгрии для семьи Деникиных стал город Шопрон. Небольшой старинный город на самой границе с

Австрией. Местная природа, леса, горы сразу понравились. Как записала в своем дневнике 5 июня 1922 г. жена генерала Ксения Васильевна: «Жизнь здесь действительно гораздо дешевле… да и народ симпатичнее. Пока живем в пансионате за городом, в лесу. Воздух и окрестности чудесные, давно не делали таких чудных прогулок…» Спустя месяц новая запись: «Нравится мне Венгрия, правильнее будет сказать Шопрон, ибо больше я еще ничего от Венгрии не видела. Такой обильный край, столько „плодов земных“». О настроении первых венгерских месяцев Деникиных говорит и такая запись жены: «Бывают минуты, что в мою душу нисходит мир, такой полный, как не бывал со времени войны»…

Послевоенный Шопрон был полон солдат австро-венгерской армии, только-только вернувшихся из русского плена. Многие из бывших военнопленных привезли с собой из России жен, сами неплохо говорили по-русски. Поэтому у Деникиных особых проблем при общении с местным населением не было. Венгерских военнопленных с русского фронта Антон Иванович часто называл своими «крестниками». Надо иметь в виду, что до революции и Гражданской войны он воевал боевым генералом как раз на австро-венгерском фронте. Еще в 1915 г. «железная дивизия» генерала Деникина прославилась во время Галицийской битвы и в боях в Карпатах. За действия своей дивизии во время знаменитого Брусиловского прорыва будущий глава Белого движения был награжден Георгиевским оружием, осыпанным бриллиантами.

Деникина поразило, что вернувшиеся из русского плена венгерские солдаты не только не питали ненависти к России и русским, но, напротив, были настроены весьма дружелюбно. Вот что он записал на этот счет: «Общее явление: ни следа недружелюбия после войны… Чрезвычайно теплое отношение к русским. Каждый третий комбатант побывал в плену в России, и, невзирая на бедствия, перенесенные в большевистский период, все они вынесли оттуда самые лучшие воспоминания — о русском народе; о шири, о гостеприимстве, о богатстве страны…»

Постепенно, однако, и Шопрон стал наполняться русскими эмигрантами, которые проявляли все больший интерес к личности Деникина. По воспоминаниям дочери генерала Марины Антоновны, семья решила уехать из Шопрона в Будапешт именно потому, что появилось слишком много эмигрантов из России. Не со всеми из них встречи были приятны. Есть, правда, и другая версия. В пограничном городе тогда появились английские и французские члены миссии по установлению новых границ после Трианонского мирного договора 1920 г. По договору, Венгрия теряла две трети своих бывших территорий. Члены миссии зачастили к Деникину, а венгры весьма неодобрительно отно-

сились к представителям победившей Антанты. Кончилось тем, что за генералом установили слежку, начали вскрывать почту. Пришлось писать письмо с протестом в местное военное министерство. Наблюдение сняли. Но переехать так или иначе все равно пришлось.

Генерал-отшельник

В Будапеште соотечественников-эмигрантов оказалось еще больше. Собрания, клубы, тусовки, как сказали бы сегодня, дрязги, склоки, противоборствующие партии. Но Деникин и здесь держится особняком. Можно сказать, отшельником. Он как будто совсем ушел из политики. Вот что сообщал русский дипломатический представитель в Венгрии князь Волконский: «Здесь держит себя вдали от всяких дрязг с достоинством и большой простотой генерал Деникин. Мы с ним навестили друг друга». Сам Антон Иванович в одном из писем бывшему сослуживцу А.Н. Астрову напишет, что все последнее время «погружен целиком в прошлое, в историю, почти не соприкасается с вопросами современности». В другом письме тому же адресату сообщает, что помимо литературного труда «жизнь на время сузилась до удовлетворения насущных потребностей в обстановке черновой хозяйственной работы: таскаю дрова и уголь, топлю печи, убираю квартиру, заколачиваю все щели»…

Работа над «Смутой» тем временем продвигалась довольно быстро. Если первый том «Очерков», написанный еще в Бельгии, ему приходилось в основном писать по памяти, то в Венгрии Деникин стал получать в свое распоряжение и заметки сослуживцев, и архивы Белых армий, вывезенные из Крыма через Сербию. На его призыв присылать документы откликнулись многие. В последующих томах своей эпопеи главком вводит в научный оборот все больше и больше уникальных документов: материалы по истории 1-го Кубанского («Ледяного») похода, воспоминания генералов Богаевского, Шкуро, Казановича, приказы, сводки, обращения. Работа шла, а денег пока больше не становилось. Безденежье становилось хроническим и в Будапеште. Возможно, если бы Деникин обратился за помощью к венгерским властям, к тому же адмиралу Хорти, то он бы ее получил. Тот же князь Волконский, как дипломат, настойчиво рекомендовал нанести визит главе государства. Но как-то не случилось. Видимо, офицерская гордость помешала. Позднее Деникин скажет: «После года (прожитого в Венгрии) мне показалось это неудобным, и я не пошел. Так и прожили мирно три года».

«Помещик» Деникин

Не имея постоянного дохода, жить даже в относительно дешевом Будапеште становилось все труднее и труднее. Помощи ждать неотку-

да. В итоге после нескольких месяцев жизни в столице на семейном совете было решено переселяться в провинцию. Выбор пал на Балатон. Здесь, в небольшой деревушке на берегу озера, название которой в архивах не сохранилось, Деникины проведут около двух лет. За это время будут написаны последние тома «Очерков русской смуты», публикация которых затем всколыхнет всю эмиграцию и гулко отзовется в большевистской России. О том, в каких условиях писался первый фундаментальный труд по истории гражданской войны в России, вспоминают сослуживцы и соратники генерала, часто бывавшие в это время в его балатонском пристанище.

Жизнь Деникиных на Балатоне больше напоминала жизнь мелких русских помещиков в условиях натурального хозяйства, правда, без крепостных крестьян. Все приходилось делать самим: копать огород, разводить кур, гусей, следить за садом. Кормились в основном с огорода. Генерал не отказывался ни от какой работы по дому. Трудиться приходилось в поте лица. Сначала на земле, потом за столом. Генерал писал, жена редактировала, перепечатывала рукописи, делая свои замечания. Работа спорилась. В гости на Балатон к Деникиным стали наведываться многочисленные гости. Из Белграда, Софии и Берлина приезжали генералы, офицеры. Привозили материалы по истории Белого движения, гражданской войны. За разговорами о прошлом, настоящем и будущем России незаметно уходили продукты натурального хозяйства «помещика Деникина», а гости и не замечали, что гостят в балатонском «имении» по две, а то и по три недели…

Судя по всему, в эти же балатонские годы помимо «Очерков», как пишет один из исследователей биографии генерала — Г. Ипполитов, Деникиным была написана и статья «Искание Родины», в которой он оформил свою принципиальную позицию по вопросу — как быть дальше? Какую позицию должно занимать русское воинство в эмиграции в отношении большевистской России в случае международного конфликта или новой мировой войны? Генерал приходит к выводу, что в мире нет стран, которые бы серьезно и бескорыстно помогли в свержении советской власти в России. Поэтому русские добровольцы не имеют нравственного права участвовать в войне против своей Родины на «стороне держав, имеющих целью отторгнуть Российские окраины». Этой позиции русского патриота, сформированной еще в первые годы эмиграции в Венгрии, генерал Деникин будет верен потом всю свою оставшуюся эмигрантскую жизнь, независимо от того, куда судьба забросит его на исходе дней — во Францию или в США.

Публикация пятитомника «Очерков», в целом законченных уже на Балатоне и опубликованных в Париже и Берлине, к середине 1925 г. позволила Деникиным чуточку вздохнуть от материальных

невзгод. К этому времени спокойная жизнь в Венгрии стала тяготить оторванностью от близких и знакомых. К тому же дочери Марине исполнилось шесть лет и ее надо было определять в хорошую школу. В середине 1925-го Деникины, после настойчивых уговоров друзей, проведя три года в венгерской эмиграции, вернулись сначала в Брюссель, а уже оттуда в Париж. Впереди у бывшего главкома Добровольческой армии оставалось еще 20 с лишним лет жизни.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Е.П. Серапионова

Русские в Чехословакии в 1920–1930-е гг.

(Проблема сохранения национальной идентичности)

Российская эмиграция в Чехословакии межвоенного периода второе десятилетие активно изучается как в России, так и в Чешской и Словацкой республиках [1]. Начало детальной разработки этой проблемы относится к периоду 1990-х гг., когда в связи с изменением политического режима в России и странах ЦВЕ стали доступны ранее закрытые архивные материалы. В 1995 г. в Праге состоялась крупная международная конференция, посвященная итогам и перспективам исследований по названной теме. Материалы этой конференции были опубликованы в том же году в двух томах. В сборник докладов были включены более 100 научных выступлений ученых из Чехии, Словакии, Белоруссии, Украины, России, Германии, США, Латвии, Эстонии, Болгарии, Югославии и Швейцарии. Причем чешская сторона была представлена весьма солидно — 20 докладов. В сборник вошла статья Е. Чиняевой, непосредственно посвященная проблеме сохранения национальной идентичности [2].

В дальнейшем работа специалистов по изучению русской эмиграции в ЧСР не прекращалась: исследовались политические и духовные течения российской эмиграции, «русская акция помощи» чехословацких властей, эмигрантская наука, литература и искусство, система образования и просвещения, историки-эмигранты, повседневная жизнь беженцев из России. Были осуществлены публикации документов, появились библиографические работы. В 1996 г. в Праге увидел свет четвертый заключительный сборник серии под редакцией В. Вебера «Русская и украинская эмиграция в ЧСР в 1918–1945 гг.». В Москве вышла монография Е.П. Серапионовой «Российская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-е годы». В том же году в Чешской республике был опубликован библиографический справочник трудов русской, украинской и белорусской эмиграции в Чехословакии 1918–1945 в 3-х выпусках, составленный З. Рахунковой и М. Ржехаковой. В 1998 г. коллеги из Чешской

республики З. Сладек, Л. Белошевская подготовили «Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939)». В сборник вошли материалы, выявленные в различных архивах Чешской республики. Документы снабжены обстоятельными предисловиями к каждой из 9 глав, повествующих о появлении российских эмигрантов в ЧСР, образовании, науке, культуре, повседневной жизни эмиграции, изменении в положении русских беженцев на рубеже 20–30-х гг., их жизни в условиях экономического кризиса и конце «русской акции». Сборник статей «Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939)» был издан Славянским институтом в Праге в 1999 г. В сборник вошли 9 статей, посвященных как отдельным персоналиям, так и чехословацкому эмигрантскому центру в целом. Проблемы русской «послеоктябрьской» эмиграции были подробно рассмотрены в трех монографиях И.П. Савицкого [3] (третья — в соавторстве) на чешском, русском и английском языках. В 2000 г. в Праге вышла книга А. Копршивовой «Российские эмигранты во Вшенорах–Мокропсах–Черношицах (двадцатые годы 20-го века), рассказывающая о жизни русских эмигрантов в предместьях Праги. В этом же году к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика в Москве прошла международная научная конференция с участием чешских коллег. На ней также рассматривались вопросы, связанные с отношением Масарика к эмиграции из России. К конференции была приурочена выставка «Т.Г. Масарик и русская эмиграция в Чехословакии», опубликован каталог этой выставки. Сборник докладов конференции издан в 2005 г. [4]. В 2001 г. в Мюнхене на английском языке появилась солидная монография Е. Чиняевой, обобщившая ее ранние исследования [5]. В беглом перечне основных работ, посвященных русским эмигрантам в ЧСР, безусловно, следует назвать статьи и монографии словацкой коллеги Л. Гарбулевой, сосредоточившей свое внимание на русской колонии в Словакии [6]. Вышедший в Нью-Йорке в 2001 г. XXXI том записок русской академической группы в США был полностью посвящен «Русской Праге» [7]. В 2004 г. в Париже прошла международная конференция с участием российских и чешских ученых, посвященная деятельности земско-городских организаций в условиях эмиграции, а в 2005 г. вышел тематический номер журнала «Cahiers du Monde Russe» с текстами докладов участников конференции [8]. В 2005 г. Институт славяноведения РАН совместно со Славянским институтом АН ЧР провели конференцию, посвященную русским ученым-гуманитариям, эмигрировавшим в ЧСР. В 2006 г. в Москве в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» в рамках презентации Славянского института состоялся «круглый стол» под председа-

тельством Л.Н. Белошевской, посвященный итогам и перспективам исследования проблем русской эмиграции.

В целом следует констатировать, что за эти годы проведена большая работа по изучению российской эмиграции в трех измерениях: как культурного феномена, политического явления и опыта социальной адаптации. Однако проблемы сохранения национальной идентичности в условиях ЧСР являлись предметом рассмотрения лишь в отдельных статьях [9] и отчасти затрагивались авторами более общих работ, поэтому изучены далеко не полностью.

Начнем с того, что вопрос сохранения национальной идентичности русских эмигрантов в Чехословацкой республике по-разному стоял и по-разному решался на различных этапах межвоенного двадцатилетия. С начала и до середины 1920-х гг. многие русские считали свое пребывание вне России временным, надеялись на скорое падение большевиков, что дало бы им возможность возвращения домой. Но не только сами эмигранты были уверены в том, что их пребывание за рубежом временное: этого же мнения придерживались и чехословацкие власти, начиная т.н. «русскую акцию помощи» эмигрантам в августе 1921 г. Именно из расчета на использование полученных знаний дома, в России, и была создана сеть русских образовательных, научных и культурных учреждений. Национальная идентичность в тот период сохранялась как бы естественным путем: русские дети ходили в русские детские сады, учились в русских гимназиях и университетах, посещали русский театр и концерты своих соотечественников. Выходцы из России, хоть и представляли собой весьма пеструю в социальном и идейно-политическом плане массу, были объединены единой православной верой и языком, что помогало им держаться вместе и выживать в новых условиях жизни за рубежом. В этот период число желающих получить иностранное гражданство было минимальным. Ни натурализация, ни возвращение в советскую Россию не устраивали эмигрантское большинство как способы решения проблемы русских беженцев, предлагаемые Лигой Наций. Русские продолжали числить себя российскими подданными. Свое положение эмигрантов они считали временным. Среди эмигрантов царило «чемоданное» настроение.

Частыми переездами с места на место, из одной страны в другую, а также надеждами на скорое возвращение домой, на родину, можно объяснить и нежелание серьезно изучать язык страны проживания. А если говорить о славянских странах, то здесь «медвежью услугу» оказывало и схожесть языков — зачем учить тот же чешский или словацкий, когда и так все понятно?! Правда, из-за кажущейся простоты понимания случались многочисленные казусы,

являвшиеся основой для анекдотов той поры. Так, эмигранты вспоминали, что, приехав в Прагу и сойдя на перрон, тут же услышали: «Пóзор, пóзор». Естественно, они думали, что чехи упрекают их за проигранную гражданскую войну, и только позднее поняли, что значение этого слова в чешском языке совершенно иное — «внимание, осторожно!». Некоторые из них даже стали собирать и записывать слова — т. н. «ложные друзья переводчика», т. е. фонетически одинаковые, но различные по значению, постепенно составляя из них целые словари. Анастасия Копршивова, сама из семьи эмигрантов, по этому поводу пишет: «Чешский язык считали языком небольшого славянского народа и сомневались в его значении и пользе от его знания. Общие славянские корни славянских языков, много похожих слов — все это вело к ошибочному заключению, что стоит лишь переставить ударение и чешский язык становится русским (и наоборот)» [10].

Со временем отношение к чешскому и словацкому языкам изменилось: весьма востребованными стали курсы чешского языка для взрослого населения, открытые еще в начале 1920-х гг. Пражским Земгором (Объединением русских земских и городских деятелей), Земледельческой Еднотой (союзом), Русским народным университетом (РНУ) [11].

Однако даже в конце 1920-х гг. в чешской печати критиковалось знание чешского языка русскими студентами, которые, прожив в республике около 10 лет, все еще упорно говорили по-русски [12]. Правда, существуют и прямо противоположные свидетельства о том, что молодые эмигранты, русские студенты чешских вузов освоили чешский язык очень хорошо, а их дети говорили на чешском уже лучше, чем на русском [13]. Но это вполне естественно, так как по статистике ассимиляция происходит как раз в третьем поколении. Были примеры прекрасного владения чешским языком и представителей старшего поколения, профессоров, преподававших в чешских вузах, скажем А.П. Фандер-Флита, проф. Чешского высшего технического училища, специалиста в области кораблестроения и аэродинамики [14]. Поэтому отношение к изучению чешского и словацкого языков, скорее всего, было связано и с внутренней установкой каждого, желанием либо отказом переходить с эмигрантских на иммигрантские позиции.

Позднее, со второй половины 1920-х, пришло осознание, что возвращение в Россию если и состоится, то нескоро. Именно тогда происходит либо отъезд из страны, либо более глубокое «врастание» в местную жизнь. Численность русской колонии в ЧСР существенно менялась: если к середине 1920-х гг. в Чехословакии проживало около 30 тыс. русских эмигрантов, то в 1930-е их число сократилось до

15–10 тыс. Те, кто остался, стали рассматривать Чехословацкую республику как новый дом, стараясь адаптироваться к условиям жизни в этой стране. Особенностью Русского Зарубежья «первой волны» * в целом являлась прекрасная самоорганизация. В разных странах, где обосновались русские эмигранты, условия во многом различались. Государства в большей или меньшей степени брали на себя заботу об эмигрантах. Социальным обустройством беженцев занимались и международные организации — Общество Красного Креста, Лига Наций и др. Однако активную помощь эмигрантам в адаптации к местным условиям осуществляли сами эмигрантские общественные объединения, в основном возрожденные [15] за рубежом Земско-городские союзы, а также Российское общество Красного Креста (РОКК), Союз инвалидов и др. [16].

В 1930-е гг. нередки становятся случаи обращения за гражданством, тем более, что от этого зависело и экономическое благополучие — возможность получения работы и пенсии. Хотя получить гражданство эмигрантам было весьма не просто. По образному выражению В.С. Вилинского, «получить чехословацкое гражданство и пройти через все формальности так же тяжело, как и верблюду пройти через игольное ушко» [17]. Покровитель русских эмигрантов Карел Крамарж в 1933 г., обращаясь в министерство внутренних дел ЧСР с предложением облегчить русским возможность получения гражданства, писал: «Я не ставлю в вину тем русским эмигрантам, которые у нас уже долго живут и только теперь — вероятно, из соображений материальных — просят нас принять их в чехословацкое гражданство, — причина этому патриотизм и сила веры, что они вернутся на родину» [18]. Кроме того, конец 1920 — начало 1930-х — это время начала мирового экономического кризиса, когда во многих странах, в том числе и в Чехословацкой республике, стали приниматься меры по защите национального рынка труда. Закон о защите национального рынка труда был принят в Чехословакии в 1928 г. Согласно этому правовому акту, вводились ограничения в приеме на работу иностранцев (в том числе и русских), прибывших в республику после 1 мая 1923 г. Иностранцы подлежали увольнению с работы в первую очередь. Однако в отличие от эмигрантов других национальностей русские не имели возможности (да и желания в большинстве случаев [19]) вернуться на родину, в СССР.

Специфика Чехословакии состояла в том, что из-за широкой поддержки русских эмигрантов чехословацким правительством и выде-

* Термин, традиционно обозначающий послереволюционную российскую эмиграцию, часто употребляемый, хотя и не совсем корректный, так как эмиграция из России как явление существовала и до Первой мировой войны.

ления значительных средств на «русскую акцию» в начале 1920-х гг., эта страна превратилась в своеобразный «Русский Оксфорд» Зарубежья. В конце двадцатилетия появились уже первые выпускники вузов, но из-за начавшегося кризиса и узости самого рынка труда в ЧСР они так и не смогли найти работу по специальности. В еще более сложном положении оказались те из них, кто однозначно ориентировался на то, что полученное образование они смогут применить в России. Так, скажем, выпускники Русского юридического факультета (РЮФ), воспроизводившего прежнее российское юридическое образование, оказались в условиях ЧСР невостребованными, так как чехословацкое законодательство было иным. В этот период начался значительный отток эмигрантов в другие страны.

Многие родители стали предпочитать отдавать детей в английские, французские либо чешские и словацкие школы и гимназии с обучением, естественно, не на русском языке. Так как основная масса русских эмигрантов состояла из молодых мужчин, женщин было значительно меньше, появилось много смешанных браков. Дети от этих браков посещали чешские школы и уже плохо владели русским языком. Для таких категорий детей во второй половине 1920-х гг. в Чехословакии были созданы специальные курсы русского языка. Эти курсы при Русской Академической группе посещали и дети чешских легионеров, женившихся в свое время на русских. Руководили курсами профессор филолог И.И. Лаппо, а затем историк С.Г. Пушкарев. Кроме собственно русского языка дети от 7 до 16 лет изучали русскую историю, Закон Божий и русское хоровое пение. Обучение на курсах было бесплатным, они существовали на пособие министерства народного образования Чехословацкой республики и пожертвования русской супруги влиятельного чешского политика, известного русофила К. Крамаржа Надежды Николаевны Крамаржовой (урожденной Хлудовой, в первом браке Абрикосовой). В своих воспоминаниях С.Г. Пушкарев описывал посещения вместе с детьми виллы Крамаржей дважды в год [20]. Интересны и сохранившиеся в его личном фонде в ГАРФе детские сочинения об обстановке в доме Крамаржей и полученном от почетной покровительницы угощении.

Таким образом, условно говоря, во второй период эмиграции с конца 1920-х — в 1930-е гг., сохранение национальной идентичности стало уже задачей, для решения которой требовалось принятие определенных мер. Решать ее в первую очередь приходилось РПЦ, культурным центрам и образовательным учреждениям. Факторами, игравшими существенную роль в сохранении национальной идентичности русских эмигрантов, следует признать также семейное воспитание, язык, православную веру, высокий

национально-патриотический настрой, сознание принадлежности к великой нации, особенности складывавшихся отношений с чехами и словаками.

Образование

В результате самоорганизации и щедрой государственной помощи в ЧСР появилась целая сеть русских образовательных институтов, как для детей, так и для взрослых, была создана система дошкольного, начального, среднего, высшего и профессионального образования, начиная с яслей, детских садов и кончая вузами, в том числе и обеспечивавшими второе высшее образование.

Создание яслей и детских садов помимо основной задачи — предоставления возможности родителям работать и учиться — преследовало и воспитательные цели. Еще раз подчеркнем, что общение велось на русском языке. Детские сады существовали в Праге и ее окрестностях, где по соображениям экономии вынуждены были селиться русские, — в Ржичанах, Уезде, Черношицах [21]. Число детей, посещавших сады, на протяжении 1920-х гг. увеличилось почти в 5 раз. Всего к концу 1920-х гг. в ЧСР существовало 29 русских детских садов [22]. По воспоминаниям И.П. Савицкого, во многих семьях дети дошкольного возраста говорили только на русском, и лишь в гимназии они начинали осваивать чешский язык, который являлся обязательным предметом. Хотя языком обучения в русских школах и гимназиях оставался русский. Вообще семейное воспитание, общение на родном языке играло одну из ведущих ролей в денационализации. На это обращали внимание еще чехи, эмигрировавшие в Россию во второй половине XIX в. Участник организованных Национальным чешским советом в Праге в 1912 г. совещаний с зарубежными чехами В. Мелихар, приехавший из Киева, сообщил, что в России чехи русифицируются уже во втором поколении, чего не происходит, скажем, с поляками. Причину этого он видел в семейном воспитании, подчеркивая, что заслуга польских матерей в том, что они никогда не выращивают из детей русских [23].

Возвращаясь к русским в Чехословакии, надо отметить, что проблема смешения языков тоже возникала, но ее старались решать: был даже создан кружок «ревнителей русского слова» под руководством С.В. Завадского. Второе поколение эмигрантов, выросшее и получившее образование в ЧСР, стало двуязычным. Родной язык при этом становился, как, впрочем, в любой изолированной общности, несколько устаревшим, законсервированным, но достаточно чистым, без новомодного сленга, слов-паразитов, иностранных заимствований.

В Чехословакии существовали русские гимназии. Одна из них под руководством опытной директрисы Киевской частной жен-

ской гимназии А.В. Жекулиной первоначально была переведена из Константинополя в Моравскую Тршебову. В ней обучалось около 600 учащихся. Это была школа-интернат. Учебная программа гимназии соответствовала программе чешской восьмилетней реформированной реальной гимназии, что позволяло ее выпускникам поступать в чешские вузы. Однако, кроме предметов, предусмотренных в чешских средних учебных заведениях, дети изучали русский язык, русскую литературу, русскую историю, Закон Божий, занимались пением. По воспоминаниям Т. Рейзер-Бем, «Моравска Тршебова сумела создать для всех своих учеников особую среду и жизнь» [24]. Эта гимназия находилась в ведении Союза городских деятелей (Согора). Другая гимназия в Страшницах (район Праги) была основана Пражским Земгором. В 1932 г. обе гимназии были объединены в одну пражскую. В обеих гимназиях обучение велось на патриотической основе: детей, покинувших родину в раннем возрасте либо вообще родившихся за границей, воспитывали в любви и уважении к России. Это наглядно подтверждается в исследовании, проведенном в Моравской Тршебове 12 декабря 1923 г., когда детей неожиданно попросили написать за два академических часа сочинения-воспоминания о жизни с 1917 г. до момента поступления в гимназию. Почти все сочинения проникнуты любовью к родине, надеждами на ее возрождение. В одном из них читаем: «Мы любим Россию и снова желаем ее видеть могучей, и сильной, и славной страной… Попросим же мы Бога о том, чтобы он вновь взял под свою защиту поруганную и униженную, но не забывшую, несмотря на гонения, христианскую веру, нашу дорогую Святую Русь» [25]. В другом сочинении есть такие слова: «Так тяжело сознавать, что ты ничем не можешь помочь своей родине, но я верю, что придет это время, когда мы будем ей нужны. Я с радостью готовлюсь к этому» [26]. О высоком национально-патриотическом духе, который был присущ обучению в русских средних школах, говорит еще одна выдержка из сочинения: «Мы — новое поколение, и наш долг положить свою лепту на благо родины» [27]. Таким образом, благодаря усилиям русских эмигрантов-педагогов весьма успешно решалась сложная задача воспитания нового поколения в любви к родине, с которой ассоциировались нередко тяжелые переживания, горе, потери близких, психологические, а то и физические травмы. Огромную роль русских школ отмечал и кн. Петр Долгоруков. Он писал: «Воспоминания о родине, тоска по ней, трепетная к ней любовь, надежда на возвращение и желание работать над ее возрождением проходят красной нитью почти через все ученические работы учебных заведений, подвергшихся исследованию посредством классных сочинений на заданную тему» [28]. При этом он отмечал, что это исследование проводилось только в русских

школах (позднее такие же исследования, как в Моравской Тршебове, были проведены и в других русских школах в разных европейских странах). Но русские дети вне влияния русской школы, по его наблюдениям, очень быстро денационализировались. По его словам, «родная школа является наравне с семьей самым надежным способом борьбы с денационализацией» [29]. А всего в ЧСР в 1928–1929 гг. действовали 52 начальные и 37 средних школ. В русских школах низшей ступени учились 7673 ребенка [30]. Документы об окончании русских средних учебных заведений в ЧСР признавались для поступления в вузы, не только в русские, но и в чешские и в словацкие. В 1923 г. в Праге было основано Педагогическое бюро по делам младшей и средней школы за границей и Общество русских учительских организаций за границей. Эти организации имели собственный печатный орган — «Бюллетень», затем «Вестник», в котором освещалась эмигрантская деятельность на ниве образования в разных странах. Обе организации играли и значительную роль в организации общего эмигрантского праздника «Дни русской культуры». Возникавшие проблемы воспитания и образования рассматривались на педагогических съездах, пленумах бюро, в различных комиссиях [31].

Что касается профессионально-технического образования в ЧСР, то Земгор открыл автомобильно-тракторную школу, которая пользовалась большой популярностью и за 7 лет существования выпустила 800 водителей и техников.

12 августа 1921 г. был образован Комитет по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой республике, призванный подготовить прием около 1 тыс. русских студентов для обучения в ЧСР. При комитете возник «Совет профессоров» во главе с проф. А.С. Ломшаковым, получивший право приглашать в Чехословакию бывших преподавателей российских вузов для продолжения научной и педагогической работы [32]. Вскоре в Чехословацкой республике были созданы и русские вузы. Уникальность чехословацкой ситуации заключалась в том, что многие из них были прямо ориентированы на потребности России. Об одном из таких образовательных учреждений уже говорилось — это Русский юридический факультет (РЮФ), просуществовавший около 7 лет, с 1922 по 1928 г. Открытие факультета, в основу преподавания которого было положено русское национальное право, было названо его первым деканом П.И. Новгородцевым «ставкой на Россию, ее будущность, ставкой на право» [33]. Окончили факультет более 400 студентов. Более успешной (в смысле подыскания работы по специальности после окончания вуза) была деятельность Института сельскохозяйственной кооперации в Праге, который за 9 лет существования подготовил 400 специалистов. Куда более скромными по количеству выпускни-

ков и времени существования являлись Русское высшее училище техников путей сообщения, за 6 лет выпустившее 80 технических кадров, и Институт коммерческих знаний, просуществовавший лишь 2 года и подготовивший 40 специалистов. Причем, если техники путей сообщения достаточно легко находили себе работу, то выпускники Института коммерческих знаний, ориентированного на создание кадров для чехословацко-русских торговых отношений, оставались невостребованными. Русский педагогический институт Я.А. Коменского за два года работы дал второе высшее образование 100 выпускникам. Он также был нацелен на подготовку кадров для будущей России. В этот вуз принимались лица с законченным высшим образованием и стажем педагогической работы.

Любопытным учреждением был и Русский народный университет (РНУ), созданный Земгором по образцу университета Шанявского в Москве, где вольным слушателям читались лекции на разные темы. Обучение велось по трем ступеням. Низшая, например, была задумана для искоренения неграмотности среди взрослых. При университете работали различные курсы: счетоводов, торговой корреспонденции, стенографии, дорожно-строительные, землемерные, медицинские, которые помогали эмигрантам приобрести профессию и устроиться на работу. При РНУ работало Философское общество, издававшее научные труды. Университет устраивал концерты, организовывал театральные постановки, проводил литературные и исторические вечера в честь юбилеев писателей, поэтов, исторических событий. Широко отмечался в рамках университета Татьянин день. В 1933 г. изменилось его название — на Русский свободный университет (РСУ). При РСУ действовало научно-исследовательское объединение, издавшее несколько томов научных «Записок». Ректорами университета являлись М.М. Новиков, а затем И.С. Ильин.

Многие профессора и доценты, приехавшие в Чехословакию, занимались не только педагогической, но и научной работой. В Праге проводились съезды русских ученых, образовалась т. н. Русская Академическая группа, возник ряд научных учреждений — Русский научный институт сельской культуры, позднее переименованный в Институт изучения России, Экономический кабинет проф. Прокоповича, Славянский институт и др. Научная работа по сбору и обработке материалов, посвященных русской революции, гражданской войне и жизни в эмиграции, велась Русским заграничным историческим архивом (РЗИА). В Праге действовал Семинар проф. византиниста Н.П. Кондакова, в начале 1930-х переименованный в Археологический институт Н.П. Кондакова. В Праге проходили научные съезды и конференции. Лишь небольшая часть профессуры преподавала в чешских и словацких институтах и университетах.

Поэтому некая обособленность от чешской и международной научной среды русского образовательного и научного центров при всех негативных моментах (замедлявших развитие науки) вместе с тем способствовала сохранению идентичности, так как своеобразным образом консервировала традиции научных школ и различных российских университетов.

Культурно-просветительные учреждения, общественная жизнь, профессиональные объединения

Как известно, «не хлебом единым жив человек». Несмотря на то, что условия эмигрантской жизни были весьма непростыми и приходилось бороться за выживание, почти сразу же после появления российских эмигрантов в ЧСР стали создаваться культурно-просветительные институты: театры, библиотеки, музеи, издательства. Эмигранты проводили выставки, посещали лекции, устраивали вечера, балы, концерты, в том числе благотворительные, отправлялись на экскурсии. Судя по опубликованной двухтомной «Хронике культурной и общественной жизни русских эмигрантов в Чехословакии», русская колония вела весьма насыщенную культурными событиями жизнь. Редкий день, когда не происходило того либо другого культурного мероприятия. Это не только позволяло сохранять и развивать национальные культурные традиции, но и давало возможность общения, обсуждения новостей не только политического, но и общекультурного характера.

Одним из учреждений, занимавшихся культурно-просветительной деятельностью и нацеленным на русско-чехословацкое сближение, стала т.н. «Чешско-русская Еднота». Она возникла еще до начала «русской акции» чехословацких властей в апреле 1919 г. Ее председателями стали Ф. Таборский, а затем Ю. Поливка. Задача общества была сформулирована следующим образом: «развивать чехо-словацко-русскую взаимность, изучать русскую жизнь во всех ее проявлениях, расширять и углублять ее знание чехами и словаками и знакомить русскую общественность с жизнью в Чехословакии». Общество организовывало лекции на русском и чешском языках, литературные и музыкальные вечера, экскурсии, выставки, принимало участие в праздновании юбилеев, открыло библиотеку. Отдельная секция занималась популяризацией русского языка и культуры, пытаясь добиться введения преподавания славянских языков в чешских и словацких средних школах. Благодаря ее активности обучение русскому языку было введено в 17 пражских школах. С 1922 г. общество стало получать государственную поддержку на закупку книг и проведение мероприятий. К 1928 г. состоялось свыше 600 лекций, докла-

дов, диспутов, организованных «Еднотой». Велика заслуга общества в объединении русских эмигрантов, осознании ими своей общности, принадлежности к Русскому Зарубежью и ознакомлении чехов и словаков с русской культурой. Большинство посетителей вечеров были русскими, атмосфера была домашней, располагавшей к общению, после официальных мероприятий устраивался чай у самовара.

Другим культурным центром русских в Праге стал «Русский очаг», созданный по инициативе графини С.В. Паниной и при поддержке дочери чехословацкого президента и главы Чехословацкого Красного Креста Алисы Масариковой. Два отдела «Русского очага» представляли собой библиотеку и лекторий, занимавшиеся организацией лекций, семинаров, чтений, различных вечеров. В его помещении работали кружки, проходили репетиции знаменитого хора Архангельского, драматической студии, проводило заседания Русское историческое общество, устраивало концерты Русское музыкальное общество, работал буфет. Там же проходили собрания комитета ежегодных Дней русской культуры, приуроченных к дню рождения А.С. Пушкина.

Разнообразную культурно-просветительную деятельность развивал и Пражкий Земгор. Им осуществлялась большая лекционная работа на общественно-политические, литературно-художественные и исторические темы. Позднее устраивались циклы лекций по социологии, кооперации, истории русской общественной мысли, новейшей русской литературе, внешней политике России, истории русской музыки и др. В 1921 г. открылась библиотека и читальня Земгора, к концу 1920-х насчитывавшая 47 тыс. томов. При содействии Земгора в Праге возник и просуществовал около двух лет Русский камерный театр, в репертуаре которого в основном была русская классика. Позднее в Праге выступала труппа артистов МХАТа, не вернувшаяся в советскую Россию из гастрольной поездки. Был также создан полулюбительский Русский театр под руководством В.Х. Владимирова. Музыкально-театральная жизнь Праги и провинции была необычайно богата: часто проходили концерты, музыкальные вечера, гастроли русских певцов, танцоров, музыкантов. Е. Никольская и Р. Ремиславский основали в Праге балетную школу.

Русские художники и скульпторы организовывали собственные выставки и участвовали в выставках своих коллег из ЧСР, причем неизменно собирали широкую зрительскую аудиторию. Большую помощь в организации выставок им оказывали Общество славянских художников «Скифы», пражская организация обществ «Русский кустарь», «Умелецка беседа», «Манес» и др. Архитектор В.А. Брандт и его помощники Н.П. Пашковский и С.Г. Клодт разработали и осуществили ряд проектов, среди них храм-усыпальница на Ольшанском

кладбище, дом К. Крамаржа на его родине в Высоком над Йезероу, набережная водохранилища в Индржиховицах. К.М. Катков создал проект православного храма в Ужгороде [34].

В 1930-е гг. развернулась деятельность по созданию Русского культурно-исторического музея. Инициаторами его создания были ректор РНУ М.М. Новиков, бывший личный секретарь Л.Н. Толстого, затем директор его музея в Москве писатель В.Ф. Булгаков, профессора В.А. Францев, М.В. Шахматов, Н.Л. Окунев, доцент В.В. Саханев. К. Крамарж обратился к своему знакомому предпринимателю-меценату Ц. Бартоню-Добенину с просьбой предоставить часть збрасловского замка для музейных помещений. Материальную поддержку музею оказал начальник канцелярии президента республики П. Шамал, выделив из средств канцелярии 3000 крон. Общими усилиями музей был создан и открыт в 1936 г. Он располагал богатыми коллекциями, присланными русскими эмигрантами из разных стран [35]. Собрание музея включало предметы живописи, скульптуры, памятники литературы, сценического искусства, материалы о научных и технических достижениях и открытиях, документы из истории и повседневной жизни русской эмиграции в разных странах мира. Его экспонаты свидетельствовали о творческой, активной, деятельной жизни Русского Зарубежья.

Своими масштабами поражает издательское дело русских эмигрантов в ЧСР. Печатались как новые произведения эмигрантских писателей и поэтов, так и русская классика. Выходили и некоторые новинки советской литературы. Наиболее крупным из нескольких сотен русских издательств в ЧСР являлось «Пламя», возглавляемое проф. Е.А. Ляцким, за три года выпустившее более 100 наименований книг [36]. После ослабления издательской деятельности Русского Зарубежья в Берлине эстафета перешла к Праге [37]. В 1923 г. в Чехословакии возник Комитет русской книги, занимавшийся устройством книжных выставок русской книги и литературы о России на разных языках, разработкой библиографических материалов о русскоязычной литературе, изданной после 1914 г. в России и за ее пределами [38].

Отличалась разнообразием и эмигрантская периодическая печать: всего за двадцатилетие в Чехословакии выходило около 100 журналов, бюллетеней, вестников и 20 газет на русском языке. Правда, многие из них просуществовали очень непродолжительное время. Особенностью Чехословацкой республики было отсутствие русской ежедневной газеты, зато выходил толстый журнал «Воля России». Интенсивно развивалась литературная жизнь русской Праги и ее окрестностей. Был основан Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии, членами которого состояли как из-

вестные в дореволюционной России литераторы В.И. Немирович-Данченко, С.Н. Чириков, М.И. Цветаева, так и талантливая молодежь. Работали литературные кружки и объединения, такие как Скит поэтов, Далиборка и др. Писатели и поэты продолжали творить на русском языке, что, с одной стороны, мешало их мировому признанию, но, с другой — как справедливо подчеркивал М. Раев — они продолжали традиции русской литературы, создавали произведения для своего народа [39].

Не только творческая, но и предпринимательская активность объединяла русских. В 1921 г. В ЧСР возник Русский торгово-промышленный комитет, в 1923-м — Русский студенческий кооператив. С 1926 г. действовала ссудо-сберегательная касса «Славянская взаимность», а в 1930-е гг. существовало Объединение русских кооператоров [40]. Бюллетень Земгора за 1929 г. сообщал о существовании в Чехословакии 60 русских предприятий, большая часть которых являлась производственными [41]. В Чехословакии открылись русские магазины и рестораны.

Русские любили вместе проводить досуг. Проходили как общеэмигрантские мероприятия, так и собрания более частного характера, такие как «збрасловские пятницы», с заслушиванием доклада или литературным чтением, музыкальными выступлениями, любительскими спектаклями, собрания кружков в Черношицах, Ржевницах, Вшенорско-Мокропсинского русского клуба [42]. Выходцы из России вместе отмечали праздники, дни рождения, именины, устраивали для детей новогодние елки, любили прогулки, посиделки и вечеринки с традиционным чаем и выпивкой. Культивировались прежние дореволюционные традиции и обычаи. Совместный досуг, привычная трапеза объединяли и сплачивали эмигрантов, естественно, способствуя сохранению их национальной самобытности.

Русская Православная Церковь

Роль церкви, как всегда в экстремальных условиях, в эмиграции значительно усилилась. Как отмечал П. Ковалевский, возврат в лоно церкви был характерным явлением эмиграции, храмы были переполнены: «Люди шли туда… как в убежище от чужого мира, от трудностей жизни» [43]. Одной их центральных задач, которые ставила Русская Православная Церковь За Рубежом, было религиозное воспитание русской молодежи в духе русской культуры и национального самосознания. В школах и гимназиях преподавался Закон Божий. В 1921 г. в Чехословакии возникло Русское студенческое христианское движение (РСХД). Возглавил его профессор философии В.В. Зеньковский. Среди молодежи обострился интерес к русской философии, к богословию [44].

С 1920 г. в Чехословакии возобновляются православные богослужения, с 1921 г. они стали проводиться в соборе Св. Николая. В 1921–1923 гг. оформилась организационная структура русского прихода в Праге. Настоятелем прихода был назначен епископ Сергий (Королев) [45]. В Чехословакии русский православный приход оставался непризнанной, но терпимой религиозной организацией, не имевшей статуса юридического лица. Русский приходской совет вел метрические книги, в которых регистрировал крестины, венчания и погребения (т. о. РПЦ выполняла не только религиозную, но и государственно-юридическую функцию). Однако с точки зрения чехословацкого закона эти записи не имели силы. Юридическая сила признавалась лишь за документами, оформленными зарегистрированными религиозными общинами. По этому поводу настоятель русской общины Г. Ломако давал пояснения чехословацкому МИДу, сообщив, что русские беженцы надеются вернуться на родину, поэтому стремятся оформлять документы по российским законам, чтобы в будущем они были признаны в России [46]. В результате акты стали регистрироваться дважды: в церковных метрических книгах и в государственных метрических книгах магистратов. Регулярные службы стали проводиться и в храмах на курортах, в Карловых Варах, Франтишковых и Мариинских лазнях. В 1925 г. был возведен по проекту В.А. Брандта Успенский храм на Ольшанском кладбище. Наружные мозаики были выполнены по эскизам художника И.Я. Билибина. Большую материальную помощь в строительстве нового храма оказали русским эмигрантам супруги Крамарж, сербское правительство. Было создано Братство по захоронению православных русских и поддержанию в порядке их могил. Многие эмигранты вспоминали о том, какими незабываемыми праздниками становились Рождество, Пасха.

Трудно переоценить роль РПЦ в жизни эмигрантов: она объединяла людей, сохраняла их память о родине, ее истории и культуре, национальных корнях, являлась воспитательным и духовным центром, осуществляла не только религиозную, но и социальную функцию.

Специфическим моментом, сыгравшим определенную роль в сохранении национальной идентичности русских в Чехословакии, стали непростые отношения между русскими эмигрантами и принимающей стороной. Им стала такая непохожесть «братских» славянских народов. Чехи и словаки были по преимуществу католиками, хотя авторитет католической церкви в Чешских землях был сильно подорван из-за прогабсбургской позиции церкви в годы Первой мировой войны, в Словакии католическая церковь сохранила более сильные

позиции. Национальный менталитет и характер чехов и словаков также сильно отличался от русских. По замечанию А. Копршивовой, в чешско-русских взаимоотношениях можно проследить три этапа: короткий период «восторженной приязни», быстро наступившее разочарование и охлаждение и, наконец, длительный процесс постепенного привыкания и развития взаимопонимания [47]. Многие эмигранты отмечали, что русским было трудно вписаться в жизнь Чехословакии из-за сильного чехословацкого национализма, некой «зацикленности» на внутренних проблемах, довольно замкнутого образа жизни чехов и словаков, их приверженности семейному кругу, а также из-за различной системы ценностей, непохожих привычек общения, разнице в бытовой культуре, поведенческих особенностей великого и малого народов.

Итак, говоря о факторах, сыгравших огромную роль в сохранении национальной идентичности русских в условиях эмиграции, в частности в ЧСР, следует подчеркнуть следующие: семейное воспитание, православная вера, объединяющая и сплачивающая роль РПЦ, русский язык, образование в системе русских учебных заведений, воспитание молодежи в духе патриотизма и любви к родине, высокая степень самоорганизации эмигрантов, широкая сеть научных и культурно-просветительных заведений, интенсивная общественная жизнь, совместное проведение досуга, общие праздники, прогулки, культивирование и воспроизводство национальных традиций, обычаев, привычек повседневной жизни и даже национальная кухня. Все это позволило русским не только создать свои колонии в отдельных странах, но и образовать свой русский мир за рубежом, Россию вне России, возникло такое уникальное явление как Русское Зарубежье. Это было важно не только для самих эмигрантов, но дало возможность сохранить в культурном наследии Зарубежья утерянные в советской России культурные связи с дореволюционным периодом: научные школы, языковые традиции, обычаи повседневной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О развитии чешской и словацкой историографии вопроса см.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX — XX в.). М., 2004. С. 210–229.

2 *Chinyaeva E.* Russian emigration: In search of identity (The example of the Russian émigré community in Czechoslovakia) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды

Славянской библиотеки и пражских архивов: сборник докладов. Ч. 1–2. Прага, 1995.

3 *Savický I.* Osudové setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach 1914–1938. Praha, 1999; *Савицкий И.* Прага и зарубежная Россия. Прага, 2002; *Andreyev C. and Savitsky I.* Russia Abroad. Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven and London, 2004. Подробнее о первой монографии см.: *Серапионова Е.П.* Рец. на кн.: I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914–1938. Praha, 1999. 271 S. // Славяноведение. 2000. № 4.

4 Т.Г. Масарик и «Русская акция чехословацкого правительства: по материалам международной научной конференции. М., 2005.

5 *Chinyaeva E.* Russians outside Russia. The Émigré community in Czechoslovakia 1918–1938. München, 2001.

6 *Harbuľová Ľ.* Ladomirová — konfesionálne stredisko ruskej emigráce na Slovensku // Ruská a ukrainská emigráce v ČSR v letech 1918–1945 (Sborník studií — 3). Praha, 1995. S. 53–61; Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939). Prešov, 2001.

7 Записки русской академической группы в США. Т. XXXI. Русская Прага 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA. New-York, 2001.

8 Cahiers du Monde Russe . Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. Ľ invention ď une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930). 2005. 46/4 Octobre–décembre.

9 См., напр.: *Серапионова Е.П.* «Язык как средство сохранения национальной идентичности в условиях эмиграции // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. статей. М., 2001. С. 91–101.

10 *Копршивова А.* Российские эмигранты во Вшенорах–Мокропсах–Черношицах (двадцатые годы 20-го века). Прага, 2000. С. 12.

11 Государственный архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. 5764. Оп. 1. Д. 87. Л. 123.

12 Národní archiv (NA). F. KRUS. Fakcikl. 139. č.kr. 23.

13 *Копршивова А.* Указ. соч. С. 13.

14 Archiv Národního muzea (ANM). F. K. Kramář. Kart. 19.

15 Декретом СНК РСФСР 17 января 1918 г. Городской и Земский союзы и Земгор были упразднены // *Серапионова Е.П.* Деятельность земских и городских объединений и комитетов за границей (1920–1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). М., 1999. С. 62.

16 *Мочанов Л.А.* Система социальной защиты российских эмигрантов в странах Европы (1920–1930-е гг.) // Там же. С. 74–81.

17 *Vilinský V.S.* Rus se dívá na ČSR. Praha, 1931. S. 132–133 / Цит. по: *Киберева А.А.* Поддержка российской эмиграции в ЧСР и ее оценка в мемуаристике. (Дипломная работа. МГУ. 2007. Научн. рук. Е.Ф. Фирсов). С. 114.

18 Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 180.

19 Движение «смены вех» по возвращению на родину затронула лишь некоторую часть эмигрантов в ЧСР. По сведениям Л.К. Шкаренкова, в 1922 г. на родину вернулось около 4 тыс. амнистированных казаков, см.: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 78.

20 *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка, 1905–1945. М., 1999. С. 101–102.

21 Русские в Праге. Прага, 1928. С. 27.

22 *Tejchmanová S.* Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917–1939). Praha, 1993. S. 28.

23 NA. F. Národní Rada Česká (NRČ). Kart. 13/2.

24 *Рейзер-Бем Т.* Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945: (Sbornik studií — 3). Praha, 1996. S. 75.

25 *Цуриков Н.* Дети эмиграции. Обзор 2400 сочинений учащихся в русских эмигрантских школах на тему: «Мои воспоминания» // Дети эмиграции. Воспоминания. М., 2001. С. 132.

26 Там же. С. 132–133.

27 Там же. С. 133.

28 *Долгоруков П.* Чувство родины у детей // Дети эмиграции… С. 162.

29 Там же. С. 163.

30 *Tejchmanová S.* Op.cit. S. 28.

31 *Владыкина В.А., Красовицкая Т.Ю.* Из истории русской школы за рубежом (20-е годы XX века) // Культурная миссия российского зарубежья. Прошлое и современность. М., 1999. С. 89.

32 *Савицкий И.П.* Прага и Зарубежная Россия. Прага, 2002. С. 128–129.

33 Там же. С. 133.

34 Подробнее о русском изобразительном искусстве в Чехословакии см.: *Еленев Н.* Русское изобразительное искусство в Праге // Русские в Праге, 1918–1928 гг. (Ред.-изд. С.П. Постников). Прага, 1928. С. 284–310.

35 Подробнее о музее и его коллекциях см.: *Муромцева Л.П.* Документальные и книжные коллекции музеев российской эмиграции в Чехословакии // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами… Т. 2. С. 801–806; *Досталь М.Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // Там же. С. 548–557.

36 Русские в Праге… С. 194–204.

37 *Киселева Г.Б.* Критико-библиографическая информация на страницах русскоязычных периодических изданий Чехословакии (1920–1939 гг.) // Культурная миссия российского зарубежья… С. 164.

38 Подробнее см.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 148.

39 *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 243–244.

40 *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике… С. 158–160.

41 ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 258. Л. 47 об.

42 См. подробнее: *Копршивова А.* Указ. соч. С. 18–20.

43 Цит. по: *Шулепова Э.А.* Роль и место Православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья. Прошлое и современность. М., 1999. С. 22.

44 Там же. С. 24.

45 *Бурега В.В.* Взаимоотношения русского православного прихода в Праге с государственными органами Чехословакии (1921–1938) // Славяноведение. 2007. № 4. С. 31.

46 Там же. С. 34.

47 *Копршивова А.* Указ. соч. С. 10.

ПОЛЬША

Т.М. Симонова

Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. XX в. Некоторые аспекты проблемы сохранения национальной идентичности

В период 1917–1922 гг. более двух миллионов россиян оказались в изгнании — за пределами родины. В процессе изучения комплексного феномена Российского зарубежья, как российскими, так и зарубежными историками, выявлено, что первоначально многие эмигранты и беженцы оседали в соседних с Россией государствах-лимитрофах (Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Польше), а также Турции и Китае. Это объяснялось надеждами эмигрантов на скорое возвращение на родину. Неоправдавшиеся надежды на скорое крушение советского строя заставили многих россиян перебраться вглубь Европы или выехать на другие континенты — в США, Канаду, Центральную и Южную Америку, Австралию, Африку.

Основными этнодифференцирующими характеристиками духовной культуры нации являются: язык; историческая память, включающая в себя пантеон национальных героев (исторических и государственных деятелей, полководцев, писателей, художников и т. п.); религия с пантеоном святых. В современном понимании национальная идентичность утверждается, прежде всего, через обеспечение гражданского равноправия, систему воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство» [1].

Принято считать, что несущей конструкцией национальной идентичности становится государство. При отсутствии этого стабилизирующего компонента русские в эмиграции предпринимали чрезвычайные, ранее не отмеченные в истории русского народа, усилия по самоорганизации в различных формах. Целью этой деятельности было сохранение признаков прошлого национально-культурного единства в условиях явного противодействия этому стремлению на государственном уровне. Проблема сохранения национальной идентичности для всего сложного комплекса российской диаспоры в Польше, как и в Прибалтике, стояла острее, чем в других странах русского рассеяния. Формирование российской диа-

споры [2] в государствах-лимитрофах имело существенные особенности по сравнению с аналогичными процессами в других странах российского рассеяния.

Польская республика, как и другие государства-лимитрофы, сформировалась как многонациональное государство, более трети в ней составило непольское население. После окончания советско-польской войны и на основании условий Рижского мира (март 1921 г.) к Польше отошли территории с преимущественным русским, украинским, белорусским, литовским и еврейским населением. Это привело к формированию значительного контингента коренного русского национального меньшинства.

Проблема сохранения национальной идентичности русских эмигрантов тесно смыкается, а зачастую — сливается, с проблемой отстаивания своего национального своеобразия русским национальным меньшинством. В результате территориальных приобретений (Западные Белоруссия и Украина) в состав Польской республики вошло почти 3,5 миллиона непольского населения [3], в том числе более миллиона русских и более 4 миллионов православных [4].

К концу рассматриваемого периода коренное население (национальное меньшинство) и осевшие в Польше русские (политические эмигранты и бывшие беженцы) составили общий массив русскоязычной среды, применительно к которому сформировалось особое самоназвание: «русское меньшинство» или «православное меньшинство». К нему причисляли себя все носители русской культуры и языка, зачастую — независимо от национальности и юридического статуса. Это уникальное явление было характерно для всех государств-лимитрофов. Его рассмотрение представляет значительный научный и типологический интерес.

Эта проблема в современном постсоветском пространстве приобретает не только научную, но и общественно-политическую остроту. В последнее время появились исследования, в которых правомерно, на наш взгляд, подняты основные аспекты проблемы культурологического единства всех категорий русских в государствах-лимитрофах в рассматриваемый период. К ним относится ряд исследований отечественных историков и исследователей Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии, которые представляют взгляд на проблему изнутри, ощущая внутреннее единство русского национально-культурного поля. Предметом исследований в данном случае становится весь сложный, зачастую — противоречивый, комплекс общественно-политической и духовной жизни русского населения в государствах со значительной долей русского населения. При этом исследователи обоснованно не закрывают глаза на некоторые специфические отличия в правовом, социальном, политическом положении разных

категорий русских (эмигрантов — беженцев — «иностранцев» и национального меньшинства) [5].

В современной польской историографии [6] преобладает взгляд на проблему извне, проявляется стремление разобщить две группы «русской общественности» («эмигрантской» группы беженцев и национального меньшинства). Основой этого различия становятся организационные формы и некоторые внешние признаки самоидентификации («формы общественной, культурной и политической жизни») [7]. Тем не менее и некоторые польские исследователи отмечают, что между обеими группами «во многих областях жизни существовало сотрудничество», а также имела место диффузия из эмигрантской группы в группу национального меньшинства с приобретением польского гражданства [8].

Сложное явление «русские в Польше» сформировалось не сразу. Результатом мощных геополитических и социальных конфликтов первой четверти XX в. (Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции в России, развал трех империй, создание Версальской системы, а в ее составе — Польской республики, Гражданская война в России, советско-польская война) стало формирование миграционных процессов, размах которых до настоящего времени недостаточно исследован. Территории Германии, будущей Польши и европейской части Советской республики в период с 1914 по 1922 г. стали ареной перемещения нескольких людских потоков.

Из Польши с началом Первой мировой войны беженцы двинулись на восток, в Россию. Среди них был значительный процент русского населения, которое стало возвращаться на родину с окончанием советско-польской войны как стихийно, так и в рамках двусторонней репатриации. Из Германии после Брестского мира и выхода России из мировой войны своим ходом двинулись русские военнопленные. Численность русских, к февралю 1919 г. (начало польско-советских военных конфликтов) пересекших границу Германии и оказавшихся на польских землях, по подсчетам польских историков, составила 280 тысяч человек [9]. Однако их подавляющая часть переправилась в белые формирования главным образом через Румынию.

Первой группой русских беженцев, осевших в Польше, стали несколько тысяч человек, прибывших с корпусом Н.Э. Бредова, а также больные, члены семей офицеров и офицеры этого корпуса, не пожелавшие переправляться в Крым в состав Русской армии под командованием П.Н. Врангеля. С армией Бредова прибыло в общей сложности до 30 тысяч человек, включая беженцев из-под Одессы, отряд немцев-колонистов, отряд «Спасения родины», части гарнизона Одессы и ее окрестностей, отряды пограничной и полицейской

стражи. В числе беженцев был большой процент уроженцев Польши и Белоруссии [10].

К январю 1920 г. в отряде было 2 тысячи больных. Украинцы из отряда в количестве почти 4 тысяч человек перешли в Стрелецкую бригаду О. Удовиченко Украинской народной республики (УНР) [11]. Не пожелавшие ехать в Крым, согласно приказу Бредова № 26 от 10 июня 1920 г., освобождались от службы и лишались довольствия, но могли рассчитывать на «покровительство Польского государства, как гражданские беженцы». Предполагалось, что «небоеспособные элементы и не подлежащие перевозке» должны поступить на попечение Русского Комитета [12] — организации русского национального меньшинства в Польше. Общее число оставшихся в Польше в качестве беженцев составило почти 7 тысяч человек. 6 июля 1920 г. распоряжением генерала Оссовского они получили статус беженцев без ограничения срока на жительство с правом выбора места жительства по собственному желанию и бесплатного переезда к нему [13].

В период советско-польской войны на территорию Польши был отправлен значительный контингент в составе Красной армии, в польских концентрационных лагерях, по подсчетам российских историков, было размещено от 145 до 206 тысяч красноармейцев [14]. Одновременно из России (с территории Белоруссии, Украины и из центральных областей) сформировался колоссальный поток беженцев от Гражданской войны и голода, поразившего Россию в 1921–1922 гг., численные характеристики к которому вряд ли возможно применить.

С июня 1920 г. на территории Польши по решению польского генштаба на средства Польской республики и при активном участии Б.В. Савинкова и его соратников стал формироваться антисоветский военный контингент: Народно-добровольческая армия С. Булак-Балаховича, 3-я Русская армия Б. Пермикина, казачьи отряды есаула Яковлева и другие, которые в определенной своей части состояли из военнопленных красноармейцев. Частично их боевой состав прибыл с атаманом Булак-Балаховичем из Эстонии, частично был завербован эмиссарами Савинкова из состава бывших белых Северной и Северо-западной армий, осевших после поражения в Эстонии, Латвии и северо-западных губерниях России. В антисоветские отряды вступали также бывшие русские военнопленные из лагерей Германии, жители северо-западных губерний России и Белоруссии. В ноябре 1920 г. в польских концентрационных лагерях было интернировано 15–20 тысяч. Значительная часть этой массы добровольцев разошлась по Польше [15].

Начиная с 1919 г. в Польшу стали проникать политические эмигранты, одни были ранее связаны родственными узами со страной,

другие надеялись на активную роль Польши в борьбе против большевиков, третьи надеялись на поддержку их националистических программ.

Особенности и специфика формирования, пребывания и деятельности российской диаспоры в Польше в период между двумя войнами напрямую зависели от основных направлений внутренней политики и программных целей внешней политики польского государства. Именно эти факторы определяли условия жизни, характер правовой, социальной, культурной адаптации отдельных категорий россиян: бывших военнопленных советско-польской войны и интернированных антисоветских формирований, беженцев и репатриантов, политических эмигрантов, коренных жителей присоединенных территорий.

28 июня 1919 г. представители Польши на Парижской мирной конференции подписали так называемый «малый Версальский трактат» (Договор о национальных меньшинствах), он был ратифицирован 10 января 1920 г. В нем были оговорены условия принятия и признания польского гражданства, которое должно было признаваться на основе международного права за всеми имеющими местожительство на территории страны (domiciliés). При этом в понятие домицилианта (domicilé) было включено «серьезное и постоянное поселение с намерением оставаться» на территории страны [16].

Подписав договор, Польша тем самым приняла на себя присущие международному праву обязательства: обеспечить равноправие граждан независимо от национальности и вероисповедания, а также использование ими родного языка в частной области и в публичных местах, в судопроизводстве. Польское государство обязалось обеспечить возможность организации национальных школ и обучение в них в начальных классах на родном языке на государственные средства.

Однако в Законе о польском гражданстве, принятом Сеймом 20 января 1920 г., международные нормы, на которых был основан «малый Версальский трактат», были нарушены. В текст закона было введены понятия «оседлость» и «индигенат» [17] («swojszczyzna») на польской территории, а также «постоянное место жительства», что существенно суживало круг лиц, имеющих право получать польское гражданство [18]. Следствием такой трактовки стала неизбежность полицейско-административной регистрации «не оседлого» населения. Введение новых категорий польскими законодателями значительно сузило понятие домицилианта * в ущерб правам даже коренного населения. Лицами «без гражданства» (впоследствии — «ино-

* Домицилиант — проживание постоянно на данной терртироии.

странцами») стали сотни тысяч постоянно проживавших в Польше и все беженцы.

Статья 8-я закона содержала понятие «пожалования права гражданства» при условии: 1) безупречного образа жизни, 2) 10-летнего пребывания на территории государства, 3) наличия средств существования для собственного обеспечения и для обеспечения семьи, 4) знания польского языка.

Определения категориям «беженцы» и «эмигранты» были даны в двустороннем советско-польском соглашении о репатриации, подписанном 24 февраля 1921 г. между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. К категории беженцев были отнесены лица, которые до 1 августа 1914 г. проживали на территории одной из сторон и находились на территории другой стороны. К ним относились все, кто в период мировой войны 1914–1918 гг., «российско-украинско-польской» и гражданской войны оставили «занятые или угрожаемые неприятелем районы» либо были выселены распоряжением военных или гражданских властей. К беженцам отнесли также бывших военнопленных Первой мировой войны, которые до 1 августа проживали на территории одной из договаривающихся сторон, а также бывших военнослужащих российско-украинских армий, находившихся на территории Польской республики, если они не были взяты в плен регулярной польской армией.

В соглашении было отмечено, что беженцами «ни в коем случае не будут считаться лица, которые в период царского режима, исключительно на основании своей официальной должности (военнослужащие, гражданские и военные чиновники), проживали на территории Польской республики» [19].

К категории эмигрантов были отнесены только те граждане, которые до 1 августа 1915 г. эмигрировали на территорию другой стороны «в силу преследований за свои политические убеждения, национальную или религиозную принадлежность» [20]. Юридическое состояние всех лиц, оставивших по этим причинам Советскую Россию или Польшу после 1 августа 1915 г., не было оговорено.

Советское правительство, со своей стороны, предприняло ряд мер по регулированию процесса эмиграции и иммиграции. 26 ноября 1921 г. СНК издал Декрет о лишении советского гражданства следующих категорий лиц: «1) пребывавших за границей беспрерывно свыше 5 лет и не получивших от советских представителей загранпаспортов или соответствующих удостоверений до 1 июня 1922 г.; 2) лиц, выехавших из страны без разрешения советской власти; 3) добровольно служивших в антисоветских армиях и участвовавших в таковых же организациях; 4) не успевших оптировать советское гражданство». До 1 июня 1922 г. лица из 2 и 3 групп мог-

ли подать заявления о восстановлении своих прав через советские представительства в странах пребывания. Срок восстановления в правах для некоторых категорий лиц продлевался, вопрос об этом решался непосредственно в советских представительствах. Декрет был утвержден 15 декабря 1921 г. и вступал в силу с 20 декабря того же года [21].

В отношении некоторых социально-политических групп, пребывавших за границей, был издан ряд декретов, облегчавших их возвращение на родину. Они касались рядовых солдат белых армий и рядовых участников контрреволюционных выступлений, вовлеченных в антисоветскую борьбу «обманом и насилием». Повсеместная общая амнистия, дарованная ВЦИК 3 ноября 1921 г., также касалась рядовых солдат белых армий и военных организаций Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Булак-Балаховича, Пермикина и Юденича и находившихся в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии. Они получили право возвратиться в страну на общих основаниях с военнопленными [22]. В категорию амнистированных, на основании решения ВЦИК от 11 августа 1923 г., вошли и лица, выселявшиеся польским правительством из страны [23].

15 сентября 1923 г. был подписан циркуляр НКИД об отказе в разрешении на въезд в СССР лицам, потерявшим гражданство. К ним отнесли офицеров белых армий и лиц, нелегально выехавших из СССР после 7 ноября 1917 г. [24]. 28 июля 1925 г. циркуляр НКВД РСФСР предписал всем прибывающим из государств-лимитрофов в порядке сельскохозяйственной и промышленной иммиграции выдавать временные виды на жительство, как иностранным подданным [25].

Наконец, постановление ЦИК и СНК СССР от 13 ноября 1925 г. предусматривало утрату гражданства лицами, пропустившими регистрационные сроки для получения гражданства: военнопленными и интернированными военнослужащими царской и Красной армии, а также амнистированными, служившими в белых армиях и принимавшими участие в контрреволюционных восстаниях. С этого момента они приравнивались в своих правах на получение гражданства с иностранцами [26].

Основной закон Польской республики Сейм утвердил за день до заключения мирного договора в Риге, 17 марта 1921 г. В конституции была продекларирована свобода национально-культурного развития национальных меньшинств. В текст Рижского мирного договора между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой (подписан 18.03.1921 г.), были введены наработанные к этому моменту правовые нормы польской стороны, прежде всего содержавшиеся в законе о польском гражданстве. Следует отметить, что

стороны-подписанты пошли на нарушение международных норм, принятых ранее Польшей с подписанием ею «малого Версальского трактата».

В частности, в ст. VI мирного договора были обозначены ограничения в праве оптации польского гражданства по возрастному и административному признаку. Право оптировать польское гражданство получили только лица, достигшие 18-летнего возраста, которые к 1 августа 1914 г. в Российской империи были «приписаны или имели право быть приписанными к книгам постоянного народонаселения бывшего Царства Польского».

Удостоились этой чести и лица, «которые были приписаны к одному из городских, сельских или сословных обществ в составе Польши» [27]. Право оптировать гражданство получили также потомки лиц, принимавших участие в борьбе за независимость Польши в период 1830–1865 гг., и потомки лиц, постоянно проживавших на территории бывшей Речи Посполитой, в случае, если они докажут, что «своею деятельностью, употреблением польского языка как разговорного и воспитанием потомства ясно засвидетельствовали свою приверженность к польской нации». Выбор мужа распространялся на жену и детей моложе 18 лет. Прочие категории бывших подданных Российской империи, находившиеся к моменту ратификации договора на польской территории — бывшие граждане Российской империи, не нуждались в заявлении об оптации, автоматически становясь гражданами страны [28].

В тексте Рижского договора имело место взаимное признание прав национальных меньшинств. Польша «предоставляла лицам русской, украинской и белорусской национальностей все права, обеспечивающие развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов». Стороны обязались также ни прямо, ни косвенно не вмешиваться в дела, касающиеся устройства и жизни церкви и религиозных обществ, которые получали право «пользоваться и приобретать движимое и недвижимое имущество», содержать духовенство и церковные учреждения, пользоваться храмами и учреждениями, необходимыми для выполнения религиозных обрядов [29].

Практическое применение как международных, так и правовых норм, выработанных в двустороннем порядке, находилось в сильной зависимости от общего политического курса страны. Еще в сентябре 1919 г. МВД Польши провел первую регистрацию иностранцев, которые не являлись подданными государств — союзников Польши. Русские и германские граждане были выделены в особую категорию: они были лишены свободы передвижения и поставлены перед необходимостью регулярной регистрации. Только политическим эмигрантам — противникам большевиков, если они смогли подтвердить

это, вручали так называемые «карты азиля» [30], прочие эмигранты могли рассчитывать только на «карты побыта».

Идеологическая основа национальной политики Польской республики была разработана весной 1921 г. во втором отделе генерального штаба польской армии. Основное направление ее проистекало из факта создания «национального государства с преобладанием польского элемента», которое «должно стать этнографически польским» [31]. Из этого обстоятельства следовала необходимость «полонизации окраин в границах Рижского договора», а также «работа в направлении расчленения России путем отрыва от нее Украины, а также Белоруссии». Эти ключевые направления деятельности были положены в основу «дальнейшего отношения польских властей к русским, украинским и белорусским группам». Одним из приоритетных направлений в деятельности государственных структур Польши стало выдавливание беженцев и эмигрантов монархического направления из страны.

Следует отметить, что в этот период в государствах Прибалтики, также подписавших международные договоры о гарантии прав национальных меньшинств, имели место аналогичные явления. В Эстонии проводилась политика вытеснения иностранцев за пределы республики. Это касалось не только беженцев из России, но и украинцев, литовцев и представителей других национальностей. Но вопрос о принудительной высылке русских беженцев и эмигрантов (их число не превышало в Эстонии 15–17 тысяч человек) был поднят в русской эмигрантской прессе Европы и международных организациях, в результате чего ситуацию удалось преодолеть. Уже в начале 1921 г. в ряде публикаций в эстонской официальной прессе появились такие заверения эстонских руководителей и общественных деятелей: «Вновь и вновь подчеркиваем, что мы всем сердцем сочувствуем тем несчастным русским, которые не могли до сих пор по политическим причинам вернуться к себе на родину, и что мы считаем своим долгом облегчить им здесь их тяжелые условия существования» [32].

Более спокойная ситуация складывалась в Латвии. Статья 116 Конституции Латвийской республики (принята в 1922 г.) содержала положение о создании «автономной публично-правовой организации» национального меньшинства [33]. Доля нелатышей в составе населения так же, как и в Польше, была высока и достигала 23%. Но правовое положение русских беженцев и эмигрантов в Латвии достаточно быстро стабилизировалось, решение «русского» вопроса стало на определенный срок основой стабильности в Латвии. Уже в январе 1922 г. было разработано единообразное латвийское удостоверение, действительное сразу после его визирования в МИД. Сравнительно

легко решался вопрос и о получении особого разрешения на жительство в стране [34].

После прибытия в апреле 1921 г. в Варшаву советского представительства, в октябре 1921 г. правительство Польши выслало из страны Б.В. Савинкова и его соратников. В конце 1921 г. в Польшу прибыл генерал-майор В.М. Новиков, на которого главнокомандующий Русской армией П.Н. Врангель возложил обязанности объединения всех русских военных контингентов в Польше. Генерал Новиков должен был находиться в подчинении неофициального военного представителя Русской армии в Польше генерал-лейтенанта П.С. Махрова. Однако Новиков предпринял самостоятельные активные действия: создавал военные формирования в лагерях интернированных, отдавал приказы, издавал инструкции и т. д. Результатом этой деятельности стала высылка всей русской военной верхушки из Польши в Данциг и ужесточение режима в лагерях.

В апреле 1922 г. по обвинению в монархической, антипольской и прогерманской деятельности в Данциг были высланы сотрудники русской военной и дипломатической миссий, а также деятели русского Красного Креста во главе с Л.И. Любимовой. Среди них были Б.Р. Гершельман, генерал В.М. Новиков, генерал П.С. Махров и другие. Несколько десятков человек было арестовано по подозрению в монархической деятельности и в связях с Германией. Десятки человек были под наблюдением [35].

Монархисты, сторонники «единой и неделимой» России, вся жизнь и деятельность которых была обращена в имперское прошлое, идентифицировали себя в культурологическом и национальном плане только с его ценностями. Однако, пристально наблюдая за всем, что происходило в России с переходом к нэпу, они не могли не увидеть позитивных перемен. К осени 1923 г. Врангель пришел к мысли о том, что крестовый поход против советской власти необходимо снять с повестки дня. Все усилия он направил на работу по созданию «идейно кастовых войск», с тем чтобы при перемене обстановки из этого ядра «могла бы вырасти армия» [36].

Эти перемены в политике лидеров русской эмиграции, как известно, советское руководство решило использовать в своих целях, для чего была разработана операция «Трест». В материалах второго отдела польского генерального штаба первое сообщение о контакте с представителем монархической организации Центральной России (МОЦР, в польском варианте — МОР) относится к октябрю 1923 г. Тогда агент отделения «А-9» в Киеве Станислав, друг М. Таликовского (начальник русской секции — реферата «Восток», второго отдела польского генерального штаба), через консула в Киеве Свирского сообщал в Варшаву об установлении контактов с

местными монархистами. В Польше для обработки почты МОЦР был привлечен русский эмигрант С.Л. Войцеховский [37]. Как сотрудник информационного агентства «Русспресс» в Варшаве он получил задание развернуть в печати работу по пропаганде идей «русских монархистов» и евразийства.

На территории Польши монархисты особой активности не проявляли, т. к. деятельность офицерских союзов, как и во всех государствах-лимитрофах, а также в Румынии и Чехословакии, там была официально запрещена. Кроме того, в 1924 г. усилилась эмиграция по экономическим причинам во Францию и Бельгию, где требовались рабочие руки для восстановления экономики и были упрощены условия въезда для рабочих. На сводке о положении офицерских союзов за июнь–июль 1924 г. Врангель отметил: «В Польше нет никого из русских, кто бы не мечтал переехать в другую страну» [38].

Немногочисленные монархисты в Польше находились под постоянным наблюдением второго отдела польского генерального штаба. В январе 1925 г. он зафиксировал оживление как в российской, так и украинской эмиграции в связи с долгожданным соглашением между двумя претендентами на «российский престол» — Кириллом Владимировичем, штаб которого находился в Кобурге, и Николаем Николаевичем, резиденция которого находилась в Париже.

Это событие заставило главнокомандующего Русской армии в эмиграции Врангеля объявить начало регистрации всех бывших офицеров с приведением их в боевую готовность к весне 1925 г. Для этого в Польше, как и в других странах русского рассеяния, были созданы организационные бюро. По данным второго отдела польского генштаба, таковых на территории Польши было создано 14, преимущественно в восточной части страны [39]. Польский штаб Русской армии располагался в центральном управлении имений графини Шуваловой — «Экономия», около Дубно.

Каждый кандидат в Русскую армию строго проверялся, прошедшие отбор подписывали декларацию и получали «явочные карты», в которых были указаны их должность, звание, перечислены обязанности и указано место нахождения. Они получали по 125–150 злотых в месяц в кредит. Занятия с контингентом проводились по большей части в имениях, принадлежащих русским. Субсидировали работу по собиранию армии в регулярные части богатые русские в Польше, дотации поступали и из Парижа и от местных русских меценатов [40].

Из 5 тысяч казаков, перешедших на сторону поляков в период польско-советской войны, в Польше осталось преимущественное их большинство. В рамках предпринятой Врангелем акции началась и их вербовка. Организованные казаки создавали «хутора» (низшие подразделения) и «станицы» (высшие подразделения). При регистра-

ции в анкете указывались имя, фамилия, место и дата рождения, послужной список и политические взгляды. Анкеты пересылали в штаб к Врангелю, откуда они возвращались с его подписью.

Одной из наиболее активных и организованных была Донская станица в Волковыске и его окрестностях. 20 января 1925 г. собрание станицы постановило использовать все средства для создания новых станиц и хуторов, а также провести именную регистрацию казаков и их финансового положения. Согласно Статуту о станицах и хуторах за границей, собрание в составе 154 человек избрало атамана, станичного писаря и новых членов правления. В ее состав входило 5 хуторов. Подобные станицы были организованы во всех центрах казачества в Польше [41].

В структуре Российского общевоинского союза Польша входила в состав Польско-Прибалтийского подотдела, который был разделен на 6 районов: Волынский. Виленский, Галицийский, Варшавский, Познанский, Беловежский. Во главе каждого района стоял начальник в чине от подполковника до генерал-лейтенанта [42], начальником всего подотдела был назначен генерал Махров. Однако в августе 1925 г. он был освобожден от этой должности по собственному желанию, т. к. получил хорошо оплачиваемое место в правлении кинематографического предприятия. Этот поступок в руководстве РОВС расценили как нанесение значительного ущерба монархической работе в Польше [43]. Организация военных формирований в Польше была свернута. Центр вербовочной работы был перенесен в Гданьск (Данциг) [44].

В том случае, когда русские эмигранты прибывали в чужую страну, часть бывшей Российской империи, они становились для большевиков врагами, но оставались чужими для местного населения [45]. При этом эмигрантам крайне трудно или просто невозможно было осознать временной (точнее — цивилизационный) барьер, который создавали новые границы с Советской Россией, отрезавшие их от прошлой, ушедшей жизни, лишив их прежней родины. Реакцией на это во всех странах пребывания русских эмигрантов была чрезвычайно энергичная деятельность по созданию структур, нацеленных на национальное и культурное самосохранение.

Одной из первых структур такого рода в Польше стал *Русский Комитет в Варшаве* (РК) с отделением в Ровно. Он был создан еще 2 января 1919 г. на средства польского правительства. РК принял традиции русского Благотворительного общества в Польше, существовавшего в ее русской части до образования независимого государства. РК был зарегистрирован как общественная организация с «неопределенными в своих границах функциями по защите и охране прав русских граждан» [46].

Но в польской действительности сотрудникам РК пришлось выполнять более широкие функции по защите и представительству интересов русских граждан, а также взять на себя функции консульских учреждений. Во главе РК последовательно стояли М.А. Искрицкий, Д.И. Любимов, Д.В. Философов, В.И. Семенов. Большую работу проводили члены Правления Н.Г. Буланов и Н.С. Серебренников, ставший позже председателем Церковного совета, казначеем был избран генерал П.Н. Симанский. В 1920 г. РК передал консульские обязанности дипломатической миссии Глобачёва, а благотворительные функции — Красному Кресту.

Польское правительство выделило ссуду под залог русского имущества и установило ежемесячную субсидию в 50 тыс. польских марок. Некоторые суммы РК получил от Политического Совещания из Парижа. Разовые субсидии комитет получал от савинковского РПК (РЭК), английского посланника, Международного Красного Креста, а также от частных лиц. В июне 1920 г., когда вследствие наступления Красной армии встал вопрос об эвакуации из Варшавы, деятельность РК затормозилась, а с августа 1920 г. он остался без средств.

РК занимался вопросами русских церквей в Польше через Русский церковный совет. Культурно-просветительская работа охватывала в основном детей беженцев, состав которых был очень пестрым: гимназисты, реалисты, кадеты, ученики коммерческих училищ, гимназистки и воспитанницы институтов благородных девиц, ученики советских школ, — все они объединялись в 8-классные гимназические курсы. В ведении РК находилась начальная школа Благотворительного общества, которая позже стала приютом с преподаванием школьных предметов. В конце 1920 г. РК заложил основы русской библиотеки с бесплатной читальней.

В период с 25 апреля по 8 августа 1919 г. трудовая комиссия РК организовала мастерские, но затем они были переданы в ведение комиссии по снабжению под руководством Л.И. Любимовой. РК содержал две столовые (детскую и взрослую) и выдавал особо нуждающимся бесплатные обеды. Продукты поступали от Американского Красного Креста и других американских учреждений. Пособия раздавались беднейшим ученикам, нуждающимся, эвакуированным и беженцам, семьям умерших русских граждан и т. п.

Особенно существенной для русских в Польше была юридическая помощь, оказание которой комитетом позволило более чем 500 человекам остаться в Варшаве, где пребывание русских было ограничено властями. Летом 1920 г., когда по списку, составленному правительственным комиссариатом Варшавы, высылке подлежали русские служащие, РК провел работу с министерством внутренних дел Польши, и высылка была предотвращена. После заключе-

ния соглашения между польским правительством и Политическим Совещанием в Париже о назначении в Польшу русского дипломатического представителя, РК до его прибытия выполнял консульские функции как консульское учреждение. Единственным документом для русского человека, который признавали польские власти, было удостоверение, выдаваемое РК. С июля 1920 г., по соглашению с министерством внутренних дел Польши, была установлена форма регистрационного листка.

В июле 1920 г., когда часть РК была эвакуирована из Варшавы, там был создан Комитет по временному управлению делами русских учреждений, однако в августе все учреждения вернулись в Варшаву. Через РК из Польши в 1919 г. на Северо-Запад Советской России было отправлено 7–8 тысяч добровольцев, часть которых позже вернулась и вступила в антисоветские военные формирования. В ноябре 1920 г., после заключения прелиминарного мира Польши с Советской Россией РК подчеркивал, что «принял на себя тяжелую задачу охраны преемственности начал русской культуры и русской национальности» [47].

Общество Российского Красного Креста в Польше (РОКК) было создано в июле 1919 г., до конца марта 1920 г. находилось под председательством Б.Р. Гершельмана, с начала апреля — Л.И. Любимовой. В состав правления миссии входили бароны Н.О. Тизенгаузен, Н.Н. Тизенгаузен, а также Д.Н. Любимов, Б.Е. Кандыба, Н.Т. Фабрициус. Позже в состав правления был введен В.С. Коростовец.

Миссия Международного Красного Креста в Польше (МКК). После заключения Рижского мира и создания в структуре Лиги Наций комитета Верховного Комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена РОКК перешел под протекцию его представителя В. Глоора. После выселения Любимовой в Данциг в 1922 г. во главе РОКК встал Е.Н. Угрюмов, как делегат Международного Красного Креста. С этого момента МКК превратилась, как было записано в ее отчете за 1922 г., в «Организацию по оказанию помощи русским беженцам в Польше» во главе с Угрюмовым, функции которой были признаны польским правительством с согласия Глоора [48]. МКК действовала на тех же основаниях, что и РОКК [49].

Различные секции миссии возглавляли: Д.И. Туган-Мирза-Барановский, Н.А. Козюлькина, М.Г. Белоцерковец, А.А. Коханович, доктор М.Н. Эдильханов, Н.А. Оболонский, Н.Т. Малеев. К концу 1922 г. МКК организовала медицинскую помощь более 12 тысячам больных и посещение медицинских учреждений более чем 40 тысячам человек. Миссия обеспечивала нуждающихся медикаментами, протезами, очками и пр.. а также направляла на излечение в муни-

ципальные госпитали, санатории, на операции. В лагерях интернированных Стржалково и Тухола, в кабинетах миссии в Варшаве получили медицинскую помощь почти 6 тысяч человек. На Волыни миссия обслужила более 2 тысяч больных беженцев.

К концу 1922 г. в рамках МКК действовали диспансеры в Варшаве и рабочей колонии в Воломине, госпиталь для инвалидов в Милосне, медицинские кабинеты — в Ровно, Клевании, Корце, в лагерях интернированных, в детской колонии в Сулейювках. Кабинеты зубных врачей были в Варшаве и лагере Стржалково.

Медпомощь была организована также в Острове-Познанском, Пётркове под Варшавой, в интернате в Варшаве. МКК оказывала помощь русским организациям во Львове, Луцке, Вильно, Станиславове и Дубно.

Кроме профильной деятельности МКК занималась созданием артелей и кооперативов (ателье по пошиву одежды, белья и пр.) в Варшаве, Воломине, Острове-Познанском, организовывала выставки-продажи их продукции и базары [50].

Русский Попечительный комитет об эмигрантах в Польше (РПК) — бывший Русский политический комитет, затем — Русский эвакуационный комитет (РЭК) Б. Савинкова. РЭК был перерегистрирован в министерстве внутренних дел Польши 9 августа 1921 г. Первым председателем новой организации стал В.В. Уляницкий. В письме Д. Философову и в лагерные комитеты он сообщал в октябре 1921 г.: «Комитет принял на себя обязанности всемерно стремиться к поддержанию в материальном и духовном отношении эмигрантов, особенно нуждающихся, и в частности — находящихся в лагерях, и представительствовать за них перед польскими властями» [51]. РПК подчеркнул разрыв в организационном и финансовом отношении с савинковским РЭК и отказался принять на себя обязательства Ликвидационной комиссии РЭК. Вместе с тем Уляницкий подчеркнул, что «русские эмигранты имеют полное основание рассчитывать на всяческое содействие», в пределах имеющихся в его распоряжении материальных средств [52].

В октябре были открыты отделения РПК в Вильно, Бресте и Белостоке, в районе Глубокого. За рамки РПК, на основании утвержденного устава, были выведены прежние структуры РЭК: инспекция пропаганды И.Т. Фомичёва (он же — уполномоченный РПК в Средней Литве), экспедиции газет «Свобода» и «Крестьянская Русь», резерв пропагандистов, курьеры службы связи. Однако в РПК приобрел в октябре обе газеты и взял на содержание И.Т. Фомичёва. Прежняя разведструктура Информационного бюро РЭК (В. Савинков) стала функционировать под маркой фирмы «Rossica» с центром в Вильно. Ему подчинялись отделения в Гродно, Белостоке, Бресте, Варшаве,

Лодзи, Львове, Сулейювках, а также в районе Дисны–Докшицы–Глубокое–Столпцы–Барановичи [53].

В помещении РПК, переданном ему при посредничестве ряда русских деятелей в Польше на имя генерала Симанского, на первом этаже была открыта столовая. Финансовую основу деятельности РПК на первом этапе составили суммы, полученные Ликвидационной комиссией от реализации имущества и оставшиеся после всех выплат по обязательствам. По отчетам эти суммы поступили чинам бывших армий и военно-санитарного отделения, на содержание больных и раненых, в мастерские в лагерях интернированных (Плоцк, Остров-Ломжинский, Торг, Пикулице, Ружаны, Щепёрно) [54].

В конце октября 1921 г. исполняющим обязанности председателя Правления РПК стал Л. Ивановский. Правление предприняло ряд шагов перед МИД и министерством труда Польши для получения субсидий, вопрос был решен положительно. До реализации этого обещания Правление приняло решение начинать работу на средства частных лиц. Главным направлением работы стало решение вопроса трудовой занятости интернированных и защита их интересов перед польскими властями [55].

Одной из важнейших задач стало поддержание русских интернированных антисоветских формирований. Правая рука Савинкова — Д.В. Философов, в это время в Париже предпринимал всевозможные усилия по добыванию средств «от французов или из наследства Врангеля» [56]. Однако средств на содержание интернированных русских и украинцев в Польше французы так и не выделили [57]. Ряд поездок в поисках средств на содержание значительного контингента в лагерях предприняли и другие члены РПК, в частности в Чехословакию (А.Л. Бем). Обращения с просьбой о помощи были направлены в МКК, представительство Верховного Комиссара Ф. Нансена в Польше, в польское правительство и т. д.

В начале 1921 г. усилиями Н.В. Чайковского и в согласии с К.М. Вендзягольским, приятелем Савинкова, в Польше была создана общественная организация «*Российский Земско-Городской Комитет помощи беженцам*» (Земгор). Первоначально Земгор был задуман как организация, работающая в согласии с савинковским РЭК и РОКК. Деятельность комитета, писал Чайковский в феврале 1921 г., «кроме чисто продовольственных задач, направляется по линиям санитарной, трудовой и культурно-просветительной помощи» для всех категорий беженцев: «военнопленных, интернированных и просто спасающихся от большевиков». Комитет был признан Французским правительством, это было необходимо, т. к., по словам Чайковского, «французское правительство наложило руку» на остатки всех российских средств за рубежом [58].

Проблема исследования положения русских в Польше была поставлена Земгором очень остро: точных сведений об их положении и численности не существовало, польские официальные структуры на тот момент этими данными не располагали, русская организация, способная провести их регистрацию, отсутствовала. Ориентировочно Земгор определял количество беженцев в Польше на тот момент в 300 тысяч, военнопленных красноармейцев — до 70 тысяч, интернированных армий Балаховича и Пермикина — в 15 тысяч. При этом подчеркивалось, что в польской провинции имеет место «громадное количество беженцев», таким же «громадным» было число русских граждан Польской республики — национального меньшинства, которое не имело собственной организации [59].

Председателем Совещания земско-городских деятелей был избран земский деятель Петр Эрастович Бутенко. Но утверждение варшавского комитета в центральном правлении Российского Земско-Городского Комитета помощи российским гражданам за границей в Париже * бессменным председателем Земгора с 1916 г. князем Н.Н. Львовым произошло не сразу. Переписка по этому поводу длилась до июня, когда Львов принял решение командировать в Польшу своего представителя для выяснения «программы и способов ее осуществления» в варшавском комитете и выделил польскому комитету 25 тысяч франков вместо 50–100 тысяч, запрашиваемых Бутенко [60].

На первые средства, полученные от Земгора, Бутенко начал работу по обследованию положения беженцев в восточной части Польши. По соглашению с РОКК члены Земгора выехали в районы Сарны–Барановичи, Ровно–Львов и Ковель [61]. Результатом их работы стала достаточно полная картина положения на местах: состояние русских школ, положение русского духовенства, уровень трудовой занятости и главное — проблемы правовой адаптации русских в Польше.

В июле для Правления Земгора в Париже Бутенко подготовил справку о правовом положении русских беженцев в Польше. Категории русских в Польше на этот момент подразделялись на: 1) имеющих право польского гражданства; 2) русских граждан, так или иначе связанных с Польшей; 3) русских граждан — беженцев из Советской России; 4) интернированных армий Балаховича и Пермикина; 5) частных лиц. За исключением первой категории, право-

* Комитет был гуманитарным учреждением, которое оказывало помощь русским гражданам независимо от их политической ориентации. Имел отделения в странах с наиболее компактным расселением русских беженцев. На счет Земгора средства поступали от русской политической делегации, созданной в Париже, и бывшего южнороссийского правительства, созданного П.Н. Врангелем.

вое положение всех остальных было неопределенным. Специальные заграничные паспорта, которые польские власти выдавали беженцам, не имели графы о гражданстве и в большинстве стран Европы не признавались. Заменить этот паспорт мог только паспорт, выданный Российской дипломатической миссией до 28 апреля 1921 г., т. е. до открытия советского представительства в Варшаве. В Варшаве и Познани вид на жительство получить было очень тяжело. При этом, как подчеркивал Бутенко, если «центральная власть» Польши относится к русским скорее благожелательно, то местная власть в русском «видит большевика», практикует аресты без оснований, высылки, запрещает создавать русские организации, в массовом порядке увольняет со службы и т. д. [62].

Однако меры, принимаемые центральной польской властью, как отметил Бутенко, становятся «особенно чувствительными» для русских; среди таковых — приказ министерства внутренних дел о недопущении беженцев из Советской России на территорию Польши, закон о конфискации земель не явившихся до 1 апреля 1921 г. в Польшу, законодательное оформление конфискации церковной и монастырской земли, принадлежавшей Русской Православной Церкви, и другие. Почти все средства, полученные из Парижа, через Земгор поступили в равных пропорциях в РК, РЭК и РОКК для оплаты работы, которая ими уже проводилась в Варшаве, Ровно, Ковеле и в северо-восточной части Польши, а также в лагеря интернированных [63]. Отчеты о деятельности и расходах всех организаций стекались в Земгор.

С финансовыми трудностями Земгор в Польше столкнулся сразу; надежды Львова на помощь в беженском вопросе со стороны Верховного Комиссара Лиги Наций не оправдались, поскольку главным направлением деятельности Ф. Нансена стало расселение русских беженцев за рубежом по странам, имеющим потребность в беженском труде после повсеместной регистрации русских за рубежом. В связи с этим Правление Земгора в Париже по-прежнему могло рассчитывать только на «правительственные и международные организации и отдельных благотворителей» [64].

В ноябре 1921 г. Бутенко и представитель Правления Земгора (Париж) через РПК «исхлопотали разрешение на посещение лагерей интернированных» для проверки состояния финансовой отчетности русских структур и положения интернированных, как одной из самых проблемных категорий беженцев. В справке, составленной после посещения ими лагеря Тухола, было зафиксировано, в частности, что в лагере, «построенном немцами на несколько десятков тысяч», умерло 20 тысяч красноармейцев, которые похоронены недалеко от лагеря. Было отмечено также, что из 17 тысяч интернированных в

декабре 1920 г. более 2/3 из лагерей разошлись, 3 тысячи выехали с красноармейцами в Советскую Россию, свыше 8 тысяч ушли на работы в различные воеводства Польши, 5 тысяч интернированных в начале сентября были отправлены в лагерь Тухола [65].

Тогда же в польское представительство Земгора на имя Бутенко поступило письмо генерала Е.К. Миллера, представителя генерала П.Н. Врангеля в Париже, с просьбой о помощи русским беженцам в Данциге, «куда наплыв русских беженцев не прекращается», кроме того, «интернированные из Тухоли бегут, главным образом, в Данциг». «В Данциге нет лагеря для беженцев, — подчеркивал Миллер, — устроиться на работу невозможно, выехать ни в Польшу, ни в Германию нельзя, а на месте жить не на что» [66]. С просьбой о поддержке в Земгор обращались также Русский комитет в Данциге, Украинский центральный комитет в Речи Посполитой, другие эмигрантские организации.

Бывшие сотрудники Савинкова вышли из РПК, а Русский комитет Семенова принял решение не «вступать с интернированными ни в какие отношения» [67]. В то же время РК Семенова стал противопоставлять свой комитет другим русским организациям: МКК, Кружку молодежи, Объединенной комиссии под руководством В.М. Горлова, Комитету помощи детям, Комиссии помощи эмигрантам в Варшаве князя Д.В. Мещерского, РПК и Русской гимназии в Варшаве и др. [68].

24 июня 1922 г. в РПК было выбрано новое Правление Российского попечительного об эмигрантах комитета в Польше, во главе которого встал Бутенко. В состав Правления были введены юрист П.Н. Маслов, представитель Земского городского комитета из Парижа Ю.А. Азаревич, русские общественные деятели Б.А. Евреинов и В.И. Лехно. Таким образом, деятельность и функции двух организаций (Земгора и РПК) объединились под именем РПК [69]. С первых недель деятельности обновленный РПК взял курс на совместную работу с организациями на местах. В Варшаве центром культурно-просветительской деятельности стал «Русский дом», под который РПК отдал свое помещение. В нем находились библиотека, бесплатная читальня, школа, курсы польского языка и другие структуры.

Наиболее востребованной в 1922 г. стала помощь в оформлении документов на пребывание в Польше («карт побыта», паспортов) [70]. Польские власти считали правомочным представителем беженцев РК под председательством Семенова и выдавали ему правительственные субсидии. Лидеры русской эмиграции отдавали предпочтение представительству Земгора. С февраля 1921 г. на совместном совещании русских структур функция правовой и культурно-просветительной

помощи беженцам была передана РК [71]. После совмещения функций Земгора с РПК прошения в польские инстанции стали легитимными для определения статуса беженца.

Осенью 1922 г. закончилось обследование положения русских беженцев и национального меньшинства, проводимое Земгором в течение полугода, в Вильно, Полесье, Галиции, на Волыни. «Наша задача, — писал Ю.Я. Азаревич в отчетном докладе, — изыскивать повсеместно людей для оказания благотворительной помощи через Комитет и общества, которые бы даже и после нашей ликвидации могли бы продолжить начатое нами дело… Эти организации не являются чисто беженскими, т. к. в них входят также и русские местные обыватели, …более состоятельные, чем беженцы» [72].

В «Справке о Польше», подготовленной Бутенко к концу 1922 г., было отмечено, что более половины беженцев, перешедших в Польшу через один из пограничных пунктов в Галиции, отправлялись обратно. Из Ровно, Корца беженцы отправлялись обратно целыми группами неоднократно. В течение месяца 22 арестованных беженца просидели в заключении в Барановичах.

После арестов деятелей РОКК в Варшаве начались высылки из Варшавы и ее окрестностей. «Прямых обвинений почти никому не предъявлено, — писал Бутенко, — а просто вызывались они в управление столичной полиции, где отбиралась подписка о срочном оставлении пределов края, под угрозой насильственной высылки». С апреля 1922 г. подобные репрессии стали распространяться на местности, прилегающие к границам Советской России. В Ровно и других местечках Волыни русских сотнями арестовывали прямо на улице и «без дальнейших разговоров высылали в концентрационные лагеря», вследствие чего «среди русских началась паника», люди уходили вглубь страны. Обращаться за защитой было не к кому, т.к. руководители русских общественных структур не миновали арестов, в результате чего «количество высланных в особые лагеря настолько увеличилось, что пришлось открывать новые (штрафные) пункты, ибо имевшиеся лагеря для интернированных арестованных не вмещали» [73].

Беженский вопрос находился в ведении министерства внутренних дел Польши. Ввиду того, что интенсивность притока беженцев не спадала, 5 декабря 1922 г. МВД Польши приняло постановление о насильственном выселении (лишении права убежища) с 1 марта 1923 г. всех русских, нелегально перешедших польскую границу после 12 октября 1920 г. и не имевших карт азиля, т. е. политического убежища. Несколько раз срок высылки переносился.

На статус эмигранта в Польше могли рассчитывать только лица русской национальности (до 1918 г. — подданные Российской импе-

рии), покинувшие РСФСР до июля 1921 г. и не имевшие гражданства другого государства. Право политического убежища польские власти сохранили за участниками антисоветских формирований в Польше, бывшими военнослужащими белых армий, лицами, враждебными большевикам (если имелись соответствующие доказательства) [74]. На основании этого постановления прекращали действие и заграничные паспорта, за исключением тех, которые были выданы для следования в США. Все ранее возбужденные ходатайства о признании права убежища были оставлены в силе [75].

В январе 1923 г. представительство Земгора и представитель РОКК обратились к Нансену с письменным заявлением, в котором просили содействовать продлению срока выселения из Польши, предоставить право политического убежища или облегчить эмиграцию из Польши в другие страны [76]. Съезд русских юристов подготовил записку в адрес польского правительства, в которой обосновывал тезис, что все лица, самовольно покинувшие Советскую Россию, должны считаться политическими эмигрантами, имеющими право убежища, независимо от представления ими каких-либо документов [77].

К середине 1923 г. модель параллельного функционирования РК и РПК перестала действовать. РК в связи с персональными изменениями в управлении постепенно отходил от работы по правовой защите, вся ее тяжесть ложилась на РПК во главе с Бутенко. С весны 1923 г. комитет установил деловые отношения с МВД Польши, направленные на предотвращение необоснованных высылок. В каждом таком случае МВД обязалось знакомить Правление РКП с «сущностью предъявляемого обвинения», после чего высылки удавалось предотвращать [78].

Тогда же, в 1923 г., РПК принял на себя и заботы о репатриантах из Советской России, которые переходили границу (в одиночку или эшелонами) легально и нелегально. В первом случае они получали временные польские документы до оформления документов о подданстве. Во втором — либо те же документы, либо карты побыта. Спорные и конфликтные ситуации при приобретении польского подданства улаживались только при участии РПК [79].

Через Лигу Наций РПК получил средства на расширение правовой помощи беженцам в других местах их размещения. Эта работа проводилась через местные русские организации и была чрезвычайно важной, поскольку польская администрация в каждом воеводстве и в каждой гмине старалась противодействовать этой работе и вводила собственные порядки. С июля 1924 г. Совещание послов прекратило финансирование работы РК по правовой защите. Ассигнования в размере 2 тыс. французских франков стал получать только РПК [80].

РПК выделял две основные категории русских беженцев в Польше (исключая коренное население). К первой принадлежали репатрианты, прибывшие как легально, так и нелегально. Ко второй — эмигранты: 1) прибывшие легально до 12 октября 1920 г., 2) военные, 3) политические, 4) по экономическим причинам [81].

В период с 1922 по 1924 г. эмигрантские и беженские структуры предпринимали попытки взять на учет беженский поток с восточных территорий. В это время число беженцев достигло, по официальным польским данным, 464 тыс., из которых 90 тыс. было официально зарегистрировано. В Лигу Наций польский представитель сообщил о полумиллионе беженцев [82].

К началу 1923 г. представительство Земгора в Польше насчитывало 3 млн. русского населения (включая коренное). По официальным советским данным, только репатриантов в Польшу после подписания Репатриационного соглашения 24 февраля 1921 г. прибыло более миллиона человек [83]. Член коллегии Наркомата иностранных дел РСФСР Я.С. Ганецкий в ноте поверенному в делах Польши в РСФСР Р. Кноллю заявлял в мае 1923 г.: «В деле успешного и скорого проведения репатриации сплошь и рядом приходилось наталкиваться на препятствия со стороны польских органов». В частности, несколько тысяч репатриантов в Польшу дожидались польской визы с ноября 1922 г. [84].

Советская сторона в лице российско-украинской делегации (РУД) смешанной комиссии по репатриации в итоговом отчете отметила всего 9 тысяч человек вернувшихся из Польши по линии РУД, из которых 6147 человек отправились в Россию, остальные — на Украину [85].

13 февраля 1923 г. «Монитор Польский» опубликовал текст циркуляра № 11 министра внутренних дел Польши об интенсификации выселения беженцев на местах. Согласно новому циркуляру, местным воеводствам было предписано выселить с 1 марта всех русских, нелегально перешедших границу после 12 октября 1920 г. Вновь встал вопрос о количестве русских беженцев в Польше. В.М. Горлов, бывший глава русской дипломатической миссии, член РК, сообщал председателю Совета послов М.Н. Гирсу 21 января 1923 г.: «Каково число лиц, которым, в силу этого распоряжения, грозит выселение из Польши, никому даже приблизительно не известно. Польское правительство полагает, что русских беженцев в Польше около полумиллиона» [86].

Представители русских и еврейских организаций на местах сообщали в Лигу Наций о начавшемся после этого фактическом изгнании русских из Польши. «"Зеленая граница" между Польшей и Россией, на которую выгоняют русских беженцев из Польши, и с которой их

не пропускают в Россию большевики, — это позорный факт, который не должен быть забыт», — подчеркивал представитель русского Земско-городского комитета при Лиге Наций Н.И. Астров в своем докладе [87].

В июне 1923 г. вопрос о насильственном выселении русских беженцев из Польши стал предметом рассмотрения Лиги Наций. Русским общественным организациям пришлось провести большую работу, как в Варшаве, так и в провинции Польши. Полномочия их делегатов на местах были признаны министром внутренних дел Польши, а все просьбы об отсрочке высылки обязательно рассматривались в РПК. В итоге русским организациям удалось договориться с министром внутренних дел об отсрочке в принятии ходатайств о признании лица политическим эмигрантом, — только в этом случае он высылке не подлежал [88].

Списки всех зарегистрированных политических эмигрантов находились в РПК, туда же поступали и все новые прошения. Меры польского правительства по выселению русских беженцев дали свои результаты. На июнь 1923 г. РПК насчитывал только 150 тысяч русских эмигрантов, не подлежащих высылке, из которых нуждалось в помощи 50 тысяч. Количество женщин и детей составляло 5 тысяч, но поток беженцев из Советской России не прекращался [89].

В том же направлении в РПК продолжалась работа с репатриантами из России. В зависимости от их правовой адаптации в Польше РПК выделил три категории. К первой группе относились те, кто переходил границу легально, с разрешения польского консула, как в одиночку, так и эшелонами. Легальные репатрианты проживали по «картам побыта», т. е. имели временную регистрацию. О признании польского подданства они могли хлопотать только до 15 апреля 1923 г. В случае получения отказа в польском подданстве в министерстве внутренних дел репатрианты обращались в РПК, который брал дальнейшие юридические хлопоты на себя.

Вторая группа переходила границу нелегально, поскольку уже имела польские документы. В третью группу входил наиболее сложный контингент — те, кто не могли получить польское гражданство. С ними РПК предстояла долгая работа — перевод их на положение политических эмигрантов требовал обращений в воеводства и староства [90]. По существу жесткий правовой режим, установленный польской властью, был нацелен на обратную репатриацию в Россию.

В июне 1923 г. по этому поводу из Земгора было направлено специальное постановление в Лигу Наций. Оно нашло понимание у русского представителя при Лиге Наций Астрова. «Приходится настаивать, — подчеркивал он в докладе, — чтобы к вопросу об *изгнании* русских беженцев было привлечено особенно исключительное вни-

мание» [91]. Справедливости ради следует отметить, что в подобном положении находились и русские беженцы в Румынии.

На съезде русских организаций в декабре 1923 г. РПК был признан центральным русским эмигрантским органом в Польше. Финансирование его осуществляли Правление Земгора (Париж) — через свое представительство в Польше, Лига Наций — целевым направлением (на вывоз русских рабочих во Францию), для интернированных высылал средства П.С. Махров. Британо-Американский комитет по-прежнему направлял в Польшу собранную по всей Европе одежду и обувь. Представитель Лиги Наций в Польше Л.Н. Бердез, сменивший Глоора, предложил РПК создать 14 представительств в провинции, на что из бюджета Лиги Наций были выделены средства.

Важнейшим этапом в жизни русских беженцев и эмигрантов стал обширный Меморандум, представленный от имени РПК в министерство внутренних дел Польши, который лег в основу совместного совещания в МВД. Результатом этой работы стала отмена ряда правовых ограничений, применяемых польской властью в отношении русских.

В 1924 г. насильственное депортирование беженцев в Советскую Россию было прекращено. В марте 1924 г. МВД окончательно признал за бывшими интернированными право автоматического получения карт азиля [92]. Все интернированные получили право широкого передвижения в поисках работы, за исключением «восточных крессов» — шести пограничных восточных и юго-восточных воеводств и Виленской делегатуры [93]. Эти области были закрыты и для обладателей карт побыта. Азилянты формально имели возможность переезда на «восточные крессы» с разрешения местных властей, но на практике не могли ее использовать.

В Польше отсутствовало однообразие административной практики в отношении русских беженцев и эмигрантов. Два вида регистрационных документов в Варшаве («karty pobytu», «karty azylu») требовали постоянного продления и регулярной перерегистрации беженцев. На местах имело место большое разнообразие дополнительных документов. Иностранные паспорта выдавались только в один конец — обратные визы в них не ставили. Только в апреле 1924 г. МВД Польши урегулировало статус иностранцев.

В июне 1924 г. на пятой сессии Лиги Наций встал вопрос о передаче беженского дела в Международное Бюро Труда, связанное с Лигой Наций. Лига Наций пришла к выводу, что на первый план должна быть поставлена работа по расселению русских беженцев в соответствии с потребностями государств в рабочей силе. Русский беженский вопрос должен быть деполитизирован. На устройство

русских и армянских беженцев в течение следующего, 1925 г., выделили кредит в 203 тысячи франков. В октябре 1924 г. Международное Бюро Труда приняло беженское дело в свое ведение [94].

С января 1925 г. РПК приступил к работе с представителем Международного Бюро Труда в Польше Л.Н. Шарпантье. Первые партии русских беженцев были вывезены на работы во Францию уже в 1924 г. С января работа по переселению русских беженцев в форме трудовой эмиграции в США, Францию, Латинскую Америку и другие страны расширилась.

В марте 1925 г. МВД издало распоряжение о разрешении выдавать русским беженцам нансеновские паспорта. Теоретически их могли получить «безгосударственные эмигранты», имевшие право на получение российского гражданства, но не желавшие подчиняться советской власти, и лица, родившиеся на территории государств-лимитрофов, не имевшие прав гражданства ни этих государств, ни любого другого государства [95].

Однако практическое их применение отсутствовало. Нансеновские паспорта, как и иностранные польские, выдавались только на выезд и действовали полгода. Обратные визы в паспорте ставились крайне редко. Въездную визу в Польшу русскому эмигранту получить было «очень затруднительно», «только в самом исключительном случае». Лицам, прибывшим из Советской России, нансеновские паспорта не выдавали [96].

Нансеновский паспорт в этот период времени для внутреннего использования не применялся. «До сих пор, — сообщал Бутенко в Правление Земгора (Париж), — русские эмигранты в Польше проживают по прежним документам (так называемые карты побыта — карты азиля), причем в Варшаве эти документы теперь бессрочные, карты побыта — на 0,5 года или 3 месяца… практической разницы между этими документами сейчас нет; принципиальная разница большая: карты азиля дают право на политическое убежище; карты побыта — на пребывание в Польше, которое всегда может быть взято обратно» [97]. По-прежнему, нередки были случаи, когда польские власти требовали эмигранта покинуть страну в определенный срок. Имели место случаи высылки за критические высказывания в адрес польских властей в частной беседе [98].

13 августа 1926 г. вышел «Закон об иностранцах». Иностранцами были объявлены все лица, не имевшие польского гражданства. Въезжать, пребывать или проезжать через территорию Польской республики они могли только с разрешения польских властей. В разрешении могло быть отказано, если пребывание иностранца на территории государства «угрожало благу государства» (угрожал безопасности или общественному порядку, имел судимость в

Польской республике или в другом государстве, был выселен из Польской республики, нежелателен с точки зрения публичного здоровья, не может доказать, что имеет средства на свое содержание). В причинах отказа соответствующие государственные власти перед эмигрантом не отчитывались [99]. За эмигрантами оставили право подачи жалобы по причинам выселения в Верховный административный трибунал [100].

Если иностранец в первой инстанции административной власти не получил разрешения на продление срока, то должен был выехать из страны в указанный срок. Для разрешения на проезд через территорию Польши требовалось предварительное разрешение на въезд в государство. Совет министров Польши, учитывая «интересы безопасности государства» или по политическим, экономическим, санитарным причинам, мог ограничить как въезд, пребывание, так и выезд или переезд иностранцев. Ограничения выражались в полном или частичном проезде через границу, запрете временного или постоянного пребывания на определенной территории Польши, ограничении свободы передвижения на ее территории, «применении специальных методов контроля». «Следует отказать в визе на проезд, — подчеркивалось в Законе, —… если имеется предположение о желании иностранца остаться в границах страны» [101].

Исполнительные распоряжения о порядке применения закона о польском гражданстве в отношении статей 2 и 3, регулирующих правовой статус беженцев, так и не были изданы. Введение понятия «оседлость», как обязательность приписки к обществу или записи в книге постоянных жителей, нарушало международные нормы и влекло за собой двусмысленность положения всех русских в законе об аграрной реформе, в вопросах образования и просвещения, двусторонних польско-советских договорах о частной собственности и других. М. Илов свидетельствовал, что русские испытывали «колоссальные затруднения» при получении лицензий на частную деятельность, трудности от увеличения налогов на русских ремесленников, предпринимателей, торговцев, а также «за приверженность к православию и русской общине» [102].

Главной идеей в вопросе государственного устройства республики была мысль, что человек, польский гражданин, не может иметь личных интересов, он является неотъемлемой частью нации, «собственностью народа». Только с такими гражданами возможно построение сильного государства — руководителя союза государств-лимитрофов [103].

На основании действовавшего законодательства польские власти зачислили в число эмигрантов и сотни тысяч коренных жителей, проживавших в Польше до 1914 г. — они не могли воспользоваться

правом политического убежища (стать азилянтами) и проживали у себя на родине по «картам побыта», т. е. временно. Беженцы, прибывшие из Советской России и приграничных территорий в период до 1926 г., стремились уехать из страны. Из официально зарегистрированных беженцев в Россию вернулось всего 9 тысяч человек [104]. Основная масса выезжала в Европу, США, Латинскую Америку. Число официально зарегистрированных беженцев сократилось до 40 тысяч человек [105].

В мае 1926 г. была создана новая русская организация — Русское народное объединение (РНО), «как легальная и национально-политическая организация». Предполагалось, что РНО сможет сыграть роль политической партии, выражающей интересы демократических элементов. В статье «Пора проснуться», опубликованной по поводу майского переворота Ю. Пилсудского, Д.В. Философов выразил надежду на то, что от самих национальных меньшинств теперь будет зависеть, смогут ли они «содействовать оздоровлению политической жизни страны, всеобщему успокоению», выработать легальную программу реально воплотимых требований и пожеланий». Далее прозвучал призыв ко всем русским в Польше «воплотиться» в одно целое «с общей культурно-политической программой [106].

Общий курс национальной политики польского руководства русским был ясен. В связи с русским Учительским съездом (апрель 1925 г.) заместитель премьер-министра и председатель секции политического комитета совета министров по делам национальных меньшинств Ст. Тугутт заявил: «русские в Польше не представляют собой национального меньшинства и они не должны притязать на то, чтобы иметь права, равные с народностями, имеющими соответствующую территорию» [107].

Еще в 1923 г. МВД выдало представление на возбуждение уголовного дела в отношении группы русских эмигрантов и граждан Польши — сотрудников Русской Академической группы. Эта группа предприняла меры по легализации свидетельств об окончании академических курсов с целью поступления русской молодежи в вузы республики. Подобная практика признания «академических аттестатов» достаточными для поступления в вузы страны проживания существовала во всех странах расселения русских эмигрантов. Но в Польше деятельность Академической группы была признана противоправной. Процесс по уголовному делу в отношении членов Академической группы длился до марта 1925 г., когда членам Академической группы был предъявлен обвинительный акт. Процесс закончился полным оправданием обвиняемых, но «академические аттестаты» так и не были признаны [108].

Лишь в 1927 г., благодаря позиции выдающегося польского историка М. Хандельсмана, в печатном издании Института исследования национальных проблем были выделены специальные разделы, в которых размещалась информация о важнейших событиях в жизни нацменьшинств, в том числе — русского [109]. Но и в Лиге Наций, как и в подавляющем большинстве государств-реципиентов, принявших беженцев, к этому моменту практически сформировалось ассимиляционное понимание вопроса как о беженстве, так и о национальных меньшинствах.

Весной 1927 г. произошли события, существенно осложнившие положение русских в Польше, предельно обострились и отношения Польши с СССР. В мае 1927 г. советский агент ОГПУ А.Э. Опперпут-Упелинец дал показания в финском генеральном штабе об операции «Трест», в которую были втянуты второй отдел польского генерального штаба и почти все военные атташе Польши. 7 июня 1927 г. при участии монархических кругов (по официальной версии) был убит полномочный представитель СССР П.Л. Войков [110]. Все русские организации в Польше были поставлены под гласный (со стороны польской полиции) и негласный (со стороны экспозитуры) [111] контроль на предмет их связи с монархическими прогерманскими кругами [112]. Имеются свидетельства, что польская контрразведка зачастую допускала агентов ГПУ в те русские организации, которые считала монархическими.

Защита правовых интересов русской эмиграции по-прежнему возлагалась на РПК. В течение этого периода было проведено несколько высылок русских, в том числе и польских подданных, по подозрению в монархической деятельности во Францию и Югославию. Был ликвидирован РК, его председатель Семенов также был выслан из страны [113]. В то же время развернулось усиленное спонсирование национальной эмиграции (грузинской, азербайджанской, татарской, северокавказской, украинской, а также немногочисленного казачества в эмиграции) как легально, так и в скрытой форме [114].

Экономическая деятельность русских эмигрантов была существенно ограничена законом «О праве промысла» от 7 июня 1927 г., согласно которому иностранцы не могли приобрести земельное имущество на восточных крессах [115]. Те же ограничения вводил закон «Об охране рынка труда». 23 декабря 1927 г. был принят «Закон о границах государства». Для 30-километровой «пограничной полосы» устанавливался особый режим, доступ иностранным физическим и юридическим лицам туда был фактически прекращен.

В июле 1928 г. международная конференция в Женеве выработала специальное соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев, согласно которому их правовое положение в

области гражданского права приравнивалось к правам других иностранцев. Однако польский делегат внес оговорку, вследствие чего в Польше русские не могли создавать специальные органы (аналог консульских учреждений) под покровительством Международного Бюро Труда [116].

До 1929 г., когда в Польше были введены нансеновские паспорта сроком на 2 года, русские беженцы оставались без своего официального представительства и без единообразных документов, удостоверяющих личность [117]. Если нансеновский заграничный паспорт выдавали, то он был только в один конец, по существу это была форма высылки из страны.

Количество эмигрантов, высылаемых из страны, на основании Закона об иностранцах 1926 г., не уменьшалось. «…Да, мы бесправны, — писал Философов, — с нами можно делать все, что угодно.… Чем бесправнее и беззащитнее человек, тем осторожнее и бережнее должны с ним обращаться люди, обладающие правами и властью… Полное равнодушие польского общественного мнения…» [118]. «Чем сильнее презрение к русской эмиграции, проявляемое представителями европейских наций, — писал он в другой статье, — тем настойчивее голоса, требующие от нас отказа от нашего национального лица, тем тверже мы должны стоять на своем посту, охраняя неприкосновенность великих духовных ценностей, которые мы вывезли из России. На нас, эмигрантах, лежит почетная обязанность передать эти ценности грядущей, свободной России» [119].

В августе 1930 г. министерство внутренних дел Польши распорядилось усилить наблюдение за иностранцами, пребывающими в Польше с целью заработка. Мировой экономический кризис жестко ударил по экономически отсталой Польше. Резко возросла безработица. От русских эмигрантов потребовали приобретения дополнительных виз на определенный срок. Лица, уклоняющиеся от этого, подвергались наказаниям. Вместо единых паспортов для иностранцев были введены удостоверения личности, которые должны были выдавать органы местного самоуправления.

В Лиге Наций к этому периоду сформировалось мнение, что в рамках особой Совещательной комиссии «верховный комиссариат по делам беженцев и заинтересованные правительства смогут заменить отсутствие национальной защиты и обеспечить беженцам легальный статус, чтобы создать необходимые условия для равноправного существования беженцев в странах, предоставивших им убежище» [120]. Однако в вопросе об участии в таковой комиссии Польша не спешила заявлять, оставаясь при особом мнении.

Вслед за этим министр иностранных дел Польши Я. Залесский выразил решительный протест против образования специальной

комиссии по делам нацменьшинств при Лиге Наций и на одном из собраний ее Совещательной комиссии заявил: «национальные меньшинства должны остерегаться искать помощи за пределами своих государств… это может ухудшить положение этих меньшинств» [121].

Защиту правовых, а также «исповедных, культурных, просветительных» интересов русских эмигрантов в Польше взял на себя Русский общественный комитет (РОК), устав которого был утвержден правительственным комиссариатом Варшавы 8 августа 1930 г.[122]. РОК призвал русских эмигрантов к объединению: «перечеркнуть мелкие дрязги, недоверие, раздоры». В уставе РБО было записано, что его целью является «правовая защита интересов эмигрантов» (исповедных, культурных, просветительных) и забота об их материальном положении. РОК действовал на всей территории Польши и, согласно Уставу, имел право создавать и организовывать интернаты, мастерские, издательства, кооперативы, столовые, библиотеки, читальни, клубы, госпитали, детские сады, амбулатории, спортивные и гимнастические организации, школы, лекции, театральные представления, общества и товарищества, бюро правовой помощи, религиозные объединения и предприятия. Но членами РОК могли быть только «русские политические эмигранты» [123].

Непримиримость к существовавшему в СССР строю, верность идеалам, сформировавшимся в период активной борьбы с «большевизмом» периода 1920–1924 гг. в первом поколении русской эмиграции в Польше, сыграли определяющую роль в том, что в политическом смысле «единого фронта» русских в Польше, к которому призывал в 1926 г. Философов, не было. Цели политических эмигрантов, прошедших лагеря интернированных, соратников братьев Савинковых по антисоветской борьбе, существенно отличались от стремлений коренного русского населения, в значительной своей части принадлежащих к старообрядцам. «Активизм» [124], к которому призывал Философов, не нашел понимания ни у молодежи, выросшей в эмиграции, как и, в значительной степени, у коренного русского населения, нацеленного на социальную и правовую интеграцию в жизнь Польской республики. Эту тенденцию не смогла преодолеть даже православная церковь, которая выступала с призывом выступать на выборах в Сейм единым списком.

По официальным данным, русских в 1931 г. насчитывалось 140 тысяч человек, тяготеющих к ним русинов — 1,2 млн человек, православных белорусов — около 1 млн человек, православных украинцев — свыше 700 тысяч человек. Однако «русская колония в Польше, — по мнению М. Илова, — была одной из самых значительных в зарубежье» [125].

В июле 1932 г. Польша по предложению СССР подписала договор о ненападении сроком на 3 года. Газета русских эмигрантов «За свободу» была закрыта. В ее последнем номере Философов подчеркнул, что новая газета «Молва» «берет от нас все лучшее, что у нас было, наши заветы непримиримости и нашу веру в воскресение России» [126]. Относительно немногочисленная политическая эмиграция была объединена в целом ряде общественных организаций. Среди них: РОК, Постоянное совещание российских общественных организаций, Союз русских военных инвалидов-эмигрантов, Союз русских писателей и журналистов, Общество помощи русской эмиграции, Союз русских студентов в Польше, Союз русских студентов университета Стефана Батория (Вильно), Русский демократический клуб в Варшаве, Национальная группа нового поколения, Русский кружок религиозного просвещения, Варшавское русское литературное содружество и др. Кроме них действовали Русский военно-исторический кружок, Русское общество молодежи, студенческие союзы, русский театр «Студия Московского Художественного театра», хор Семенова [127] и др.

Важнейшим фактором сохранения признаков национальной идентичности является дошкольное и школьное воспитание. В неопубликованной статье А.А. Петрова «Материалы к исследованию русской школы и учительства за границей» были выделены три основных типа русских эмигрантских школ в начальный период «великого исхода» [128]. Школы в государствах-лимитрофах (Финляндии, Эстонии, Литве, Латвии, Польше и Бессарабии), созданные еще в Российской империи или восстановленные на их основе, были отнесены автором к третьему типу эмигрантских школ. Их материальное и общественное положение по сравнению с русскими школами в других странах было особенно тяжелым вследствие неуклонного роста местного национализма в первые годы независимости и негативного отношения автохтонного населения к представителям бывшей господствующей нации — русским и русскоязычным.

Так, основой русского школьного дела в Латвии стали государственные и частные русские школы Российской империи. Беженские и эмигрантские школы, которые находились бы в ведении Земского городского союза, там отсутствовали, в то время как в Эстонии таких школ к 1924 г. насчитывалось 72, в Финляндии — 126 [129]. Политика эстонского правительства в школьном деле в целом была направлена на ассимиляцию не эстонского населения. В Эстонии действовал общегосударственный закон (с 1920 г.) об обязательном начальном обучении на родном языке, распространявшийся на граждан всех национальностей. Согласно утвержденным программам преподавания в школах, лица не эстонской национальности обязаны были изучать

эстонский язык как родной, а иностранный (английский, немецкий, французский или русский) по выбору. В 1922 г. в Эстонии было 114 школ с преподаванием на русском языке, в том числе средних школ — 12 [130].

В Польше русских высших учебных заведений не было, кроме государственного православного богословского факультета при Варшавском университете и православной духовной семинарии в Вильно. На государственные средства содержалась школа-семилетка в Вильно.

Русское начальное и среднее образование возникло на развалинах прежнего русского образования. В Вильно были 4 русские частные гимназии и гимназия Виленского русского общества, которую опекала Варвара Алексеевна Пушкина, вдова младшего сына Пушкина, Григория Александровича. Русские школы и гимназии были на Полесье в Бресте, Пинске, Лунинце; на Волыни — в Ровно и Луцке. Они проработали лишь 5–6 лет, впоследствии были закрыты либо переданы польской школе. К 1927 г. в Вильно действовали только русская школа-семилетка и гимназия им. А.С. Пушкина. Русские гимназии оставались только в Бресте, Ровно и Луцке [131].

23 марта 1935 г. была принята новая польская Конституция, установив принцип единовластия с предоставлением диктаторских полномочий президенту. В ст. 3 текста Конституции было записано, что «за свои приказы и решения президент не ответственен ни перед кем» [132]. Был поставлен под государственный контроль порядок выдвижения кандидатов в Сейм. Права, предоставляемые польской Конституцией национальным меньшинствам, по сравнению с ранее принятой Конституцией 1921 г. не изменились. Однако обязанности были уточнены: «свободно исповедовать свою веру» можно было только в том случае, «если это не противоречило публичному порядку и традициям публичности»; свободу вероисповедания нельзя было использовать «в противоречии с законами государства»; религиозные союзы не «могли вставать в противоречие с интересами государства» [133].

После смерти Ю. Пилсудского в мае 1935 г. правительство Польши возглавил генерал М. Зындрам-Косцялковский, с которым русская колония в Польше не могла связывать каких-либо надежд на улучшение ситуации. Конституция отразила плоды политики государственной консолидации, в ее тексте сознательно не был употреблен термин «народ», его заменили термином «общество». Основой самосознания народа без различия национальностей должен был стать «польский национализм». В этом польская элита видела основу величия польского народа и нового польского государства. Таким образом, декларируемое равноправие национальных меньшинств

стало напрямую зависеть от степени их толерантности по отношению к государственной власти и титульной нации.

Ужесточилась до предела государственная политика Польши в отношении русских эмигрантов: отделы Русского национального и молодежного объединений повсеместно закрывались, во многих местностях запретили продажу русских газет, календарей и прочей печатной продукции. Продолжалось закрытие и уничтожение православных церквей.

После кончины маршала Пилсудского, с личностью которого были связаны надежды лидеров политической русской эмиграции на поддержку в борьбе с большевиками, официальная власть приступила к созданию лагеря национального объединения на основе политической консолидации всех слоев общества *. Главным центром консолидации национальных сил признали армию, как «важный, характеризующий и положительный элемент нашей государственной жизни» [134]. Начиналось формирование культа армии и ее вождя — Эдварда Рыдз-Смиглого, генерального инспектора польской армии [135]. В структуре второго отдела генерального штаба был сформирован реферат национальностей (Е 2), который должен был реализовать задачи в работе с национальностями в рамках концепции прометеизма [136].

Официальными направлениями общественного развития стали национализм, католицизм и тоталитаризм. К польскому народу принадлежали только те, кто был этническим поляком и католиком и «идентифицировал интересы с польским государством». В рамках идеи национальной консолидации лагерь пилсудчиков разработал три направления решения национальной проблемы в Польше в зависимости от характерных особенностей национальных меньшинств: новый этап ассимиляции, создание гетто, стимулирование эмиграции из страны [137]. В отношении славянского («православного») меньшинства в 1937–1938 гг. было выбрано третье направление в координации его с осадничеством **. По официальным данным, в 1937 г. насчитывалось всего 138,7 тысячи человек «малого» русского меньшинства. Почти все русские проживали на территории, ранее входившей в Российскую империю: в воеводствах Виленском (43 тысячи человек), Белостоцком (35 тысячи), Волынском (23,4 тысячи, Полесском (16,2 тысячи), Новогродском (6,8 тысячи). Остальные

* Лагерь национального объединения – Oboz Zjednoczenia Narodowego (OZN) под руководством А. Коца и А. Галицы.

** Осадничество — государственная политика по заселению восточных территорий Польши лицами польской национальности. Применялись меры по наделению поляков-осадников землей за счет земли местного белорусского и украинского населения.

14,3 тысячи русских проживали на территории бывшей Конгрессовой Польши. 61,7% русских проживали в сельской местности, 38,3% — в городах [138].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Тишков В.* Национальная идентичность // Известия. 06.10.2006.

2 Термин «диаспора» применительно ко всему комплексу различных категорий русских, как в Польше, так и в других государствах русского рассеяния, на наш взгляд, не вызывает отторжения. В современном понимании диаспора — это этническая общность (значительная часть народа), пребывающая вне страны его происхождения, которая сформировалась в результате насильственного выселения, угрозы геноцида, действия экономических и географических факторов (см. БСЭ. Т. 8. М., 1972). См. также: *Пушкарёва Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом //Отечественная история. 1996. № 1; *Дятлов В.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1; *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001; *Симонова Т.М.* Российская диаспора в Польше // Национальные диаспоры в России и за рубежом. XIX–XX. М., Институт Российской истории РАН. 2001; *Тарле Г.Я.* Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001; *Селунская В.М.* Русская диаспора в Финляндии между двумя мировыми войнами (1919–1939) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 5.

3 По официальным данным Статистического комитета, первая перепись населения в Польше 30.09.1921 г. выявила 31,6% непольского населения. См.: Информация Статистического комитета // Свобода. 1921. 1 июля. № 192. См. также: Sprawy narodowościowe. R. 1. 1927. № 1. S. 95.

4 *Лабынцев Ю.А.* Всему православному миру. М.: «Русское слово», 1995. С. 5–6.

5 *Левицкий Д.* О положении русских в независимой Латвии // Новый журнал. 1980. № 141; *Башмакова Н., Лайонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939 // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1990. T. VII; Русские общества в Латвии (1920–1940 гг.). Рига, 1992; *Фейгмане Т.* Русские общества в Латвии (1920–1940 гг.). Рига, 1992; *Abyzov J.* Riga. Der Lettische Zweig der Russischen Emigration // K. Schlogel. Der groβe Exodus. München, 1994; *Лабынцев Ю.А.* Всему православному миру. М., 1995., а также ряд других работ этого исследователя, в том числе — в соавторстве со *Щавинской Л.Л; Исаков С.Г.* Русские в Эстонии: 1914–1940: Историко-культурный очерк. Тарту, 1996; *Робкова Е.Б.* Русские в Польше в 20-е гг. // Российское Зарубежье. Итоги и перспективы изучения. М., 1997; *Фейгмане Т.* Русские в довоенной Латвии. Рига. 2000; Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940) / Под ред. С.Г. Исакова. СПб.; Тарту, 2001; *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию: Очерк истории и культуры. СПб.,

2002; *Сыч А.И.* Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. 2004. № 1; *Тетеревлёва Т.П.* Пореволюционная российская эмиграция на Севере Европы 1917 — начала 1920-х гг. // Русский исход. СПб., 2004; *Швайко В.Г.* Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921–1939 гг. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. Гродно, 2005; *Барановский В., Поташенко Г.* Староверы Балтии и Польши. Вильнюс, 2005.

6 *Karpus Z.* Jeńcy wojenni i emigracja polityczna z Rosji na Pomorzy w latach 1914–1939. Procesy asymilacyjne? Stosunek miejscowego społeczeństwa // Migracje polityczne i ekonomiczne w krajach nadbałtyckich w XIX–XX w. Toruń-Gdańsk, 1997; Emigracja rosyjska. Losy i idée. Łódź, 2002; *Zamojski J.* Biała emigracja rosyjska w Polsce: sytuacja, problemy (1919–1939) // Emigranci i społeczeństwa przyjmujące; adaptacja? integracja? transformacja? Warszawa, 2000; *Станиславский В.* Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша. 2002. № 5.

7 *Замойский Ян Е.* Русская (белая) эмиграция в Польше и ее польские связи (1918–1939) // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 170; *Stanisławski W.* Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności // Sprawy narodowościowe — Seria nowa. T. V. (1996). Z. 2(9). S. 23.

8 *Замойский Ян Е.* Русская (белая) эмиграция в Польше и ее польские связи (1918–1939). С. 171.

9 Цит. по: *Stanisławski W.* Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej. S. 29.

10 «Войска брошены на произвол судьбы». Бредовский поход в Польшу / Публ. Т. Симоновой // Источник. 2000. № 2. С. 10–11.

11 *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińcy na terenie Polski w latach 1918–1924. Toruń, 1997. S. 76.

12 «Войска брошены на произвол судьбы…». С. 25–26.

13 Там же. С. 27–28.

14 *Матвеев Г.Ф.* О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001, № 9. С. 124; *Симонова Т.М.* Мир и счастье — на штыках. Новые подробности о советско-польской войне // Родина. 2000. № 10. С. 62–63; *Михутина И.В.* Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг.? // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 64–66.

15 Письмо и.о. начальника второго отдела штаба майора Ульриха от 22 декабря 1920 г. // РГВА. Ф. 308. Оп. 10. Д. 278. Л. 179.

16 *Мандельштам А.* Бывшие граждане Российской империи перед лицом закона о польском гражданстве // За свободу. 9.04.1925. № 96.

17 Индигенат — особый правовой статус населения французских колоний, гражданство (подданство) данного государства.

18 Акты Польской Республики за 1918–1921 гг. / Пер с пол. яз. Под ред. Н.М. Рейнке, со ст. Ю.П. Кистера и К.Н. Николаева. Варшава, 1921. С. 58–61; ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

19 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. М.: «Наука», 1965. С. 514.
20 Там же. С. 503.
21 Собрание Узаконений РСФСР за 1922 г. № 1. Ст. 11.
22 Цит. по: *Егорьев В.В., Лашкевич Г.Н., Плоткин М.А., Розенблюм Б.Д.* Правовое положение граждан и юридических лиц СССР за границей. Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. С. 37.
23 Там же. С. 28.
24 Там же. С. 108.
25 Там же. С. 112.
26 Там же. С. 293–294.
27 Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 624.
28 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. С. 525–527.
29 Там же. С. 527–528.
30 Karta azylu (пол.) — в дословном переводе — удостоверение (билет) об убежище, karta pobytu (пол.) — удостоверение о пребывании.
31 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. М.: «Наука», 1966. С. 22
32 «Последние известия» (Ревель). № 18, 24 января 1921 г.
33 Сегодня. Рига. № 31, 8 февраля 1922 г.
34 Там же. № 19, 24 января 1922 г.
35 За свободу. 1922. 23 марта. № 15.
36 Агентурное сообщение ИНО ГПУ из Дании с изложением содержания беседы военного представителя генерала С.Н. Потоцкого // Там же. С. 128.
37 См.: *Войцеховский С.Л.* Трест. Воспоминания и документы. Канада: Заря. 1974.
38 Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. научн. трудов. Спб., 2006. С. 286.
39 Организационные бюро находились: в Дубно, Луцке, Пинске, Ровно, Бресте, Ковеле, Сарнах, Владимире-Волынском, Остроге, Волоковыске, Гродно, Слониме, Варшаве и лагере Калиш.
40 РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 76. Л. 59–60.
41 Там же. Л. 61.
42 ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 27. Д. 1. Л. 210.
43 Там же. Л. 221–222.
44 РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 76. Л. 66.
45 *Пономарёва Г.* Граница и проволока // Труды по знаковым системам. Тарту, 1998. С. 186–187, 194.
46 Отчет РК за период 1919–1920 гг. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.
47 Там же. Л. 2–11.
48 Отчет миссии МКК за 1922 г. на французском языке // Там же. Д. 14. Л. 2–4об.
49 Отчет о деятельности Главного управления Российского Общества Красного Креста с 1 марта по 1 ноября 1921 г. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 68. Л. 16.

50 Отчет миссии МКК за 1922 г. на французском языке. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–11.

51 Письмо В.В. Уляницкого от октября 1921 г. // Там же. Д. 3. Л. 20.

52 Там же. Л. 20об.

53 Отчет В.В. Уляницкого Д.В. Философову о работе РПК к октябрю 1921 г. // Там же. Д. 94. Л. 2–6.

54 Отчет П. Симанского о проверке деятельности РЭК. // Там же. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 154. Л. 33–39.

55 Письмо Л. Ивановского Б. Савинкову от 18.11.1921 г. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 3. Л. 420.

56 Там же.

57 *Kukułka J.* Francja a Polska po traktacie wersalskim (1919–1922) Warszawa, 1970. S. 418.

58 Письмо Н.В. Чайковского Дмитрию Михайловичу от 14.02.1921. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 2. Л. 33–33об.

59 Письмо варшавского отдела Земгора в Парижское отделение от 9.03.1921 г. // ГАРФ. Ф. 7003. Оп. 1. Д. 7. Л. 141.

60 Письмо П.Э. Бутенко в Российский Земско-Городской Комитет от 3.05.1921. // Там же. Л. 135.; Ответ кн. Н.Н. Львова П.Э. Бутенко 14.06.1921. // Там же. Л. 134–134об.

61 Там же. Л. 107.

62 Там же. Л. 111–111об.

63 Смета расходов по оказанию помощи беженцам в Польше из сумм Земско-Городского Комитета на июль месяц 1921 г. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–28об.

64 Письмо Н.Н. Львова П.Э. Бутенко 18.10.1921. // ГАРФ. Ф. 7003. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–55.

65 Справка о положении в лагере Тухола за подписью П.Э. Бутенко и Азаревича. Б.д. // Там же. Л. 28–29.

66 Письмо генерала Е.К. Миллера в Парижское Управление Земгора от 10.11.1921. // Там же. Л. 45.

67 Письмо П.Э. Бутенко в редакцию газеты «Вечернее время» от 4.12.1924. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 38–39об.

68 Письмо П.Э. Бутенко в редакцию газеты «Вечернее время» от 4.12.1924. // Там же. Л. 41.

69 Отчет о деятельности РПК за 1922 г. // Там же. Л. 1.

70 Отчет РПК о работе за 1922 г. // Там же. Л. 1–3об.

71 Там же. Д. 4. Л. 309.

72 Отчет Ю.Я. Азаревича о положении в Вильно, Полесье, Волыни и Галиции (15.03.– 1.10.1922). // Там же. Д. 96. Л. 13.

73 Справка о Польше. Б.д. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 41. Л. 77–80.

74 Там же. С. 342–344.

75 ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 9. Л. 5–5об.

76 Выдержка из доклада Н.И. Астрова «О международной помощи русским за границей» общему собранию РЗГК 5 августа 1924 г. // Русские беженцы. Проблемы расселения, возвращения на родину, урегулиро-

вания правового положения. 1920–1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 149.

77 Письмо из Правления Земгора (Париж) П.Э. Бутенко 16.02.1923. // ГАРФ. Ф. 7003. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

78 ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

79 Там же. Д. 9. Л. 49.

80 *Бочарова З.С.* «…Не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 20–30-е годы. СПб., 2005. С. 176.

81 Письмо П.Э. Бутенко № 669 Верховному комиссару Ф. Нансену и делегату Международного Красного Креста от 3 марта 1923 г. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 6. Л. 171–171об.

82 Русские беженцы. С. 147.

83 Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. С. 276.

84 Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. М., 1966. С. 227.

85 Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. М.; СПб.: Летний сад. 2004. С. 706.

86 Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 21.01.1923. // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 41. Л. 87.

87 Выдержка из доклада Н.И. Астрова «О международной помощи русским за границей» общему собранию РЗГК 5 августа 1924 г. // Русские беженцы. С. 148.

88 Сообщение РПК о решении польского правительства от 17.01.1923. // ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 2. Д. 1. Л. 27.

89 Письмо в Британо-американский комитет помощи от 11.06.1923. // Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 79.

90 Циркуляр РПК по правовому положению № 388. // Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.

91 Выдержка из доклада Н.И. Астрова «О международной помощи русским за границей» общему собранию РЗГК 5 августа 1924 г. // Русские беженцы. С. 150.

92 ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 10. Л. 43об.

93 Там же. Д. 6. Л. 137об.

94 Выдержка из доклада Н.И. Астрова «О международной помощи русским за границей» общему собранию РЗГК 5 августа 1924 г. // Русские беженцы. С. 154.

95 «За свободу». 1925. 21 марта. № 78.

96 Анкета о действии нансеновских паспортов в Польше от 17.01.1925 г. // ГАРФ. Ф. 7003. Оп. 1. Д. 17. Л. 23–23об.

97 Письмо П.Э. Бутенко в Земгор (Париж) от 27.10.1925. // Там же. Л. 48.

98 Там же. Л. 48об.

99 Там же. С. 148–149.

100 ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–10. См. также: *Бочарова З.С.* «..Не принявший иного подданства». С. 180.

101 Prawo o emigracji w Polsce. C. 152.

102 *Илов М.* Русские в Польше (1919–1939) // Новый журнал. 1990. № 179. С. 262.

103 *Faryś J.* Miejsce Polski w Europie w publicystyce «Rządu i Wojska» w latach 1918–1921. Z dziejów piłsudczykowskiej myśli politycznej // Problemy narodowościowe Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku. Księga pamiątkowa dla professora Przemysława Hauzera. Poznań.: Wyd. Naukowe UAW. 2002. S. 420.

104 Отчет РУД смешанной комиссии по репатриации с апреля 1921 по 15 февраля 1923 гг. // АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 5. Пор. 39. П. 105-а. Л. 6.

105 *Бутенко П.Э.* Польская демократия и русская эмиграция // За свободу. 1925. 7 июля. № 147.

106 За свободу. 23.05.1926. № 117.

107 *Философов Д.* Учительский съезд и польская политика // За свободу. 1925. 16 апреля. № 100.

108 *Симонова Т.М.* Дмитрий Философов — публицист и издатель // Славяноведение. 2007. № 4. С. 62.

109 Институт исследования национальных проблем был создан в 1921 г. См.: *Губина Т.М.* (*Симонова*). Взгляды М. Хандельсмана по вопросам международных отношений и внешней политики в 20-е — начале 30-х годов / Идейно-политическая борьба в странах Европы и Америки. Под ред. И.В. Григорьевой. М.: Изд-во МГУ. 1988. С. 107. См. также: Sprawy narodowościowe. R. 1. Warszawa. 1927. № 2. C. 180.

110 Документы внешней политики СССР. Т. 10. М., 1965. С. 574.

111 2-й отдел польского Генштаба (разведка) носил наименование «экспозитуры».

112 РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 217. Л. 25.

113 Сегодня. Рига, 1928. 11 сентября. № 246.

114 *Симонова Т.М.* Концепция «прометеизма» и политика Польши в отношении эмиграции из России // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 266–290.

115 Если иностранец не мог доказать принадлежности к какому-либо государству, то принцип взаимности на него не распространялся. См.: *Бочарова З.С.* «…Не принявший иного подданства». С. 123.

116 *Бочарова З.С.* «…Не принявший иного подданства». С. 145–146.

117 *Симонова Т.М.* Специфика правового положения различных групп российской эмиграции в Польше в период с 1919 по 1928 г. СПб., 2006. С. 265.

118 *Философов Д.* «18». По поводу высылок за пределы Польши // За свободу. 1928. 5 августа. № 208.

119 За свободу. 06.10.1928. № 230.

120 *Бочарова З.С.* «…Не принявший иного подданства». С. 150–151.

121 Речь министра Залесского в VI комиссии Общественного собрания Лиги Наций // За свободу. 1930. 22 августа. № 257.

122 За свободу. 1930. 1 ноября. № 297. Приложение «Объединение».

123 Устав Русского общественного комитета в Польше // Там же.

124 *Философов Д.В.* «Воздетые руки. Простые слова о вещах крайне важных». По поводу «Дня непримиримости». // За свободу. 07.11.1930. № 302.

[125] *Илов М.* Русские в Польше (1919–1939) // Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 179. 1990. С. 255.

[126] За свободу. 03.04.1932. № 75.

[127] *Илов М.* Русские в Польше (1919–1939). С. 258.

[128] ГАРФ. Ф. 5900. Оп. 1. Д. 13. Л. 79.

[129] Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара. М., 1994. С. 83.

[130] *Сирк В.* Русская интеллигенция в Эстонии с последних лет царской власти до Второй мировой войны // Россия и Балтия. Эпоха перемен (1914–1924). М., 2002. С. 115.

[131] *Илов М.* Русские в Польше (1919–1939)//Новый журнал. 1990. № 179. С. 262.

[132] *Kumaniecki K.* Nowa Konstytucja Polska. Nakladem autora. Kraków, 1935, S. 7.

[133] Там же. С. 32–29.

[134] *Paruch W.* Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej. Lublin, 1997. S. 254.

[135] Там же. S. 427.

[136] *Bączkowski W.* Karta z historii stosunków polsko-ukraińskich. Biuletyn polsko-ukraiński. «N». 1986. T. 19. S. 123–125.

[137] *Paruch W.* Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej. S. 270.

[138] Там же. С. 36.

Научное издание

В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX — первая половина XX в.)

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Г. А. Бадина*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
15,5 п. л. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6